

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 3, 2026**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Шустова Светлана Викторовна** – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Аверина Анна Викторовна** – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
- Абашев Владимир Васильевич** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Андросова Светлана Викторовна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
- Арустамова Анна Альбертовна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Архипова Ирина Викторовна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
- Балакин Сергей Владимирович** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)
- Братухин Александр Юрьевич** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Бурдина Светлана Викторовна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Власова Елена Георгиевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Гордиенко Татьяна Петровна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)
- Дворцова Наталья Петровна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)
- Евсеева Ирина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)
- Зеленина Тамара Ивановна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)
- Игна Ольга Николаевна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)
- Иоселиани Аза Давидовна** – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
- Комарова Юлия Александровна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
- Кондаков Борис Вадимович** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Коптева Наталия Васильевна** – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
- Косолапова Лариса Александровна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Костева Виктория Михайловна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)
- Кошкарлова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)
- Маркова Татьяна Николаевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)
- Меньшакова Надежда Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Онина Софья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)
- Поздеев Вячеслав Алексеевич** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Старооскольский технологический институт имени А. А. Угарова НИТУ «МИСИС»)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Международный университет «МИТСО»)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 3, 2026**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

- Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Vladimir V. Abashev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)
- Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Irina V. Arkhipova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)
- Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)
- Elena G. Vlasova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)
- Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)
- Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)
- Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)
- Tamara I. Zelenina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)
- Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)
- Aza D. Joseliani** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)
- Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)
- Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
- Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)
- Larisa A. Kosolapova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Perm, Perm State University)
- Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)
- Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)
- Nadezda N. Menshakova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)
- Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)
- Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)
- Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)
- Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Russian State Academy of Intellectual Property)
- Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)
- Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Starooskolsky Technological Institute named after A. A. Ugarov of NITU MISIS)
- Olga G. Sidorova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Irina A. Shumilova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Krasnodar, Kuban State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, International University «MITSO»)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Mekhrinisso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

Editorial Board, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.....	6
<i>Т. Г. Горин</i>	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ	6
<i>И. В. Архипова</i>	
ИТЕРАТИВНЫЙ ТИП АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫХ СИТУАЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ С GE-)	18
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	31
<i>Н. Н. Меньшакова, А. М. Зуева</i>	
ПЕРЕДАЧА НАРРАТИВНЫХ РЕПЛИК ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ SPLIT FICTION С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	31
ДИСКУРСОЛОГИЯ.....	40
<i>И. С. Наборщиков</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИХ КОНЦЕПТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США	40
<i>Е. О. Зубарева, К. Д. Шишкина</i>	
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОМИКСА	49
<i>Сайф Улла Тарик Бутт</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАЛАНДШАФТА ПАКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА	60
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	74
<i>В. В. Абашев</i>	
«ТВОРЕЦ ЛЮДЕЙ, ГЛАШАТАЙ КНИГ И ВКУСОВ...»: К ВОПРОСУ О РОЛИ А. И. УРУСОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1890-Х ГГ.....	74
<i>А. П. Чагина</i>	
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ «THE CROW» ДЖ. О'БАРРА.....	87
<i>Н. В. Романова</i>	
АВТОБИОГРАФИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ.....	97
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	107

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 6–17.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 6-17.

Научная статья

УДК 811.161.1'36

EDN: EOQNZM

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-6-17

<https://elibrary.ru/eoqnzm>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ

Тимофей Георгиевич Горин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
tgjrin567@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется категория инструментальности как сложный семантико-прагматический конструкт в функциональной грамматике. В работах ученых анализируются понятийные и семантические аспекты инструментальных отношений в русском языке. Особое внимание уделяется функционально-семантическому полю инструментальности, его полицентрической структуре, включающей центры «средство-предмет» и «средство-непредмет». Подробно рассматривается категориальная ситуация инструментальности, объединяющая субъект, объект и средство, а также регулятивную, исполнительскую и результативную фазы деятельности акта. Важным результатом работы является построение градиционной типологии инструментальных конструкций на основе степени интеграции инструмента в семантику глагола. Выделены четыре группы: глаголы с инкорпорированным инструментом, с обязательным и факультативным употреблением орудия, а также конструкции с метафорической инструментальностью. Это демонстрирует континуальный характер категории, простирающейся от физического орудия до абстрактных способов действия. Разграничение опредмеченной и неопредмеченной инструментальности позволяет расширить понимание средства за рамки материальных объектов, включая речь, эмоции и социальные действия. Центральным средством выражения остается творительный падеж, реализующий как классические орудийные, так и метафорические функции. Делается вывод о динамичном характере категории инструментальности, отражающей фундаментальные способы человеческой деятельности и познания через язык. Исследование подтверждает статус инструментальности как универсальной понятийной сущности, реализующейся через разнообразные языковые средства и подтверждающей закон экономии в языке через инкорпорацию. Автор подчеркивает, что язык выступает активным инструментом конструирования реальности, а не просто кодом передачи информации, что соответствует современным тенденциям функциональной грамматики.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантика, инкорпорация, инструментальность, глагол.

Для цитирования: Горин Т. Г. Лингвистические аспекты категории инструментальности // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 6–17. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-6-17>. EDN: EOQNZM

Original article

LINGUISTIC ASPECTS OF THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY

Timofey G. Gorin

Perm State University, Perm, Russia, tgjin567@gmail.com

Abstract. The article examines the category of instrumentality as a complex semantic-pragmatic construct within functional grammar. In the article conceptual and semantic aspects of instrumental relations in Russian are analyzed. Special attention is paid to the functional-semantic field of instrumentality, its polycentric structure, including centers “means-object” and “means-non-object”. The categorical situation of instrumentality is detailed, uniting subject, object, and means, alongside regulatory, executive, and resultative phases of the activity act. A key result is constructing a gradational typology of instrumental constructions based on instrument integration into verb semantics. Four groups are identified: verbs with an incorporated instrument, obligatory and optional tool use, and constructions with metaphorical instrumentality. This demonstrates the continuum nature of the category, ranging from physical tools to abstract modes of action. Distinguishing objectified and non-objectified instrumentality expands understanding of means beyond material objects, including speech, emotions, and social actions. The instrumental case remains the central means of expression, realizing both classical instrumental and metaphorical functions. It is concluded that instrumentality is a dynamic category reflecting fundamental ways of human activity and cognition. The study confirms instrumentality as a universal conceptual entity, realized through diverse linguistic means and confirming the law of economy via incorporation. The author emphasizes language as an active tool for constructing reality, not just an information code, aligning with modern functional grammar.

Keywords: functional grammar, semantics, incorporation, instrumentality, verb.

For citation: Gorin T. G. Linguistic Aspects of the Category of Instrumentality. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:6-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-6-17>. EDN: EOQNZM

Введение

Категория инструментальности традиционно привлекает внимание лингвистов в силу своей универсальности и многогранности. Категория актуализируется почти всех уровнях языка — от морфологии и лексики до синтаксиса и прагматики — и отражает фундаментальные способы осмысления человеком собственной деятельности, где любое действие может осуществляться с помощью того или иного средства. Несмотря на обширную исследовательскую традицию многие аспекты инструментальности остаются

дискуссионными: соотношение предметного и абстрактного инструмента, степень интеграции инструмента в семантику глагола, границы функционально-семантического поля инструментальности.

Основная часть

Категория инструментальности в лингвистическом понимании представляет собой пересечение грамматики, семантики и прагматики. В отличие от формальных моделей, рассматривающих грамматические структуры как автономные системы, функциональная грамматика интерпретирует языковые формы в качестве предметов конструирования смысла в конкретных коммуникативных контекстах. В таком случае мы наблюдаем актуализацию категории инструментальности не просто как лингвистического феномена, связанного с описанием средства или орудия действия, но как сложного семантико-прагматического конструктора. Тенденции современной лингвистики заключаются в переходе на рассмотрение языка не просто как систему знаков, а как динамический инструмент коммуникации и познания. Язык рассматривается не как простой «код» передачи информации, а как активный, изменчивый инструмент, с помощью которого люди общаются, мыслят, конструируют реальность и взаимодействуют с миром. «Лингвистика – это наука, которая изучает не только язык, но и отражаемые в языке аспекты мышления – через язык, через языковые значения» [Бондарко 1983: 63]. Язык выступает не просто средством передачи информации, а своеобразным отражением нашего сознания, поскольку через него проявляются способы восприятия мира, категории мышления, культурные установки и даже особенности рассуждения. Исходя из этого, мы понимаем, что язык, как и мышление человека – явление изменяющееся, динамическое. «Исследования во всех аспектах, в которых проявляется динамичность языковых систем и подсистем, подтверждают необходимость теоретического осмысления всех этих явлений в совокупности» [Шустова 2010: 15]. Для того, чтобы изучить данный аспект необходимо рассмотреть несколько пунктов: понятие категорий в функциональной грамматике и понятие инструментальности.

Начнем с рассмотрения понятия категории в функциональной грамматике. Для более глубокого понимания этого аспекта нам необходимо обратиться к трудам исследователей по интересующей нас тематике. Например, А. В. Бондарко дает следующее определение грамматическим категориям (ГК): «ГК – это система рядов грамматических норм (система граммов), объединяемых обобщенным категориальным значением, представляющим собой родовое понятие по отношению к значениям компонентов данной категории как понятиям видовым» [Бондарко 2004: 8]. Более того, исследователь проводит разделение по типам понятийных категорий: «Можно выделить два уровня понятийных категорий и их систем: 1) уровень универсальных фундаментальных понятийных категорий; и 2) уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных инвариантов и не универсальные понятийные варианты» [Бондарко 1983: 63]. А. В. Бондарко рассматривает именно взаимодействие понятийных и семантических категорий, то есть, содержания (мыслей) и их языкового воплощения.

В своем исследовании Н. А. Кобрина выделяет три основных типа категорий.

I. Первый тип – категории, отражающие реальность в виде форм и предметов мысли (соответствуют философским понятиям). Они проявляются в семантике – либо в лексических группах, либо в частеречных классах – и практически неотделимы от понятийного смысла. В семантической синтаксисе такие категории обозначаются как семантические роли (актанты). Соотношение этих категорий с языковыми формами неоднозначно и зависит от типа языка: в синтетических языках одно понятие выражается одной или несколькими формами, в изолирующих – одна форма может выражать несколько понятий. Эта неоднозначность функционально значима для типологии языков.

II. Второй тип – параметрические категории (вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж). Их связь с языковой формой редко бывает однозначной; они часто реализуются совместно морфологическими и синтаксическими средствами.

III. Третий тип – релятивные (операционные) категории, лежащие в основе понятийных схем. Они отражают соотношения между действиями / событиями и участвующими в них субъектами, являясь образным отражением реальности. При выборе семантического предиката и заполнении всех позиций схемы такая структура превращается в пропозицию. Эти категории лежат в основе различных структурных и коммуникативных типов предложения и реализуются через семантические сущности языка. [Кобрина 1989: 43–44]. Благодаря этой классификации в нашей работе предлагается системный взгляд на типологию категорий.

Инструментальность рассматривается как семантическая категория. Семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности в структурах конкретных языков. Они рассматриваются как понятийные (мыслительные, когнитивные) сущности, так как фиксируют единство мира и единство его восприятия, актуализируя определенные функции [Шустова 2023: 50]. В работе Н. В. Лосевой и Т. В. Брагиной инструментальность рассматривается как «один из базовых универсальных концептов, входящих в языковое сознание на довербальном предметно-семантическом уровне» [Лосева, Брагина 2020: 108].

Инструмент присутствует в любом виде человеческой жизнедеятельности. А это, в свою очередь, указывает на широкую представленность данной категориальной ситуации в языке. «Категория инструментальности неоднородна и включает в себя ряд субкатегорий, связанных с обозначением орудия, средства, посредника, способа совершения действия и др.» [Лосева Брагина, 2020: 108].

В связи с этим возникает необходимость разделения глаголов инструментальной семантики на два подтипа: глаголы, включающие в свой семантический потенциал значение опредмеченной инструментальности (далее – ГПИ) и неопредмеченной (далее – ГНПИ). ГПИ представляют собой способ осуществления определенного действия посредством определенного предмета, физической вещи, в то время, как ГНПИ – посредством способа. Данное теоретическое разграничение позволяет выйти за рамки традиционного понимания «инструмента» как физического орудия (*нож, молоток, пила* и т. д.). Неопредмеченная инструментальность охватывает такие абстрактные средства, как речь, эмоции, поведение,

информация и даже социальные действия. Такой подход расширяет семантическое поле категории и позволяет анализировать сложные конструкции, где «инструментом» выступает, например, восторг или молчание как средство осуществления определенного действия. Система таких средств наблюдается в работе С. В. Шустовой: «Человек использует в качестве средств осуществления своей деятельности самые разнообразные ресурсы – предметы, действия, состояния, свойства, информацию, силы природы. Анализ многочисленных классификаций «инструментов» по денотативному признаку показывает, что на материале разных языков в первую очередь выделяется такой признак инструментальности, как предмет. Инструментальные отношения в широком смысле – не только то, что обычно понимается как орудие, но и понятия, ситуации, обстоятельства, поведение и т. д.» [Шустова 2021: 83]. Категориальная ситуация инструментальности представляет собой сложный семантико-прагматический конструкт, выходящий за рамки традиционного понимания инструмента как физического орудия. В функциональной грамматике инструментальность выступает как универсальная понятийная категория, реализующаяся в языке через разнообразные субкатегории – орудие, средство, способ, посредник и др.

Средства выражения инструментальных отношений в русском языке многообразны. На морфолого-синтаксическом уровне центральное место занимает творительный падеж, который может выражать как классическое орудийное значение (*резать ножом*), так и более абстрактные смыслы. Как отмечают Н. В. Лосева и Т. В. Брагина, категория инструментальности неоднородна и включает субкатегории орудия, средства, посредника и способа совершения действия [Лосева, Брагина 2020: 108]. Это приводит к разделению инструментальности на два крупных блока: опредмеченную и неопредмеченную.

Опредмеченная инструментальность связана с использованием конкретного физического предмета. Она может выражаться эксплицитно, через творительный падеж существительного («*бить молотком*»), или быть имплицитной, когда инструмент инкорпорирован в семантику глагола. Неопредмеченная (абстрактная) инструментальность охватывает средства, не имеющие физической природы. К ним относятся действия-способы, речь, эмоции, поведение, информация и социальные действия. Н. В. Лосева и Т. В. Брагина подчёркивают, что инструмент присутствует во всех видах человеческой жизнедеятельности, что подтверждает широкую представленность данной категории в языке [Лосева, Брагина, 2020: 108]. Так, в выражениях «*воздействовать словом*» или «*встретить молчанием*» творительный падеж реализует инструментально-метафорическую функцию, где инструмент утрачивает материальную природу. Средства выражения инструментальности варьируются от прямого указания на физический предмет до сложных метафорических конструкций, что подтверждает статус данной категории как универсальной понятийной сущности.

Анализ языкового материала, в частности дефиниционный и контекстуальный анализ функционирования глаголов инструментальной семантики, позволяет выйти за рамки бинарного деления на опредмеченную / неопредмеченную инструментальность и

построить градационную типологию инструментальных конструкций. В основу классификации положена степень интеграции инструмента в семантику глагола и его синтаксическая выраженность, что развивает идеи Ю. Д. Апресяна [Апресян 1966], Е. В. Мартынюк [Мартынюк 2014], В. В. Ярковой [Яркова 2025] и С. В. Шустовой [Шустова 2021].

Глаголы с инкорпорированным инструментом. В данной группе инструмент лексически закодирован в самом глаголе и не требует обязательного упоминания. Это прототипические инструментальные глаголы, где действие неразрывно связано с конкретным орудием. К ним относятся «пилить» (пила), «молотить» (молот), «резать» (острый предмет / резак). Синтаксическая структура предложения с такими глаголами может быть предельно краткой («Он пилит доску»), так как инструмент является частью семантического ядра.

Глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента. В эту группу входят глаголы, где инструмент не инкорпорирован в семантику, но содержательно обязателен для реализации действия. Инструмент может варьироваться в пределах функционального класса, однако его использование подразумевается контекстом. Классическим примером является глагол «грести», прототипическое значение которого неразрывно связано с веслом. Даже если инструмент не упомянут («Он греб к острову»), инструмент восстанавливается из семантики глагола. Если же орудие меняется (например, *на руки*), меняется и лексическое значение глагола («сгребать»).

Глаголы с факультативным инструментом. Для этой группы глаголов наличие инструмента не является семантически обязательным. Действие может быть совершено как с помощью орудия, так и без него, без изменения основного значения глагола. Примером служит глагол «чистить»: можно чистить овощи ножом, а можно руками или щёткой. Суть действия («делать чистым / очищать») сохраняется в любом случае. К этой же группе относятся глаголы «рисовать», «вытирать», «бить».

Глаголы с метафорической / абстрактной инструментальностью. В данных конструкциях инструмент утрачивает материальность и трансформируется в абстрактное средство или способ. Творительный падеж выполняет не орудийную, а инструментально-метафорическую функцию. Глагол в таких конструкциях описывает воздействие, а инструмент представляет собой абстрактную сущность. Примеры: «бороться (чем?) активной позицией», «воздействовать (чем?) словом». Глаголы не содержат инструментальной семы, но в сочетании с абстрактным существительным в творительном падеже создают инструментальный контекст.

Данная типология демонстрирует континуальность категории инструментальности, где степень связи между действием и орудием может варьироваться от полного слияния до абстрактной метафоры.

Изучая проблемы семантики инструментальных глаголов, нельзя обойти стороной понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП). Рассматривая данное понятие, необходимо углубиться в выдвинутые другими исследователями определения этого явления.

Поскольку в 1970-е годы под руководством А. В. Бондарко сформировалось научное направление, получившее название Петербургской школы функциональной грамматики, мы начнем именно с его объяснения ФСП: «ФСП – комплекс разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 2017: 32]. А. В. Бондарко отмечает, что: «ФСП – это двусторонние единства, план содержания которых детерминируется соответствующей семантической категорией и её компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [Бондарко 2004: 11].

Исходя из этого, мы понимаем, что ключевым аспектом является взаимодействие содержания (семантического наполнения) и выражения этого в языке (различными языковыми средствами). Главенствующей характеристикой ФСП представляется его системная организация, которая раскрывается, как мы уже выяснили, через единство содержания и формы.

А. В. Бондарко в своей работе выделяет структуру ФСП: «Выделяются два основных структурных типа ФСП – моноцентрический и полицентрический. Моноцентрический тип структуры ФСП наиболее четко представлен полями, в центре которых находится определенная грамматическая категория, концентрирующая в целостной системе специализированное и регулярное выражение данного круга функций. Ср. отношения: глагольное время и темпоральное, вид глагола и аспектуальное, лицо и персональное, залог и залоговое. К полицентрическому типу относятся такие поля, как таксис (зависимый и независимый), качественность (атрибутивная и предикативная), бытийность (дискретная и недискретная), посессивное (атрибутивная и предикативная)» [Бондарко 2004: 14].

Благодаря этой структуризации наблюдается разница в структурных типах функционально-семантических полей, что дает нам более глубокое понимание этого явления. Помимо этого, А. В. Бондарко описывает центр и периферию функционально-семантических полей в своей работе: «Центр поля характеризуется совокупностью следующих черт:

- 1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр) – разреженность таких признаков (периферия);
- 2) сосредоточение связей языковых единиц, участие в максимальном числе оппозиций (центр) рассредоточение «сетки связей», их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия);
- 3) наибольшая специализация данного языкового средства или системы средств для реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия);

4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия). Существенны такие факторы, как постепенность переходов от центра к периферии, частичные пересечения полей или общие сегменты» [Бондарко 1976: 204–244; 1984: 58–70].

Инструментальность в русском языке зачастую фиксируется в творительном падеже. Об этом заявляют многие исследователи в своих научных работах. Например, А. Вежицкая отмечает, что использование существительных в творительном падеже в русском языке несет за собой обозначение этого существительного в качестве инструмента: «Главная функция творительного падежа в русском языке – это, конечно, указание на орудие действия («инструмент»). Мы говорим, что эта функция главная, поскольку так предположительно следует из самого названия падежа: творительный, или инструментальный, падеж идентифицируется в любом языке как падеж, имеющий среди своих функций функцию обозначения «инструмента» [Вежицкая 1985: 312].

Категориальная ситуация инструментальности является лингвистической конструкцией, в которой актуализируются взаимоотношения между действующим субъектом, целенаправленным действием и средством (инструментом), с помощью которого это действие осуществляется. Это значит, что в любой инструментальной языковой ситуации будут упоминаться (или имплицитно подразумеваться) эти три аспекта. Отсюда можно представить характеристику категориальной ситуации инструментальности.

1) Определение самой категориальной ситуации. Инструментальная категориальная ситуация характеризуется наличием определенных аспектов: субъект, объект, средство. Помимо этого фиксируется интенция субъекта к выполнению действия и получению результата. Субъект в данном случае может являться как одним определенным человеком, так и группой людей. Субъект всегда стремится к выполнению действия и получению результата. Объект в данной типологии представляется как предмет, на который направлено действие, процесс познания со стороны субъекта. Объект может быть представлен как в материальном виде – предметы, люди, так и в идеальном – информация, социально-общественные отношения и т. д. Более того, одна и та же вещь может представлять как субъект, так и объект деятельности, если деятельность направлена на эту же вещь. Средство может быть представлено как собственно материальными инструментами для воздействия, так и действиями человека, его свойствами и т. д.

2) Фазы деятельности акта. Регулятивная фаза: средство, которое помогает реализовать цель. Исполнительская фаза: средство, используемое для выполнения действия. Результативная фаза: средство, которое способствует достижению результата [Холле 2000: 23].

3) Функционально-семантическое поле. Функционально-семантическое поле инструментальности включает два центра: 1) средство-предмет (орудие): физические объекты, используемые для выполнения действий; 2) средство-непредмет (способ): абстрактные методы или подходы к выполнению действий [Ямшанова 1991: 68–80].

Инструментальность всегда выражает взаимоотношение субъект-объект-средство, выражается определенными фазами деятельностного акта и является полицентрическим функционально-семантическим полем [Рябкин 2025: 19].

Таким образом, представленные подходы позволяют систематизировать теоретические представления о ФСП и конкретизировать их применительно к категории инструментальности и ее семантике.

Заключение

В работе показано, что инструментальность представляет собой не просто формальную структуру, а сложный семантико-прагматический конструкт, который в функциональной грамматике трактуется как универсальная понятийная категория, отражающая деятельностный характер языка и мышления. Изначально центральным средством выражения инструментальных отношений в русском языке выступал творительный падеж, однако его функции простираются от конкретно-орудийного значения до абстрактно-метафорического, что позволяет говорить о широком спектре инструментальных смыслов.

Особое внимание уделено разграничению опредмеченной и неопредмеченной инструментальности, а также построению градиционной типологии инструментальных конструкций, включающей глаголы с инкорпорированным инструментом, глаголы с обязательным и факультативным прототипическим инструментом и конструкции с метафорической инструментальностью.

Такая типология демонстрирует континуальный характер категории, где степень связи между действием и орудием варьируется от полного слияния до метафорической трансформации.

В исследовании рассмотрено функционально-семантическое поле инструментальности, которое относится к полицентрическому типу с двумя центрами («средство-предмет» и «средство-непредмет»), а также описана категориальная ситуация инструментальности, включающая субъект, объект, средство и три фазы деятельностного акта. Таким образом, инструментальность предстаёт как динамичное, континуальное семантическое пространство, отражающее фундаментальные способы человеческой деятельности и познания.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики : Крат. очерк. М. : Просвещение, 1966. 302 с. EDN: PVZSJV
2. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. 336 с. ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. 207 с.
4. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 208 с.

5. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / отв. ред. С. Д. Кацнельсон; АН СССР, Институт языкознания. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 254 с.
6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. 136 с.
7. Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 15. С. 303–341.
8. Кобрина Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л. : Издательство ЛГПИ, 1989. С. 40–50. EDN: NNKTYH
9. Лосева Н. В., Брагина Т. В. Категория инструментальности в интерязыке (французском) искусственных мультилингвов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 106–113. DOI: 10.17308/lic.2020.2/2846 EDN: KLUWXS
10. Мартынюк Е. В. Актант инструмент с точки зрения теории прототипов // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2 (27). С. 82–88. EDN: SZWAHR
11. Рябкин С. А. Категория инструментальности: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22. EDN: DQETQX
12. Холле М. В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке : дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с. EDN: NLROLD
13. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO
14. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT
15. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 2-е изд., испр. и доп. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет; Прикамский социальный институт, 2010. 248 с. ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ
16. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 150 с. EDN: TOYCTL
17. Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «Пилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 42–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN

References

1. Apresyan Yu. D. Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966, 302 p. EDN: PVZSJV (In Russ.).
2. Bondarko A. V. Glagol'nye kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki [Verb categories in the system of functional grammar]. Moscow, Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 336 p. ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение, 1983, 207 p. (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2004, 208 p. (In Russ.).

5. Bondarko A. V. Teoriya morfologicheskikh kategorij [Theoretical problems of Russian grammar]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976, 254 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Funkcional'naya grammatika [Functional grammar]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1984, 136 p. (In Russ.).
7. Vezhbickaya A. Delo o poverhnostnom padezhe [The Case of the Superficial Case]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1985, iss. 15, pp. 303-341. (In Russ.).
8. Kobrina N. A. Ponyatijnye kategorii i ih realizaciya v yazyke [Conceptual categories and their implementation in language]. *Ponyatijnye kategorii i ih yazykovaya realizaciya* [Conceptual categories and their linguistic realization]. Leningrad, Izdatel'stvo LGPI, 1989, pp. 40-50. EDN: NNKTYH (In Russ.).
9. Loseva N. V., Bragina T. V. Kategoriya instrumental'nosti v interyazyke (francuzskom) iskusstvennyh mul'tilingvov [The category of instrumentality in the interlanguage (French) of artificial multilinguals]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2020, no. 2, pp. 106-113. DOI: 10.17308/lic.2020.2/2846 EDN: KLUWXS (In Russ.).
10. Martynyuk E. V. Aktant instrument s tochki zreniya teorii prototipov [Actant instrument from the point of view of prototype theory]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2014, no. 2 (27), pp. 82-88. EDN: SZWAHR (In Russ.).
11. Ryabkin S. A. Kategoriya instrumental'nosti: funkcional'no-semanticheskij aspekt [Category of instrumentality: functional-semantic aspect]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 3, pp. 15-22. EDN: DQETQX (In Russ.).
12. Holle M. V. Instrumental'nye pridatochnye predlozheniya i mestoimennye narechiya kak formy vyrazheniya kategorii instrumental'nosti v sovremennom nemeckom yazyke [Instrumental clauses and pronominal adverbs as forms of expression of the category of instrumentality in modern German]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2000, 194 p. EDN: NLROLD (In Russ.).
13. Shustova S. V. Instrumental'nost' v kauzativnoj situacii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2021, no. 3, pp. 82-89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO (In Russ.).
14. Shustova S. V. Instrumental'nost' v semanticheskom potenciale glagolov russkogo yazyka [Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2023, no. 11, pp. 49-61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT (In Russ.).
15. Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. 2th ed., Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, Prikamskij social'nyj institut, 2010, 248 p. ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ (In Russ.).
16. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemeckom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskij finansovo-ehkonomicheskij institut, 1991, 150 p. EDN: TOYCTL (In Russ.).
17. Yarkova V. V., Shustova S. V. Neprototipicheskaya kategorial'naya situaciya instrumental'nosti (na primere glagola russkogo yazyka «Pilit'») [A non-prototypical categorical situation of instrumentality (using the example of the Russian verb "to saw")]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2025, no. 5 (499), pp. 42-49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Горин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. G. Gorin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026;
принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for
publication 20.04.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 18–30.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 18-30.

Научная статья

УДК 811.112.2`37

EDN: GXSEV

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-18-30

<https://elibrary.ru/gxsewv>

ИТЕРАТИВНЫЙ ТИП АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫХ СИТУАЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ С GE-)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются немецкие предложные девербативы с приставкой Ge- в аспекте их функционального потенциала как средств актуализации итеративно-таксисных значений. В составе предложных девербативов с Ge- анализируются отглагольные имена (*das Gerede, das Gelächter, das Geschrei, das Gepolter, das Gelaufe, das Geklingel* и др.) в сочетании с предлогами темпоральной (*bei, mit, nach, seit*) и обстоятельственной (*mit, unter, wegen*) семантики. Целью исследования является выявление и описание итеративно-таксисных значений, актуализируемых предложными девербативами с Ge-, а также определение их роли в формировании итеративного типа аспектуально-таксисных ситуаций в немецком языке. Материалом исследования служат высказывания с предложными девербативами на Ge-, отобранные методом направленной выборки из электронной базы данных Немецкого словаря (DWDS) и Лейпцигского национального корпуса (LC). В ходе исследования выявлено, что предложные девербативы с Ge- выступают в качестве прототипического средства актуализации итеративно-примарно-таксисных значений одновременности (с предлогами *bei, mit*) и разновременности (с предлогами *nach, seit*), а также итеративно-секундарно-таксисных значений одновременности (с предлогами *mit, unter* в инструментальном / медиальном и модальном значениях) и следования (с предлогом *wegen* в каузальном значении). Итеративная семантика девербативов с Ge- может усиливаться с помощью итеративных квантификаторов (*ständig, mehrmalig, jeder* и др.), конкретизирующих характер многократности или регулярности обозначаемого действия.

Ключевые слова: таксис, итеративность, итеративно-таксисные значения, девербативы, предложные девербативы, приставка Ge-, одновременность, разновременность, итеративные квантификаторы.

Для цитирования: Архипова И. В. Итеративный тип аспектуально-таксисных ситуаций в немецком языке (на материале предложных девербативов с ge-) // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 18–30. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-18-30>. EDN: GXSEV

Original article

ITERATIVE TYPE OF ASPECTUAL-TAXIS SITUATIONS IN GERMAN (BASED ON PREPOSITIONAL DEVERBATIVES WITH GE-)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article examines German prepositional deverbatives with the prefix Ge- in terms of their functional potential as means of actualizing iterative-taxis meanings. The surveyed prepositional deverbatives with Ge- include verbal nouns (*das Gerede, das Gelächter, das Geschrei, das Gepolter, das Gelaufe, das Geklingel*, etc.) in combination with prepositions of temporal (*bei, mit, nach, seit*) and circumstantial (*mit, unter, wegen*) semantics. The purpose of the study is to identify and describe the iterative-taxis meanings actualized by prepositional deverbatives with Ge-, as well as to determine their role in the formation of the iterative type of aspectual-taxis situations in German. The research material is utterances with prepositional deverbatives in Ge-, selected by the method of directed sampling from the electronic database of the German Dictionary (DWDS) and the Leipzig National Corpus (LC). The study revealed that prepositional deverbatives with Ge- act as a prototypical means of actualizing iterative-primary-taxis meanings of simultaneity (with prepositions *bei, mit*) and non-simultaneity (with prepositions *nach, seit*), as well as iterative-secondary-taxis meanings of simultaneity (with prepositions *mit, unter* in instrumental/medial and modal meanings) and succession (with the preposition *wegen* in a causal meaning). The iterative semantics of deverbatives with Ge- can be reinforced by iterative quantifiers (*ständig, mehrmalig, jeder*, etc.), which specify the nature of the multiplicity or regularity of the denoted action.

Keywords: taxis, iterativity, iterative-taxis meanings, deverbatives, prepositional deverbatives, prefix Ge-, simultaneity, non-simultaneity, iterative quantifiers.

For citation: Arkhipova I. V. Iterative Type of Aspectual-Taxis Situations in German (based on prepositional deverbatives with ge-). *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:18-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-18-30>. EDN: GXSEV

Введение

Проблема определения статуса отглагольных имен в системе частей речи остается дискуссионной. В работах Т. Шиппан [Schippan 1967, 1968] и Б. Сандберг [Sandberg 1976, 1982] deverбативы рассматриваются как образования, сохраняющие глагольные свойства (аспектуальность, актантную структуру) при одновременной субстантивации. А. П. Кате акцентирует семантические аспекты вербальных абстрактов, подчеркивая их способность наследовать аспектуальные характеристики производящих глаголов [Cate 1979, 1985]. В отечественной германистике важный вклад в разработку данной проблематики внесли Т. С. Глушак и В. Ф. Балакирев [Глушак, Балакирев 1980], обосновавшие необходимость разграничения лексического и грамматического статуса отглагольных существительных на примере производных с суффиксом *-ung*. Н. А. Маслова предложила комплексный

анализ семантики и синтаксиса производных имен существительных в современном немецком языке, выявив закономерности сохранения глагольной валентности [Маслова 1985].

Изучение словообразовательных моделей девербативов представлено в работах Н. Н. Зольниковой, которая систематизировала основные модели отглагольных существительных в немецком языке [Зольникова 2015]. Е. В. Болотова [Болотова 2019] исследовала словообразовательные тенденции в немецкоязычных газетных текстах, выявив продуктивность суффиксальных моделей. А. В. Гутникова провела анализ семантической структуры безаффиксных именных производных в средневерхненемецком языке, что позволило проследить историческую динамику девербативной деривации [Гутникова 2019]. Г. К. Касимова выделила особый разряд девербативов со значением «носитель процессуального признака», расширив представления о семантическом спектре отглагольных образований [Касимова 2019]. И. В. Волкова уточнила статус отглагольных имен в современном немецком языке, обосновав их промежуточное положение между глаголом и именем [Волкова 2015].

Сопоставительный анализ девербативов в германских языках представлен в работах О. В. Матасовой и О. А. Уфимцевой [Матасова, Уфимцева 2017], а также З. А. Мирошниковой и О. В. Матасовой [Мирошникова, Матасова 2016], которые провели сравнительный анализ деривационных рядов девербативов на материале русского и немецкого языков, выявив типологические сходства и различия. Цикл работ И. В. Архиповой [Архипова 2022, 2023, 2023а, 2025] представляет собой системное исследование таксисного функционала немецких девербативов.

Категория таксиса, понимаемая как языковая репрезентация хронологических отношений между двумя и более действиями в рамках целостного временного периода, занимает важное место в системе функционально-семантических категорий современного немецкого языка. В рамках теории функциональной грамматики, разработанной А. В. Бондарко и его последователями, таксис определяется как семантическая категория, характеризующая временное отношение между двумя и более действиями безотносительно к моменту речи [Бондарко 1984: 13–14; 2017: 234–237]. Категория таксиса имеет бицентрическую полевую структуру и включает два субполя – независимого и зависимого таксиса. Субполе зависимого таксиса, в свою очередь, конституируется высказываниями примарного и секундарного типов с предложными девербативами, которые выступают в качестве прототипического средства актуализации таксисных категориальных значений.

Особый интерес представляет взаимодействие таксисных значений с категорией итеративности, которая отражает многократность, повторяемость или множественность обозначаемых ситуаций.

Итеративность (кратность) представляет собой одно из частных функционально-семантических субполей в структуре поля аспектуальности и понимается как «неоднократное, относительно регулярное осуществление ситуаций, каждая из которых происходит в отдельный период времени» [Храковский 1989: 41]. В немецком языке

итеративная семантика может выражаться на разных языковых уровнях: лексическом (итеративные глаголы и наречия), словообразовательном (девербативы-итеративы) и синтаксическом (итеративные квантификаторы).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания итеративно-таксисных значений в немецком языке, возникающих на пересечении двух функционально-семантических категорий – таксиса и итеративности. В лингвистической теории взаимодействие хронологической и количественно-аспектуальной семантики остаётся недостаточно изученным. Особый интерес представляют девербативы с приставкой *Ge-*, которые обладают ярко выраженной итеративной и коллективной семантикой и регулярно участвуют в актуализации итеративно-таксисных конструкций, однако их функциональный потенциал ранее не получал комплексного описания.

Исследование посвящено изучению итеративного типа аспектуально-таксисных ситуаций в немецком языке на материале предложных девербативов с *Ge-*. Целью исследования является выявление и описание итеративно-таксисных значений, актуализируемых предложными девербативами с *Ge-*, а также определение их роли в формировании итеративного типа аспектуально-таксисных ситуаций в немецком языке. Эмпирической базой исследования послужили данные электронной базы Лейпцигского национального корпуса (*Leipzig Corpora Collection – LC*) и Немецкого электронного словаря (*DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*). Общее количество проанализированных языковых фрагментов составляет более 8 000. Методологическую основу исследования составляют ключевые положения функциональной грамматики А. В. Бондарко и теории итеративности В. С. Храковского. Комплексная методика включает: 1) корпусный метод (выборка контекстов); 2) метод направленной выборки (отбор высказываний с предложными девербативами на *Ge-* в сочетании с предлогами *bei, mit, nach, seit, unter, wegen*); 3) метод ревербализации (трансформационный анализ для верификации таксисного потенциала девербативов); 4) контекстуальный анализ (выявление семантических и функциональных особенностей в конкретных контекстах); 5) метод классификации и типологизации (систематизация итеративно-таксисных значений).

Основная часть

В рамках теории функциональной грамматики таксис определяется как семантическая категория, характеризующая временное отношение между двумя и более действиями безотносительно к моменту речи [Бондарко 1984: 13–14]. Категория таксиса имеет бицентрическую полевую структуру и включает два субполя – независимого и зависимого таксиса. Субполе зависимого таксиса, в свою очередь, конституируется высказываниями примарного и секундарного типов с предложными девербативами, которые выступают в качестве прототипического средства актуализации таксисных категориальных значений. Итеративность (кратность) представляет собой одно из частных функционально-семантических субполей в структуре поля аспектуальности и понимается как «неоднократное, относительно регулярное осуществление ситуаций, каждая из которых происходит в отдельный период времени» [Храковский 1989: 41].

В немецком языке *итеративная семантика* может выражаться на разных языковых уровнях: лексическом (итеративные глаголы и наречия), словообразовательном (девербативы-итеративы) и синтаксическом (итеративные квантификаторы). Под *итеративно-таксисными значениями* понимаются таксисные значения одновременности, предшествования или следования, совмещенные с семантикой итеративности и актуализируемые в высказываниях итеративного (кратного) типа [Архипова 2025: 9].

В высказываниях итеративного типа с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности, а в высказываниях с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики – итеративно-секундарно-таксисные категориальные значения одновременности. В немецком языке приставка *Ge-* является одним из наиболее продуктивных словообразовательных средств для образования существительных с коллективной и итеративной семантикой. Девербативы с *Ge-* характеризуются тем, что они наследуют денотацию (обозначение положения дел) и аргументную структуру производящего глагола. Семантически такие образования обозначают, как правило, повторяющееся, длительное или многократное действие, часто с оттенком разговорности или экспрессивности.

К числу наиболее частотных девербативов с *Ge-* относятся такие имена как: *das Gerede* (от *reden* – повторяющееся, часто бессодержательное говорение, болтовня); *das Gelächter* (от *lachen* – длительный, многократный смех, часто коллективный); *das Geschrei* (от *schreien* – длительное, многократное кричание); *das Gepolter* (от *poltern* – длительный, повторяющийся грохот, стук); *das Gelaufe* (от *laufen* – длительное, часто утомительное бегание); *das Geklingel* (от *klingeln* – повторяющийся звон); *das Geheul* (от *heulen* – длительный, многократный вой). В сочетании с предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики (*bei, mit, nach, unter, zu, wegen* и др.) данные девербативы образуют предложные конструкции, которые выступают в качестве актуализаторов итеративно-таксисных значений одновременности и разновременности.

Итеративно-примарно-таксисные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях, содержащих предложные девербативы с *Ge-* в сочетании с предлогами темпоральной семантики, преимущественно с предлогом *bei*. Данный предлог маркирует хронологическое отношение одновременности между основным действием глагольного предиката и сопутствующим действием (процессом), обозначаемым девербативом. При этом итеративная семантика девербатива с *Ge-* привносит в таксисную ситуацию значение многократности или длительной повторяемости сопутствующего действия.

Рассмотрим следующий пример:

(1) *Beim Gerede über die politische Lage verlor er schnell die Geduld* (LC).

В данном высказывании предложный девербатив *beim Gerede* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение одновременности. Девербатив *das Gerede* обозначает не однократный акт говорения, а длительный, повторяющийся процесс обсуждения, что подтверждается семантикой приставки *Ge-* (коллективное или итеративное

действие). Основное действие глагольного предиката (*verlor die Geduld*) хронологически совпадает с этим процессом, при этом итеративный характер процесса подчеркивает его протяженность во времени. Аналогичную структуру демонстрирует следующий пример:

(2) *Bei dem ständigen Geschrei der Kinder konzentrierte er sich nicht* (DWDS).

Здесь предложный девербатив *bei dem ständigen Geschrei* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение одновременности. Атрибут *ständig* усиливает итеративную семантику девербатива *das Geschrei*, указывая на непрерывную повторяемость крика. Основное действие глагола *sich konzentrieren* протекает на фоне этого длительного повторяющегося процесса.

(3) *Bei dem lauten Gelächter der Zuschauer fiel der Schauspieler aus der Rolle* (DWDS).

Девербатив *das Gelächter* с приставкой *Ge-* обозначает не единичный смех, а длительный, коллективный смех зрителей. Предложная конструкция *bei dem Gelächter* маркирует одновременность основного действия глагола и итеративного процесса, создавая эффект фонового, длящегося действия. Наряду с предлогом *bei*, итеративно-примарно-таксисные значения одновременности могут актуализироваться с помощью предлога *mit*, который также маркирует хронологическое отношение одновременности, но часто с акцентом на сопутствующий характер действия. Например:

(4) *Mit dem Gepolter der umfallenden Stühle wachte er auf* (LC).

В данном высказывании предложный девербатив *mit dem Gepolter* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение одновременности. Девербатив *das Gepolter* с приставкой *Ge-* обозначает длительный, многократный грохот (серия падений стульев), который сопутствует основному действию глагола *aufwachen* и хронологически совпадает с ним. Ср. также:

(5) *Mit lautem Geschrei stürmten die Kinder aus dem Klassenzimmer* (DWDS).

Здесь девербатив *das Geschrei* с приставкой *Ge-* обозначает длительное, многократное кричание, сопутствующее основному действию глагола *stürmen*. Предложная конструкция *mit lautem Geschrei* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение одновременности, поскольку крик и выбегание происходят одновременно, при этом итеративный характер крика подчеркивает его протяженность во времени. Помимо примарно-таксисных ситуаций, девербативы с *Ge-* могут участвовать в актуализации итеративно-секундарно-таксисных значений одновременности, когда хронологическое отношение сопряжено с обстоятельственными значениями логической обусловленности (модальными, инструментальными, медиальными и др.). В таких случаях предлоги выступают не в темпоральном, а в обстоятельном значении. Например:

(6) *Mit seinem Gerede brachte er alle zum Schweigen* (LC).

В данном высказывании предлог *mit* выступает в инструментально-медиальном значении, обозначая средство или способ осуществления основного действия. Девербатив *das Gerede* с приставкой *Ge-* обозначает длительное, повторяющееся говорение, которое служит инструментом воздействия на окружающих. Таксисное значение одновременности совмещается здесь с инструментальным значением, что позволяет квалифицировать данную ситуацию как итеративно-инструментально-таксисную. Ср.:

(7) *Mit ihrem Gelächter verscheuchte sie alle Zweifel* (DWDS).

Здесь девербатив *das Gelächter* с приставкой *Ge-* обозначает длительный, многократный смех как средство воздействия (*alle Zweifel verscheuchen*). Предложная конструкция *mit ihrem Gelächter* актуализирует итеративно-инструментально-таксисное значение одновременности. Ср. также:

(8) *Unter lautem Gepolter stürzte er die Treppe hinunter* (DWDS).

В данном высказывании предлог *unter* выступает в модальном значении, обозначая характер или манеру протекания основного действия. Девербатив *das Gepolter* с приставкой *Ge-* обозначает длительный, многократный грохот, который сопровождает основное действие и характеризует его способ протекания. Это позволяет квалифицировать данную ситуацию как итеративно-модально-таксисную.

Наряду с ситуациями одновременности, девербативы с *Ge-* могут актуализировать итеративно-таксисные значения разновременности, в частности, значения следования. В таких случаях предложные девербативы сочетаются с предлогами темпоральной семантики, маркирующими отношение следования (*nach, seit* и др.). Например:

(9) *Nach dem langen Gerede beschloss die Versammlung, die Abstimmung zu verschieben* (LC).

В данном высказывании предложный девербатив *nach dem langen Gerede* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение следования. Девербатив *das Gerede* с приставкой *Ge-* обозначает длительное, повторяющееся обсуждение, которое предшествует основному действию (... *beschloss die Abstimmung zu verschieben*). Атрибут *lang* усиливает итеративно-дуративную семантику девербатива. Таксисное отношение следования маркируется предлогом *nach*, а итеративный характер предшествующего действия подчеркивает его протяженность во времени. Ср. также:

(10) *Nach dem Geschrei und Geheul beruhigte sich die Menge allmählich* (DWDS).

Здесь девербативы *das Geschrei* и *das Geheul* с приставкой *Ge-* обозначают длительные, многократные крики и вой, которые предшествуют основному действию (... *beruhigte sich die Menge*). Предложная конструкция *nach dem Geschrei und Geheul* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение следования.

В некоторых случаях итеративно-таксисные значения следования могут совмещаться с обстоятельственными значениями логической обусловленности, образуя итеративно-секундарно-таксисные ситуации. Ср.:

(11) *Wegen des ständigen Geredes im Publikum verließ der Redner die Bühne* (DWDS).

В данном высказывании предлог *wegen* выступает в каузальном значении, обозначая причину основного действия. Девербатив *das Gerede* с приставкой *Ge-* в сочетании с атрибутом *ständig* обозначает длительное, повторяющееся говорение в зале, которое служит причиной ухода оратора. Таксисное значение следования совмещается здесь с каузальным значением, что позволяет квалифицировать данную ситуацию как итеративно-каузально-таксисную. Актуализация итеративно-таксисных значений в высказываниях с предложными девербативами с *Ge-* может усиливаться и конкретизироваться с помощью итеративных

квантификаторов – наречий, прилагательных, местоимений и числительных, которые подчеркивают многократность, регулярность или длительность обозначаемого действия. Например:

(12) *Bei jedem Gerede über die Finanzen wurde er unruhig* (LC).

В данном высказывании итеративное местоимение *jeder* усиливает итеративную семантику девербатива *das Gerede*, указывая на то, что беспокойство возникает при каждом повторении ситуации обсуждения финансов. Это создает итеративно-примарно-таксисное значение одновременности с ярко выраженной регулярностью. Ср. также:

(13) *Nach mehrmaligem Gepolter an der Tür öffnete er endlich* (DWDS).

Итеративное прилагательное *mehrmalig* подчеркивает многократность действия, обозначаемого девербативом *das Gepolter* (неоднократный стук в дверь). Предложная конструкция и *nach mehrmaligem Gepolter* актуализирует итеративно-примарно-таксисное значение следования, при этом итеративный квантификатор *mehrmalig* конкретизирует количество повторений. Ср. также:

(14) *Nie zuvor war er bei solchem Gelächter so verlegen gewesen* (LC). В данном примере указательное местоимение *solch* в сочетании с девербативом *das Gelächter* подчеркивает интенсивность и многократность смеха, актуализируя итеративно-примарно-таксисное значение одновременности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что предложные девербативы с *Ge-* являются прототипическим средством актуализации итеративно-таксисных значений в немецком языке. Это обусловлено следующими факторами.

1. Словообразовательная семантика приставки *Ge-* привносит в девербатив значение длительности, многократности или коллективности действия, что является основой для формирования итеративной семантики.

2. Сочетаемость с предлогами темпоральной (*bei, mit, nach, seit*) и обстоятельственной (*mit, unter, wegen*) семантики позволяет девербативам с *Ge-* актуализировать как примарно-таксисные, так и секундарно-таксисные значения одновременности и разновременности.

3. Способность к сочетанию с итеративными квантификаторами (*ständig, mehrmalig, jeder, immer* и др.) позволяет уточнять и конкретизировать характер итеративности обозначаемого действия.

4. Экспрессивно-разговорная окраска многих девербативов с *Ge-* (*Gerede, Gelaufe, Gepolter* и др.) делает их особенно частотными в разговорной речи и художественной литературе, где итеративно-таксисные значения наиболее востребованы для создания образности и динамики повествования.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены и описаны основные типы итеративно-таксисных ситуаций, актуализируемых предложными девербативами с *Ge-* в немецком языке. На эмпирическом материале Лейпцигского национального корпуса и

Электронного словаря немецкого языка были проанализированы контексты, демонстрирующие функционирование девербативов *das Gerede, das Gelächter, das Geschrei, das Gepolter, das Gelaufe, das Geklingel* и других в сочетании с предлогами *bei, mit, nach, seit, unter, wegen*.

Установлено, что предложные девербативы с Ge– выступают в качестве прототипического средства актуализации следующих итеративно-таксисных значений: итеративно-примарно-таксисные значения одновременности (с предлогами *bei, mit* в темпоральном значении); итеративно-примарно-таксисные значения следования (с предлогами *nach, seit* в темпоральном значении); итеративно-секундарно-таксисные значения одновременности (с предлогами *mit, unter* в инструментальном / медиальном или модальном значении); итеративно-секундарно-таксисные значения следования (с предлогом *wegen* в каузальном значении).

Итеративная семантика девербативов с Ge– может усиливаться с помощью итеративных квантификаторов (*ständig, mehrmalig, jeder* и др.), которые конкретизируют характер многократности или регулярности обозначаемого действия. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории межкуатегориального взаимодействия в сфере таксиса и аспектуальности, а также могут быть использованы в практике преподавания немецкого языка как иностранного и в дальнейших сопоставительных исследованиях итеративно-таксисных значений в разноструктурных языках.

Список литературы

1. Архипова И. В. «Ревербализующиеся» девербативы и их функциональный потенциал // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики* : материалы VII всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2022. С. 34–39. EDN: RKRSHT
2. Архипова И. В. Немецкие девербативы через призму таксиса // *Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика*. 2023а. № 2. С. 131–137. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-131-137 EDN: LMRXGH
3. Архипова И. В. Немецкие предложные девербативы и их функционирование в условиях итеративного синтагматического контекста // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2025. № 2 (85). С. 7–11. DOI: 10.26456/vtfilol/2025.2.007 EDN: UOJIER
4. Архипова И. В. Трансформационный потенциал таксисных девербативов (на материале немецких высказываний с предложными конструкциями) // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2023. № 2. С. 48–54. EDN: DXLBUQ
5. Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // *Доклады Башкирского университета*. 2019. Т. 4. № 1. С. 108–112. EDN: VWTOMM
6. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М. : ЛЕНАНД, 2017. 352 с.
7. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука, 1984. 134 с.

8. Бурмистрова Е. Г. Структурно-семантические особенности субстантивной группы с ядром-процессуальным существительным // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях : Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В. А. Ковин (отв. ред.) и др. Киров : Кировский государственный педагогический университет, 1985. С. 74–77.
9. Волкова И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. 34. С. 147–154. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-147-154 EDN: ULKXZZ
10. Гаврилова Е. Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2015. № 4. С. 116–119. EDN: TYSFOT
11. Глушак Т. С., Балакирев В. Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 17–22.
12. Гутникова А. В. Анализ семантической структуры безаффиксных именных производных в средневерхненемецком языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 25–29. EDN: YWISXB
13. Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229. EDN: VCFXJJ
14. Касимова Г. К. Девербативы со значением «носитель процессуального признака» // Развитие значений производных слов как особый номинативный процесс : на материале многозначных отглагольных и отсубстантивных имен. Пенза : Пензенский архитектурно-инженерный институт, 2019. С. 132–160.
15. Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань : Казанский университет, 1985. 170 с.
16. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского // Язык. Социум. Культура. Саратов, 2017. С. 24–28. EDN: YJDVHP
17. Мирошникова З. А., Матасова О. В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов : на материале русского и немецкого языков // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101–108. EDN: VWRKUJ
18. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л. : Наука, 1989. С. 5–54.
19. Cate A. P. Semantische Aspekte und Verbalabstrakta // Sprachstruktur, Individuum und Gesellschaft. Tübingen : Niemeyer, 1979. P. 177–188.
20. Cate A. P. Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und Niederländischen. Frankfurt am Main; Bern; New York : Lang, 1985. 243 p.
21. Sandberg B. Die neutrale -(e)n– Ableitung der deutschen Gegenwartssprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven. Göteborg, 1976. 229 p.
22. Sandberg B. Zur Valenz der Substantive // Deutsch als Fremdsprache. 1982. No. 5. P. 272–279. DOI: 10.37307/j.2198-2430.1982.05.05
23. Sommerfeldt K. E. Grenzen der Transformation von Kernsätzen in Nominalgruppen // Deutsch als Fremdsprache. 1969. No. 3. P. 175–180.

24. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habil.-Schrift. (masch. verfielf.). Leipzig, 1967. 298 p.

25. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart // Deutschunterricht. 1968. H. 5. P. 522-526.

26. Römer Ch. Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen -dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive // Deutsch als Fremdsprache 24. 1987. P. 217-221.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.01. 2026).

2. DWDS – Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 15.01.2026).

References

1. Arhipova I. V. «Reverbalizuyushchiesya» deverbativy i ih funkcional'nyj potencial ["Reverbalizing" deverbatives and their functional potential]. *Lingua Academica: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Lingua Academica: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki]. Ul'yanovsk, Ul'yanovskij gosudarstvennyj universitet, 2022, pp. 34-39. EDN: RKRSHT (In Russ.).

2. Arhipova I. V. Nemeckie deverbativy cherez prizmu taksisa [German deverbatives through the prism of taxis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Linguistics]. 2023a, no. 2, pp. 131-137. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-131-137 EDN: LMRXGH (In Russ.).

3. Arhipova I. V. Nemeckie predlozhnye deverbativy i ih funkcionirovanie v usloviyah iterativnogo sintagmатического контекста [German prepositional deverbatives and their functioning in the conditions of an iterative syntagmatic context]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of Tver State University. Philology Series]. 2025, no. 2 (85), pp. 7-11. DOI: 10.26456/vtfilol/2025.2.007 EDN: UOJIER (In Russ.).

4. Arhipova I. V. Transformacionnyj potencial taksisnyh deverbativov (na materiale nemeckih vyskazyvanij s predlozhnymi konstrukcijami) [The transformational potential of taxis deverbatives (based on German utterances with prepositional constructions)]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 48-54. EDN: DXLBUQ (In Russ.).

5. Bolotova E. V. O slovoobrazovatel'noj tendencii otglagol'nyh sushchestvitel'nyh v nemeckoyazychnyh gazetnyh tekstah [On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts]. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University]. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 108-112. EDN: VWTOMM (In Russ.).

6. Bondarko A. V. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis [Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. 7th ed., Moscow, LENAND, 2017, 352 p. (In Russ.).

7. Bondarko A. V. Funkcional'naya grammatika [Functional grammar]. Leningrad, Nauka, 1984, 134 p. (In Russ.).

8. Burmistrova E. G. Strukturno-semanticheskie osobennosti substantivnoj gruppy s yadrom-processual'nym sushchestvitel'nym [Structural and semantic features of a substantive group with a core-process noun]. *Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskih yazykov na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnyah* [Structural and semantic aspects of Romano-Germanic languages at the morphological and syntactic levels]. Kirov, Kirovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1985, pp. 74-77. (In Russ.).

9. Volkova I. V. O statusе otglagol'nyh imen v sovremennom nemeckom yazyke [On the status of verbal nouns in modern German]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2015. 34, pp. 147-154. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-147-154 EDN: ULKXZZ (In Russ.).
10. Gavrilova E. N. Proyavlenie processual'noj leksicheskoy tozhdestvennosti deverbativov v semantiko-grammaticheskom aspekte [Manifestation of procedural lexical identity of deverbatives in the semantic-grammatical aspect]. *Sovremennoe obshchestvo: problemy, idei, innovacii* [Modern society: problems, ideas, innovations]. 2015, no. 4, pp. 116-119. EDN: TYSFOT (In Russ.).
11. Glushak T. S., Balakirev V. F. O statusе otglagol'nyh sushchestvitel'nyh v yazyke (na primere proizvodnyh s suffiksom -ung) [On the status of verbal nouns in language (using derivatives with the suffix -ung as an example)]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school]. 1980, no. 5, pp. 17-22. (In Russ.).
12. Gutnikova A. V. Analiz semanticheskoy struktury bezaffiksnnyh imennyh proizvodnyh v sredneverhnememeckom yazyke [Analysis of the semantic structure of affix-free nominal derivatives in Middle High German]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University]. 2019, no. 1 (52), pp. 25-29. EDN: YWISXB (In Russ.).
13. Zol'nikova N. N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nyh sushchestvitel'nyh nemeckogo yazyka [Word-formation patterns of verbal nouns in German]. *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and Culture of Russia]. 2015, vol. 1, pp. 225-229. EDN: VCFXJJ (In Russ.).
14. Kasimova G. K. Deverbativy so znacheniem «nositel' processual'nogo priznaka» [Deverbatives with the meaning "carrier of a procedural feature"]. *Razvitie znachenij proizvodnyh slov kak osobyj nominativnyj process* [The development of meanings of derivative words as a special nominative process]. Penza, Penzenskij arhitekturno-inzhenernyj institut, 2019, pp. 132-160. (In Russ.).
15. Maslova N. A. Semantika i sintaksis proizvodnyh imen sushchestvitel'nyh v sovremennom nemeckom yazyke [Semantics and syntax of derived nouns in modern German]. Kazan, Kazanskij universitet, 1985, 170 p. (In Russ.).
16. Matasova O. V., Ufimceva O. A. Deverbativy v germanskij yazykah: sopostavitel'nyj analiz na materiale nemeckogo i anglijskogo [Deverbatives in Germanic Languages: A Comparative Analysis Using German and English]. *Yazyk. Socium. Kul'tura* [Language. Society. Culture]. Saratov, 2017, pp. 24-28. EDN: YJDVHP (In Russ.).
17. Miroshnikova Z. A., Matasova O. V. Sopostavitel'nyj analiz derivacionnyh ryadov deverbativov (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) [Comparative analysis of derivational series of deverbatives]. *Nauka i obshchestvo* [Science and Society]. 2016, no. 1 (24), pp. 101-108. EDN: VWRKUJ (In Russ.).
18. Hrakovskij V. S. Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaya klassifikaciya [Semantic types of a set of situations and their natural classification]. *Tipologiya iterativnyh konstrukcij* [Typology of iterative constructions]. Leningrad, Nauka, 1989, pp. 5-54. (In Russ.).
19. Cate A. P. Semantische Aspekte und Verbalabstrakta. *Sprachstruktur, Individuum und Gesellschaft*. Tübingen, Niemeyer, 1979, pp. 177-188.
20. Cate A. P. Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und Niederländischen. Frankfurt am Main; Bern; New York, Lang, 1985, 243 p.
21. Sandberg B. Die neutrale -(e)n– Ableitung der deutschen Gegenwartsprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven. Göteborg, 1976, 229 p.

22. Sandberg B. Zur Valenz der Substantive. *Deutsch als Fremdsprache*. 1982, no. 5, pp. 272-279. DOI: 10.37307/j.2198-2430.1982.05.05
23. Sommerfeldt K. E. Grenzen der Transformation von Kernsätzen in Nominalgruppen. *Deutsch als Fremdsprache*. 1969, no. 3, pp. 175-180.
24. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habil.-Schrift. (masch. verfielf.). Leipzig, 1967, 298 p.
25. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. *Deutschunterricht*. 1968, h. 5, pp. 522-526.
26. Römer Ch. Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen -dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive. *Deutsch als Fremdsprache* 24. 1987, pp. 217-221.

List of sources

1. LC – Laboratoriya korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LS – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 15.01.2026).
2. DWDS – Nemeckij korpus [DWDS – Nemeckij corpus]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 15.01.2026).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра романо-германских языков,
Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 31–39.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 31-39.

Научная статья

УДК 811.134.2'25

EDN: ICMTIK

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-31-39

<https://elibrary.ru/icmtik>

ПЕРЕДАЧА НАРРАТИВНЫХ РЕПЛИК ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ SPLIT FICTION С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Надежда Николаевна Меньшакова¹, Александра Михайловна Зуева²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
mnesperanza@mail.ru

² sashazueva@mail.ru, Пермь, Россия,

Аннотация. Исследование посвящено анализу переводческих решений при работе с нарративными репликами в условиях самостоятельной (любительской) локализации компьютерной игры Split Fiction (Hazelight Studios, 2025) с испанского языка на русский. Материалом исследования послужили 377 текстовых строк пролога игры объемом около пяти тысяч слов, извлеченные авторами из игровых архивов с помощью утилиты FModel. Рассмотрены четыре проблемные области нарративного слоя: передача разговорной речи персонажей, юмора и иронии, адаптация реплик под русскоязычный игровой дискурс и работа с эмоционально напряженными сценами. Продemonстрировано, что доместикация выступает ведущей стратегией перевода для нарративного слоя игры, а транскреация – основным инструментом передачи юмора и культурно-специфических элементов. Установлено, что деконтекстуализация исходного материала, характерная для самостоятельной локализации без поддержки разработчика, становится самостоятельной переводческой задачей: восстановление сюжетного порядка и определение говорящего опираются на технические идентификаторы, маркеры грамматического рода и логику диалога. Обоснована правомерность рассмотрения испанской версии не как первоисточника, а как самостоятельного адаптированного произведения, в связи с чем перевод приобретает черты опосредованного (эстафетного): русская версия наследует отдельные решения испанских локализаторов. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке специалистов по игровой локализации и в практике самостоятельных локализационных проектов.

Ключевые слова: локализация компьютерных игр, переводческие трансформации, транскреация, доместикация, опосредованный перевод, нарративные реплики, игровой дискурс, испанский язык.

Для цитирования: Меньшакова Н. Н., Зуева А. М. Передача нарративных реплик при локализации компьютерной игры Split Fiction с испанского языка на русский // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 31–39. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-31-39>. EDN: ICMTIK

Original article

TRANSLATION OF NARRATIVE LINES IN COMPUTER GAME LOCALIZATION: A CASE STUDY OF SPLIT FICTION (SPANISH–RUSSIAN)

Nadezhda N. Menshakova¹, Alexandra M. Zueva²

¹ Perm State University, Perm, Russia, mnesperanza@mail.ru

² sashazueva@mail.ru, Perm, Russia

Abstract. The research analyses translation decisions made when working with narrative lines in an independent (amateur) localization of the computer game Split Fiction (Hazelight Studios, 2025) from Spanish into Russian. The material of the study consists of 377 text strings from the prologue of the game (approximately five thousand words), extracted by the authors from the game archives using the FModel utility. Four problem areas of the narrative layer are examined: rendering of colloquial speech, humour and irony, adaptation of lines to the Russian-language gaming discourse, and work with emotionally charged scenes. It is shown that domestication is the leading translation strategy for the narrative layer of the game, and transcreation is the main tool for rendering humour and culture-specific elements. The decontextualization of the source material, characteristic of independent localization without developer support, is shown to become a translation task in its own right: the reconstruction of the plot order and the identification of speakers rely on technical identifiers, grammatical gender markers and dialogue logic. The article argues that the Spanish version should be regarded not as the primary source but as an independent adapted work, which makes the resulting translation indirect (relay): the Russian version inherits certain decisions made by the Spanish localizers. The results can be applied in training specialists in game localization and in the practice of independent localization projects.

Keywords: computer game localization, translation transformations, transcreation, domestication, indirect translation, relay translation, narrative lines, game discourse, Spanish language

For citation: Menshakova N. N., Zueva A. M. Translation of Narrative Lines in Computer Game Localization: a Case study of Split Fiction (Spanish-Russian). *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:31-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-31-39>. EDN: ICMTIK

Введение

Игровая индустрия сегодня – крупнейший сегмент рынка развлечений, опережающий по доходам кинематограф и музыку, при этом сюжетные кооперативные игры – один из самых быстрорастущих сегментов. Российская аудитория видеоигр остается одной из крупнейших в мире, для значительной части современных продуктов официальная русская локализация отсутствует, а возникший разрыв заполняют любительские локализации, выполняемые силами сообщества энтузиастов. Качество таких локализаций становится самостоятельной лингвистической проблемой, требующей научного осмысления.

Исследование посвящено анализу переводческих решений, принятых при самостоятельной локализации отрывка из игры Split Fiction (студия Hazelight Studios, Electronic Arts, 2025) с испанского языка на русский. Игра не имеет официальной русской локализации, а ее выбор в качестве материала обусловлен сочетанием нескольких факторов: жанровая принадлежность к кооперативной сюжетной игре с высокой плотностью диалогов, наличие официальной испанской локализации и доступность игровых архивов для извлечения текстового материала.

Цель работы заключается в выявлении и описании переводческих приемов и трансформации, применяемые при передаче нарративных реплик с испанского языка на русский на материале Split Fiction. Анализ построен на материале четырех проблемных областей: разговорная речь персонажей, передача юмора и иронии, адаптация реплик под русскоязычный игровой дискурс и работа с эмоционально напряженными сценами.

Основная часть

Локализация компьютерной игры – это не перевод в узком смысле, а адаптация продукта целиком: лингвистическая, культурная, техническая и прагматическая. Понятие локализации введено в научный оборот в 1980-е гг. в связи с расцветом индустрии программного обеспечения [Esselink 2000]; применительно к компьютерным играм оно детально проработано в монографии М. О’Хэган и К. Манхирон [O’Hagan, Mangiron 2013] и в работе М. Берналь-Мерино [Bernal-Merino 2015].

Игровой текст обладает тремя важными свойствами: мультимодальностью – он работает во взаимодействии с визуальным, звуковым и геймплейным рядом [Kress, van Leeuwen 2001]; контекстозависимостью – значение реплики определяется игровой ситуацией, а не одним только словарным значением; нелинейностью – одна и та же сцена в разных прохождениях может разворачиваться по-разному. Понятие игрового текста как лингвистической категории разрабатывается в работах Т. А. Гридиной и А. В. Кубасова [Гридина, Кубасов 2017], а также Е. И. Курячей [Курячая 2012], где игровой текст осмысливается не как обычный перевод, а, напротив, как моделирование на языке перевода аналогичной игровой системы.

Понятие игры как культурного феномена восходит к классическим работам Й. Хейзинги [Хейзинга 1997] и Р. Кайуа [Кайуа 2007] и образует общую теоретическую рамку, в которой компьютерная игра рассматривается как форма культурной практики, требующей особой переводческой стратегии.

Основными переводческими стратегиями применительно к нарративному слою игры выступают доместикация и форенизация в терминах Л. Венути [Venuti 1995]: доместикация подгоняет текст под нормы принимающей культуры, форенизация сохраняет инокультурные элементы. Для передачи юмора, фразеологии и культурно-специфических элементов широко применяется транскреация – переводческая стратегия, при которой переводчик отступает от исходной формулировки ради воспроизведения эмоционального и культурного эффекта реплики [Bernal-Merino 2015].

Материалом исследования послужили 377 текстовых строк, составляющих пролог игры (эпизод «Издательство „Рейдер“»), общим объемом около пяти тысяч слов. Выбор пролога

как репрезентативного фрагмента обусловлен тем, что он плотно концентрирует все типы переводческих задач – нарративные диалоги, интерфейсные элементы, системные сообщения, эмоционально напряженные сцены и юмористические обмены репликами, – при этом остается обозримым для сплошного переводческого комментирования.

Поскольку игра не имеет открытых инструментов для переводчиков, а официальная поддержка разработчика для самостоятельных локализаторов недоступна, извлечение текстового материала пришлось выполнять самостоятельно. Для этого использовалась утилита FModel – программа с открытым исходным кодом, предназначенная для просмотра содержимого файлов формата pak, в которые упакованы данные игр на движке Unreal Engine. Из распакованных архивов были получены файлы локализации, содержащие испанские строки, распределенные более чем по ста техническим неймспейсам (программным идентификаторам сцен).

Главной методологической проблемой стала деконтекстуализация: строки оказались полностью оторваны от игрового окружения, без указаний говорящего, эмоциональной окраски, порядка реплик и визуального контекста. Восстановление условного сюжетного порядка и определение говорящих опирались на три группы признаков. Первая – технические идентификаторы: префиксы и имена локаций и героинь, зашитые в самих ключах строк. Вторая – грамматический род прилагательных и причастий, который испанский язык маркирует и который позволял однозначно установить говорящую героиню. Третья – логика диалога: вопрос-ответ, реакция-комментарий, повторяющиеся речевые манеры. Важная особенность материала – его опосредованный (эстафетный) характер. Английский язык – основной язык разработки игры, и испанская локализация – это уже адаптированный продукт. В таких условиях переводчик с испанского на русский работает не с первоисточником, а с уже выполненной локализацией, что в ряде случаев приводит к наследованию переводческих решений, принятых испанскими локализаторами [Рум 2004].

1. Передача разговорной речи персонажей

Передача разговорной речи героинь оказалась одной из наиболее частотных переводческих задач в материале. Ведущим приемом стало приближение реплик к нормам устного русского общения: использование эллиптических конструкций, лексики бытового и игрового регистра, русских модальных частиц, не имеющих прямых эквивалентов в испанском.

Пример 1. Испанская реплика *No lo sé* дословно означает «я не знаю». Однако в контексте бытового диалога между героинями такой перевод звучит официально. В выполненной локализации реплика передана как «Без понятия» – разговорный эллипсис, сохраняющий смысл и передающий интонацию живого общения. В одной короткой реплике сошлись две трансформации: грамматическая (опущение подлежащего) и стилистическая (замена на сниженный регистр).

Пример 2. Реплика *me han dado exactamente lo que pedí* буквально передается как «мне дали именно то, что я просила»; в выполненной локализации она передана как «Я как раз получила то, о чем просила» – за счет введения модальной частицы «как раз», характерной

для русской разговорной речи, фраза звучит оживленной. Прямого аналога в испанском у этой частицы нет, и ее введение – это прагматическая трансформация, ориентированная на естественное звучание реплики на русском языке.

Пример 3. Реплика *Bueno, ¿de qué va tu historia?* в формальном переводе передается как «Хорошо, о чем твоя история?». В выполненной локализации избран вариант «Так... про что ты пишешь?» – частица «так» в начале реплики передает интонацию заинтересованного переключения темы, а также выполнена конкретизация глагола (*va* → «пишешь»), который более точно соответствует контексту разговора двух писательниц.

2. Передача юмора и иронии

Передача юмора и иронии практически во всех зафиксированных случаях потребовала транскреации. Фразеологическая и культурная база русского и испанского языков расходятся, в связи с чем прямой перевод комических реплик заменялся подбором функциональных русских эквивалентов или введением новых образных решений.

Пример 4. Реплика *Es muy deprimente*, произнесенная героиней в адрес жанра фэнтези, в калькированном переводе звучала бы как «это очень депрессивно», что стилистически нейтрально. В выполненной локализации избран вариант «Скука смертная» – живая русская реакция, передающая пренебрежительное отношение героини к жанру. Применена транскреация: переводчик воссоздает эмоциональный эффект реплики, а не словарное содержание исходной фразы.

Пример 5. Реплика *Sin prisa, pero sin estrellarnos* – буквально «без спешки, но без столкновений» – искажает известную испанскую фразу *Sin prisa pero sin pausa* («без спешки, но без остановок»). Принципиально важен диалогический контекст: сразу после этого героиня Мио отвечает *¡Así no es el dicho!* – «Поговорка звучит не так!». Искажение пословицы здесь не играет роль украшения, а выступает сюжетной пружиной: ответ Мио мотивирован только в том случае, если предыдущая реплика действительно исказила что-то узнаваемое. Русский эквивалент в этой работе – «Тише едешь – дальше живешь», где намеренно искажено привычное «дальше будешь». Сохраняется и узнаваемая русская пословичная модель, и комизм ее сознательного искажения, и мотивированность ответной реплики Мио.

Пример 6. Реплика *Si la vida te da limones...* – испанский эквивалент англоязычной идиомы *when life gives you lemons*, русскому игроку непонятной – образ с лимонами в русской культурной памяти не закреплен. Принципиально важно еще одно соображение: реплика звучит в сцене, где героини бросают лимоны во врагов как часть игрового действия – слово *lanzar*, «бросить», даже вынесено в отдельную интерфейсную команду. То есть лимоны буквально присутствуют на экране, и просто убрать упоминание лимонов из перевода нельзя. В выполненной локализации пословичная модель заменена на культурно близкую русскую – «Не было бы счастья, да лимоны помогли...». Смысл сохранен, отсылка стала прозрачной для русскоязычного игрока, и слово «лимоны» осталось в реплике, продолжая работать с тем, что происходит на экране.

Пример 7. В сцене, где обе героини оказались в фэнтези-симуляции Зои и сюжет вышел из-под контроля, между ними происходит обмен репликами. Мио восклицает в оригинале: *¡Pero existe por tu culpa! ¡Tú la has escrito!* – буквально «Но она существует из-за тебя! Ты ее написала!». В выполненной локализации эта реплика передана как «Но это же твой

Франкенштейн! Ты это написала!». Образа Франкенштейна в испанском оригинале нет – это полностью введенная переводчиком метафора. Принципиальная особенность этого решения заключается в том, что метафора получает развитие в следующей реплике. Зои отвечает: *¡No olvides quién provocó este desastre al colarse en mi simulación!* – буквально «Не забывай, кто устроил эту катастрофу, прокравшись в мою симуляцию!». В выполненной локализации эта реплика передана как «Чья бы корова мычала. Ты оживила этого Франкенштейна, когда влезла в мою симуляцию!». Метафора, введенная в одной реплике, подхватывается и развивается в следующей: Зои написала Франкенштейна, а Мио его оживила – как в самом романе Мэри Шелли, где безответственно созданное существо обретает жизнь не само по себе. Это пример транскреации, при которой переводчик выстраивает целостную образную линию через диалог, не ограничиваясь отдельной репликой.

3. Адаптация реплик под русскоязычный игровой дискурс

Сцены, насыщенные геймплейными командами и игровыми действиями, потребовали выраженной ориентации на принимающую аудиторию. Переводческий выбор подчинялся привычкам и ожиданиям русскоязычного игрока – сложившемуся геймерскому жаргону, фразеологическим предпочтениям.

Пример 8. Реплика *¡Tenemos que robar la nave!* буквально означает «нам нужно украсть корабль». Однако в русском геймерском жаргоне транспортные средства не крадут, их угоняют. Принятое решение – «Надо угнать корабль!». Здесь работает доместикация в терминах Л. Венути [Venuti 1995]: текст подгоняется под нормы и ожидания принимающей аудитории, в данном случае – под устоявшийся русскоязычный игровой жаргон.

Пример 9. Реплика-команда *Adelante* в обучающей подсказке означает «вперед». Важная особенность этой реплики – мультимодальное ограничение: в английской версии в этом же месте звучит короткое *Go* – буквально один слог, синхронизированный с артикуляцией персонажа на экране. Испанские локализаторы пошли на компромисс: реплика стала длиннее, но смысл сохранился. Принятое русское решение – «Вперед!» – односложное, как в английском оригинале, и точнее ложащийся на артикуляцию. Этот пример показывает работу одновременно двух факторов: мультимодального ограничения, при котором длина реплики продиктована визуальным рядом, и эстафетной природы перевода – решение испанских локализаторов учтено, но скорректировано с опорой на исходник.

4. Работа с эмоционально напряженными сценами

В эмоционально напряженных сценах буквальная передача уступала место прагматической: приоритет отдавался интонации, ритму и речевым формулам, которые носитель языка действительно произносит в подобной ситуации.

Пример 10. В сцене паники героиня Зои произносит *Mantén la calma, Zoe, mantén la calma....* Формальный перевод «Сохраняй спокойствие» в момент кризиса звучит неестественно – так в реальной речи не говорят. Принятое русское решение – фраза, привычная в подобной ситуации: «Спокойно, Зои, не нервничай». Это пример прагматической трансформации, где приоритетом становится живая речевая реакция, ожидаемая в данной коммуникативной ситуации, а словарное соответствие отходит на второй план.

Пример 11. Реплика *Por favor, no me mires* в формальном переводе передается как «Пожалуйста, не смотри на меня». В выполненной локализации сохранен буквальный перевод – «Пожалуйста, не смотри на меня» – поскольку в этой сцене ритм и просодика реплики совпадают в обоих языках, и любая трансформация ослабила бы эмоциональный эффект. Этот случай показывает, что прагматическая адекватность не обязательно требует трансформации: иногда лучшим прагматическим решением оказывается отказ от нее.

Заключение

Проведенный анализ переводческих решений в четырех проблемных областях нарративного слоя игры *Split Fiction* позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, ведущей стратегией для нарративных текстов в исследованном материале выступает доместикация – приближение текста к нормам русской разговорной речи и русского игрового дискурса. Главным инструментом передачи юмора, идиоматики и культурных отсылок становится транскреация в ее различных формах – от подбора функциональных эквивалентов до полной переработки реплики и введения отсутствующих в оригинале образных решений.

Во-вторых, в эмоционально напряженных сценах прагматическая адекватность оказывается определяющим критерием: переводчик опирается на типовую речевую реакцию русского говорящего и подчиняет ей формальное соответствие с источником.

В-третьих, деконтекстуализация исходного материала – характерная для самостоятельной локализации без поддержки разработчика – превращается в самостоятельную переводческую задачу. Восстановление сюжетного порядка, идентификация говорящего и эмоционального фона требуют комбинированной работы с техническими идентификаторами, грамматическими маркерами и логикой диалога.

Наконец, специфическую группу образуют трудности, порожденные опосредованным характером перевода. Поскольку испанская версия сама представляет адаптацию английского оригинала, в ряде мест испанские локализаторы отступили от источника, и эти отступления перешли в анализируемый материал. Наиболее яркий пример – реплика, где английское *This is mental!* в испанской версии превратилось в *¡Esto está trucado!* («Это подстроено!»): испанские локализаторы заменили эмоциональное восклицание репликой-осознанием, по-видимому, ради соответствия сцене. Перевод выполнялся с испанской версии, реплика передана как «Это ловушка...!». Подобные случаи подтверждают мысль о том, что испанская локализация – уже адаптированный текст, а не оригинал, и что эстафетный перевод наследует чужие переводческие решения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением анализа на полный корпус текстов игры, трехсторонним сопоставлением английского оригинала, испанской и русской версий, изучением синхронизации перевода с озвучиванием и артикуляцией, а также апробацией перевода в условиях локализационного тестирования.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Гридина Т. А., Кубасов А. В. Игровой текст как форма авторского художественного миромоделирования // Филологический класс. 2017. № 4 (50). С. 46–63.
3. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
4. Курячая Е. И. Игровой текст: перевод или моделирование? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 188–193. EDN: OXOLNJ
5. Хейзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
6. Bassnett S., Lefevere A. (eds.) Translation, History and Culture. London; New York : Pinter Publishers, 1990. 133 p.
7. Bernal-Merino M. Á. Translation and Localisation in Video Games: Making Entertainment Software Global. New York; London : Routledge, 2015. 302 p.
8. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. 488 p.
9. Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London : Arnold, 2001. 152 p.
10. Mangiron C. Game on! Burning issues in game localisation // Journal of Audiovisual Translation. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 122-138. DOI: 10.47476/jat.v1i1.48
11. O'Hagan M., Mangiron C. Game Localization: Translating for the Global Digital Entertainment Industry. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2013. 374 p. DOI: 10.1075/btl.106
12. Pym A. The Moving Text: Localization, Translation, and Distribution. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. 223 p. DOI: 10.1075/btl.49
13. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York : Routledge, 1995. 353 p.
14. Split Fiction // Hazelight Studios; Electronic Arts. 2025. Steam / EA app / PlayStation 5 / Xbox Series X|S (дата обращения: 01.03.2026).
15. Большой испанско-русский словарь: более 150 000 слов, словосочетаний и выражений / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др.; под ред. Б. П. Нарумова. М. : Русский язык, 1998. 832 с.

References

1. Barhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda [Issues of general and specific translation theory]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, 240 p. (In Russ.).
2. Gridina T. A., Kubasov A. V. Igrovoj tekst kak forma avtorskogo hudozhestvennogo miromodelirovaniya [Game text as a form of authorial artistic world modeling]. *Filologicheskij klass* [Philology class]. 2017, no. 4 (50), pp. 46-63. (In Russ.).
3. Kajua R. Igry i lyudi [Games and People]. Moscow, OGI, 2007, 304 p. (In Russ.).

4. Kuryachaya E. I. Igrovoj tekst: perevod ili modelirovanie? [Game text: translation or modeling?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2012, no. 1, pp. 188-193. EDN: OXOLNJ (In Russ.).
5. Hejzinga J. Homo ludens [Homo ludens]. Moscow, Progress-Tradicija, 1997. 416 p. (In Russ.).
6. Bassnett S., Lefevere A. (eds.) Translation, History and Culture. London; New York, Pinter Publishers, 1990, 133 p.
7. Bernal-Merino M. Á. Translation and Localisation in Video Games: Making Entertainment Software Global. New York; London, Routledge, 2015, 302 p.
8. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2000, 488 p.
9. Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London, Arnold, 2001, 152 p.
10. Mangiron C. Game on! Burning issues in game localization. *Journal of Audiovisual Translation*. 2018, vol. 1, no. 1, p. 122-138. DOI: 10.47476/jat.v1i1.48
11. O'Hagan M., Mangiron C. Game Localization: Translating for the Global Digital Entertainment Industry. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2013, 374 p. DOI: 10.1075/btl.106
12. Pym A. The Moving Text: Localization, Translation, and Distribution. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2004, 223 p. DOI: 10.1075/btl.49
13. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York, Routledge, 1995, 353 p.
14. Split Fiction. *Hazelight Studios; Electronic Arts*. 2025, Steam / EA app / PlayStation 5 / Xbox Series X|S (дата обращения: 01.03.2026).
15. Bol'shoj ispanko-russkij slovar': bolee 150 000 slov, slovosochetaniy i vyrazhenij [A comprehensive Spanish-Russian dictionary containing over 150,000 words, phrases, and expressions.]. N. V. Zagorskaya, N. N. Kurchatkina, B. P. Narumov. Moscow, Russkij yazyk, 1998, 832 p.

Информация об авторах

Н. Н. Меньшакова – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной филологии, Пермский государственный национальный
исследовательский университет;

А. М. Зуева – бакалавр.

Information about the authors

N. N. Menshakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Foreign Philology, Perm State University;

A. M. Zueva – Bachelor.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026 принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 40–48.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 40-48.

Научная статья

УДК 811.111'42

EDN: LEECAV

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-40-48

<https://elibrary.ru/leecav>

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИХ КОНЦЕПТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Игорь Сергеевич Наборщиков

Пермь, Россия, igornaborshikov@gmail.com

Аннотация. Политический дискурс вызывает большой интерес у исследователей, в связи с отсутствием точной системы определений и терминов и большими возможностями для потенциальных исследований. Америка является одной из крупнейших геополитических сил в мире, поэтому внутренняя система функционирования политического дискурса США является крайне важной целью для анализа. Статья посвящена дискурсообразующим концептам, актуализируемым 45-го президентом США Дональдом Трампом. На материале предвыборного митинга в г. Талса (2020) анализируются ключевые концепты: *VANDALISM*, *DESECRATE*, *UNHINGED*. Методология включает дефиниционный анализ лексем по данным толковых словарей английского и русского языков, а также анализ корпусных данных (LCC, BNC, COCA). В результате исследования установлено, что актуализация концептов с негативной коннотацией служит инструментом конструирования образа врага и реализации бинарной оппозиции «свой – чужой». Семантический анализ показывает устойчивую негативную коннотацию данных концептов, что обеспечивает их однозначное восприятие аудиторией. Трамп приписывает оппонентам (левым) антисоциальные характеристики – вандализм и осквернение национальных символов, противопоставляя им «своих» (республиканцев, поддерживающих кандидатуру Д. Трампа). Прагматическая цель данной стратегии заключается в манипулятивном воздействии на электорат через создание ситуации выбора между этими обозначенными сторонами. Исследование подтверждает, что вербальная агрессия и лингвоконфликтность являются неотъемлемыми характеристиками современного политического дискурса США.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсообразующий концепт, концепт, дискурс-анализ, дискурсивная практика, вербальная агрессия, лингвоконфликтность, когнитивная лингвистика, политический дискурс, дискурсология.

Для цитирования: Наборщиков И. С. Реализация дискурсообразующих концептов в политическом дискурсе США // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 40–48. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-40-48>. EDN: LEECAV

Original article

THE IMPLEMENTATION OF DISCOURSE-FORMING CONCEPTS IN THE US POLITICAL DISCOURSE

Igor S. Naborshchikov

Perm, Russia, igornaborshchikov@gmail.com

Abstract. Political discourse, is of great interest to researchers, due to the lack of an accurate system of definitions and terms and great opportunities for potential research. America is one of the largest geopolitical forces in the world, so the internal functioning of the US political discourse is an extremely important target for analysis. The article is devoted to the discourse-forming concepts actualized by the 45th President of the United States, Donald Trump. Based on the material of the pre-election rally in Tulsa (2020) analyzes key concepts: VANDALISM, DESECRATE, UNHINGED. The methodology includes a definitive analysis of lexemes based on the data from the explanatory dictionaries of English and Russian languages, as well as the analysis of corpus data (LCC, BNC, COCA). As a result of the research, it was found that the actualization of concepts with negative connotation serves as a tool for constructing the image of the enemy and implementing the binary opposition “friend and foe”. Semantic analysis shows a stable negative connotation of these concepts, which ensures their unambiguous perception by the audience. Trump attributes antisocial characteristics to his (leftist) opponents, such as vandalism and desecration of national symbols, contrasting them with “his own” (Republicans who support D. Trump's candidacy). The pragmatic purpose of this strategy is to manipulate the electorate by creating a situation of choice between these designated parties. The study confirms that verbal aggression and linguistic conflict are integral characteristics of modern political discourse in the United States.

Keywords: political discourse, discourse-forming concept, concept, discourse analysis, discursive practice, verbal aggression, linguistic conflict, cognitive linguistics, political discourse, discursology.

For citation: Naborshchikov I. S. The Implementation of Discourse-Forming Concepts in US Political Discourse. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:40-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-40-48>. EDN: LEECAV

Введение

Концепт – это междисциплинарный термин, реализуемый в таких гуманитарных дисциплинах, как философия, лингвистика, психология и др. [Демьянков 2001: 43–44]. Концепт – сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [Степанов 2004: 43]. «Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [Карасик, Стернин 2005: 7]. В лингвокультурологии «культурный концепт» является основной единицей. Культурный концепт определяется как понятие следующим образом: «культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2004: 91]. Если рассматривать концепт как лингвокогнитивное явление – это единица ментальных или психических

ресурсов сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека. Это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [там же: 96]. С точки зрения когнитивной лингвистики концепт – заместитель понятия, который намекает на возможное значение, является откликом на предшествующий языковой опыт человека. При этом автор отмечает, что лингвокогнитивный и лингвокультурный вариант понятия не являются взаимоисключающими. Концепт – это фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [там же: 97]. Концепт – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие (идея, фиксирующая существенные свойства реалий) принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, закреплённое опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и соотносимое с другими понятиями.

Основная часть

Мы соотносим понятия дискурсообразующий концепт и топик – составляющую предложения, устанавливающую и задающую понятийный контекст, в котором имеет место выраженная в предложении предикация [Демьянков 1979: 373]. Такое понимание топика восходит к античной философии: Аристотель понимал «топы» как ментальные категории, выступающие стимулом для «размножения» идей, способствующие созданию смыслового каркаса речевого произведения [Коцик 2016: 125].

Используемый для рассмотрения текст взят с официального сайта Университета Вирджинии (URL: <https://millercenter.org/>) и является речью, произнесенной 45 президентом США Д. Трампом во время предвыборного митинга, проходившего 20 июня 2020 года в городе Талса штата Оклахома.

В рассматриваемом тексте присутствуют упоминания *левых* (в данном примере под *левыми* подразумевается группа людей с либеральными политическими взглядами, в том числе партия демократов): *The unhinged left-wing mob is trying to vandalize our history, desecrate our monuments, our beautiful monuments.* / *Безумная толпа левых пытается подвергнуть вандализму нашу историю, осквернить наши памятники, наши прекрасные памятники.*¹

В данном примере Д. Трамп обвиняет *левых* в вандализме и осквернении исторических монументов, также реализуется концепт UNHINGED, негативную коннотацию которого мы докажем далее. Рассмотрим определения лексемы, реализующей концепт VANDALIZE из словарей английского языка: *Vandalize – to intentionally damage property belonging to other people* [CALD]; *to damage something, especially public property, deliberately and for no good reason* [OALD]; *If something such as a building or part of a building is vandalized by someone, it is damaged on purpose* [CD]; *to deliberately destroy or damage* [BD]; *to subject to vandalism; willful or malicious destruction or defacement of public or private property* [MWD].

¹ Здесь и далее перевод наш.

Выделим примеры актуализации концепта VANDALIZE в контексте: *And when they vandalize our public parks, that's their agenda, not ours.* / И когда они совершают акты вандализма в наших общественных парках, это их повестка дня, а не наша [LCC]; *In others, protesters have taken it upon themselves to either severely vandalize or tear down controversial statues.* / В других случаях протестующие брали на себя смелость либо сильно подвергать вандализму, либо сносить спорные статуи [LCC]; *Already, unidentified people have attempted to vandalize the artwork by spraying the sheet.* / Неизвестные уже пытались совершить акт вандализма, забрызгав полотно [LCC]; *...it, it w it was petty things that we was in trouble for, not, nothing sin I mean we would never think of mugging anybody or vandalizing things for the sake of vandalizing. Er we, we'd tie two doors together which, and then knock on them both, and then run.../ ...это были мелкие неприятности, за которые мы попадали в неприятности, ничего грешного, то есть мы никогда бы не подумали ограбить кого-нибудь или учинить вандализм ради вандализма. Мы связывали две двери вместе, стучали в обе, а потом убежали...* [BNC]; *A few days later, the house was ruthlessly, mercilessly, vandalized.* / Через несколько дней дом подвергся безжалостному, беспощадному вандализму [BNC]; *There was no wind to erode the footprints, but smart-ass teenagers liked to vandalize anything they could get at./ Ветер не мог развеять следы, но сообразительные подростки любили устраивать вандализм везде, где только можно* [COCA]; *They have also said that agents routinely vandalize food and blankets, and harassed their volunteers.* / Они также заявили, что агенты регулярно совершают акты вандализма в отношении продуктов питания и одеял, а также домогаются их волонтеров [COCA].

Для полноты представления рассматриваемого концепта обратимся к определениям слова вандализм из русских толковых словарей: *Вандализм – бессмысленное разрушение культурных ценностей, варварство, поведение вандала* [ТСРЯУ]; *бессмысленно жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей* [СРЯО]; *беспощадное разрушение памятников культуры и искусства, бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей* [БТСРЯ].

Таблица 16. Семантика лексем *vandalism* / вандализм

Семы \ Лексемы	<i>Destruction / разрушение</i>	<i>Deliberate / намеренное</i>	<i>For no reason / без причины</i>	<i>Культурных ценностей</i>
<i>Vandalism</i>	+	+	+	-
Вандализм	+	+	+	+

Можно выделить следующие общие семы: *destruction / разрушение, deliberate / намеренное, for no reason / без причины*. Таким образом, Д. Трамп обвиняет группу «левых» в антисоциальном поведении, что подтверждается использованием одноименной лексики *desecrate*: *Desecrate – to damage or show no respect towards something holy or very much respected* [CALD]; *to damage a holy thing or place or treat it without respect* [OALD];

deliberately damage or insult something, which is considered holy or very special [CD]; to damage (a holy place or object); to treat (a holy place or object) with disrespect [BD]; to violate the sanctity; to treat disrespectfully, irreverently, or outrageously [MWD]

Выделим примеры актуализации данного концепта в контексте: *And I obviously don't want to desecrate or disrespect the memory of anyone that's fallen» / И я, конечно, не хочу осквернять или не уважать память павших [LCC]; President Trump cannot be allowed to desecrate our nominations process further. / Нельзя допустить, чтобы президент Трамп и дальше осквернял наш процесс выдвижения кандидатур [LCC]; His statue now lies covered in red paint, while obscenities desecrate the pedestal on which it once stood. / Теперь его статуя покрыта красной краской, а непристойности оскверняют постамент, на котором она когда-то стояла [LCC]; Even I do not desecrate the graves of German or Confederate dead». / «Даже я не оскверняю могилы погибших немцев или конфедератов» [LCC]; Each night, lawless anarchists destroy and desecrate property, including the federal courthouse, and attack the brave law enforcement officers protecting it. / Каждую ночь беззаконные анархисты разрушают и оскверняют собственность, включая здание федерального суда, и нападают на храбрых сотрудников правоохранительных органов, защищающих его [LCC]; He desecrated the tomb; he has paid for it. / Он осквернил гробницу и заплатил за это [BNC]; Over 6,000 temples and monasteries were desecrated. / Более 6 000 храмов и монастырей были осквернены [BNC]; I have too much respect for music to desecrate it with my voice. / Я слишком уважаю музыку, чтобы осквернять ее своим голосом [COCA]; Desecrate the churches and graveyards that stood in the way of his plans for the boulevards. / Осквернить церкви и кладбища, которые стояли на пути его планов по строительству кварталов [COCA]; In fact, Greenwald points out that Obama had intended to desecrate Social Security and Medicare from the get-go but was frustrated, ironically, not by... / На самом деле, указывает Гринвальд, Обама с самого начала намеревался осквернить Social Security и Medicare, но, по иронии судьбы, был расстроен не...[COCA].*

Слово *осквернить* имеет следующие словарные толкования: *Осквернить* – сделать нечистым; неподобающим, унижительным образом поступить с чем-н., отнестись к чему-н [ТСРЯУ]; опозорить, подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-н [СРЯО]; Нарушить чистоту чего-л., лишить святости, подвергнуть поруганию [БТСРЯ]; оскорбить, унижить, запятнать чем-л [БТСРЯ].

Таблица 17. Семантика лексем *desecrate* / *осквернить*

Семы \ Лексемы	<i>Disrespect holy / неуважение к святому</i>	<i>Damage holy / повреждение святого</i>	<i>Insult / оскорбить</i>	<i>Запятнать</i>
<i>Desecrate</i>	+	+	+	-
<i>Осквернить</i>	+	+	+	+

Общие семы: *disrespect holy* / неуважение к святом *damage holy* / повреждение святого, *insult* / оскорбить. Говоря, что группа левых занимается вандализмом и осквернением монументов, ставится под сомнение адекватность последних. Учитывая формулировку *our monuments* / наши монументы становится очевидным фиксация в речи говорящего двух групп мы, уважающие монументы (не просто монументы, а прекрасные монументы) и они – вандалы, оскверняющие их.

Далее реализуем анализ лексемы *unhinged*: *Unhinged – mentally ill* [CALD]; *having a mental illness that makes somebody unable to think or behave normally* [OALD]; *If you describe someone's behaviour or performance as unhinged, you are critical of it because it seems wild and uncontrollable* [CD]; *to make (someone) very upset or mentally ill – usually used as (be) unhinged* [BD]; *highly disturbed, unstable, or distraught* [MWD].

Приведём примеры актуализации концепта UNHINGED в контексте: *Trump attracts large crowds because his supporters find his unhinged rants to be entertaining.* / Трамп привлекает большие толпы, потому что его сторонники считают его безумные разглагольствования забавными» [LCC]; *The party has become completely unhinged.* / «Демпартия стала полностью невменяемой [LCC]; *He's not just unstable, he's unhinged.* / «Он не просто нестабилен, он невменяем [LCC]; *Anderson becomes more misogynistic, violent, and unhinged as the season progresses.* / Андерсон становится все более женоненавистническим, жестоким и невменяемым по ходу сезона [LCC]; *The Dems haven't been this unhinged since Lincoln and the other Republicans outlawed slavery.* / Демократы не были настолько вне себя с тех пор, как Линкольн и другие республиканцы объявили рабство вне закона [LCC]; *That soft, cloudy light in his eyes unhinged her.* / Этот мягкий, мутный свет в его глазах выбил ее из колеи [BNC]; *You are definitely unhinged. Mathematics, Probability and Statistics have been important to the biological sciences for decades* / Вы определенно не в себе. Математика, вероятность и статистика были важны для биологических наук на протяжении десятилетий [COCA]; *You are mentally unhinged and a delusional, often ignorant, liar.* / Вы психически нездоровы и бредите, часто бываете невежественны и лживы. [COCA].

Наиболее схожим по значению словом в русском языке является невменяемый (источник – [CR]), рассмотрим его далее: *Невменяемый – находящийся в состоянии крайнего раздражения, не владеющий собой, не сознающий своих поступков* [ТСРЯУ]; *раздраженный, не владеющий собой; находящийся в состоянии невменяемости; психическое состояние, при котором человек не способен отвечать за свои действия* [СРЯО]; *раздражённый, не владеющий собой* [БТСРЯ].

Таблица 18. Семантика лексем *unhinged* / невменяемый

Семы \ Лексемы	<i>Mentally ill</i> / невменяемость	<i>Wild</i> / дикий	<i>Uncontrollable</i> / безконтрольный	<i>Upset</i> / раздражен
<i>Unhinged</i>	+	+	+	+
<i>Невменяемый</i>	+	-	+	+

Актуализация рассматриваемого концепта по отношению к группе *левых* определяет всех людей с либеральной политической позицией как не способных отвечать за свои поступки и выражает невозможность договориться с последними, в соответствии с семантикой концепта UNHINGED. Актуализация данного концепта, во-первых, является выраженной в грубой форме негативной оценкой группы, во-вторых, в сумме с предыдущими примерами, оно представляет собой деление на группы свои / чужие.

Заключение

Проведённый анализ дискурсообразующих концептов в предвыборном выступлении Д. Трампа в г. Талса позволяет сделать вывод о том, что актуализация негативно коннотированных концептов (*VANDALISM*, *DESECRATE*, *UNHINGED*) служит инструментом конструирования образа врага и реализации бинарной оппозиции «свой – чужой». Семантический анализ лексем, вербализируемых изучаемые концепты, показывает устойчивую негативную коннотацию концептов как в английском, так и в русском языках. Трамп приписывает оппонентам (левым) антисоциальные характеристики – вандализм и осквернение национальных символов, противопоставляя им «своих» (республиканцев, поддерживающих кандидатуру Д. Трампа).

Прагматическая цель данной стратегии заключается в манипулятивном воздействии на электорат через создание ситуации выбора: «если вы не с нами, вы с теми, кто разрушает страну». Таким образом, дискурсообразующие концепты выступают мощным инструментом политической борьбы, позволяющим конструировать реальность, поляризовать общество и обосновывать необходимость сохранения власти у политика. Исследование подтверждает, что вербальная агрессия и лингвоконфликтность являются неотъемлемыми характеристиками современного политического дискурса США, а их изучение открывает возможности для понимания механизмов манипуляции и противодействия деструктивным коммуникативным практикам.

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
2. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. 352 с. ISBN: 5-89395-236-X EDN: XWZUYZ
3. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47. EDN: SCKDAB
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
5. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор 2) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т.38. № 4. С. 368–380. EDN: SCKDQZ
6. Коцик К. Э. Концепции топиковых структур в языкознании новейшего времени // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 2 (22). С. 125–129. EDN: WDZKLN

Список сокращений

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary.
 OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary.
 CD – Collins dictionary.
 BD – Britannica Dictionary.
 MWD – Merriam-Webster.com Dictionary.
 ТСРЯУ – Толковый словарь русского языка Ушакова.
 СРЯО – Словарь русского языка Ожегова.
 ТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка.
 LCC – Leipzig Corpora Collection.
 BNC – British National Corpus.
 COCA – Corpus of Contemporary American English.

Список источников

1. Большой толковый словарь // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Толковый словарь Ожегова // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
3. Толковый словарь Ушакова // Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
4. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 18.11.2022).
6. Merriam – Merriam Webster Learner’s Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 18.11.2022).
7. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 08.12.2022).
8. The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Leipzig Corpora Collection // Leipzig Corpora. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=eng_news_2020 (дата обращения: 24.05.2024).
10. British National Corpus // English Corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 28.05.2024).
11. Corpus of Contemporary American English // English corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 28.05.2024).

References

1. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3th ed., Moscow, Akademicheskij Proekt, 2004, 992 p. p. (In Russ.).
2. Karasik V. I., Sternin I. A. Antologiya konceptov [Anthology of Concepts]. Volgograd, Paradigma, vol. 1, 2005, 352 p. ISBN: 5-89395-236-X EDN: XWZUYZ (In Russ.).

3. Dem'yankov V. Z. Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke [Concept and notion in fiction and scientific language]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2001, no. 1, pp. 35-47. EDN: SCKDAB (In Russ.).

4. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 390 p. (In Russ.).

5. Dem'yankov V. Z. «Sub"ekt», «tema», «topik» v amerikanskoj lingvistike poslednih let ["Subject", "theme", "topic" in American linguistics of recent years]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]. 1979, vol. 38, no. 4, pp. 368-380. EDN: SCKDQZ (In Russ.).

6. Kocik K. Eh. Konceptii topikovyh struktur v yazykoznanii novejshego vremeni [Concepts of topic structures in modern linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University]. 2016, no. 2 (22), pp. 125-129. EDN: WDZKLN (In Russ.).

List of sources

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' [Large Explanatory Dictionary]. *Gramota.ru*. (In Russ.). Available at: <http://gramota.ru/> (accessed: 18.11.2022).

2. Tolkovyj slovar' Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. *Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn*. (In Russ.). Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 18.11.2022).

3. Tolkovyj slovar' Ushakova [Ushakov's Explanatory Dictionary]. *Tolkovyj slovar' Ushakova onlajn*. (In Russ.). Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed: 18.11.2022).

4. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.11.2022).

5. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 18.11.2022).

6. Merriam – Merriam Webster Learner's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 18.11.2022).

7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> / (accessed: 08.12.2022).

8. The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (accessed: 18.11.2022).

9. Leipzig Corpora Collection. *Leipzig Corpora*. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=eng_news_2020 (accessed: 24.05.2024).

10. British National Corpus. *English Corpora*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 28.05.2024).

11. Corpus of Contemporary American English. *English corpora*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed: 28.05.2024).

Информация об авторе

И. С. Наборщиков – Магистр

Information about the author

I. S. Naborshchikov – Master's Degree.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026 принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 49–59.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 49-59.

Научная статья

УДК 811.111'25

EDN: NTLTJQ

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-49-59

<https://elibrary.ru/ntltjq>

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОМИКСА

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Ксения Денисовна Шишкина²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² v.shishkin.618@gmail.com

Аннотация. В настоящее время всё более широкую популярность приобретает комикс – графически-повествовательный жанр литературы. Несмотря на то, что в последние года издательства выпускают работы, созданные отечественными художниками, в большинстве своем книги этого жанра остаются переводной литературой. Актуальность данного исследования заключается в том, что стратегии и тактики перевода англоязычного комикса на русский язык недостаточно изучены в отечественной лингвистике, несмотря на широкое распространение переводных работ. Материалом настоящего исследования являются первые 20 глав веб-комикса «Blue Chair» под авторством Эндрю Цястона. Структура комикса, выраженная отдельными фреймами с диалоговыми облаками, в сочетании с паралингвистическими средствами и стилистическим своеобразием, представленным разговорной лексикой и сленгом накладывает определенную специфику на перевод и усложняет его. В данной статье анализируются стратегии и тактики перевода англоязычного комикса, описываются переводческие трудности и принятые решения. Самыми распространенными приемами перевода являются калькирование, транслитерация, грамматические замены, компенсация. Отдельно стоит отметить использование сниженной лексики, которая всегда представляет переводческую трудность. Во всех представленных примерах подобраны нейтральные варианты перевода, но при этом выполняющие свою эмоционально-экспрессивную функцию, сохраняя стилистическое своеобразие оригинала.

Ключевые слова: креолизированный текст, комикс, фрейм, диалоговое облако, сленг, разговорная лексика.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Шишкина К. Д. Прагматическая адаптация английской разговорной лексики при переводе комикса // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 49–59. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-49-59>. EDN: NTLTJQ

Original article

PRAGMATIC ADAPTATION OF ENGLISH COLLOQUIAL VOCABULARY IN COMICS' TRANSLATION

Ekaterina O. Zubareva¹, Ksenia D. Shihskina²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² v.shishkin.618@gmail.com

Abstract. Currently, comics, a graphic narrative genre of literature, is becoming increasingly popular. Despite the fact that in recent years publishing houses have been releasing works created by Russian artists, most books of this genre remain translated literature. The relevance of this study lies in the fact that the strategies and tactics of translating English-language comics into Russian have not been sufficiently studied in Russian linguistics, despite the widespread distribution of translated works. The material of this study is the first 20 chapters of the webcomic “Blue Chair” by Andrew Zaston. The comic book structure, expressed in separate frames with dialog clouds, combined with paralinguistic means and stylistic originality represented by colloquial vocabulary and slang, imposes certain specifics on the translation and complicates it. This article analyzes the strategies and tactics of translating an English-language comic, describes the translation difficulties and the decisions made. The most common translation techniques are calculus, transliteration, grammatical substitutions, and compensation. Separately, it is worth noting the use of reduced vocabulary, which always presents translation difficulties. In all the examples presented, neutral translation options are selected, but at the same time they fulfill their emotional and expressive function, while preserving the stylistic originality of the original.

Keywords: creolized text, comic, frame, dialog cloud, slang, colloquial vocabulary.

For citation: Zubareva E. O., Shihskina K. D. Pragmatic Adaptation of English Colloquial Vocabulary in Comic Book Translation. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:49-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-49-59>. EDN: NTLTJQ

Введение

В настоящее время всё более широкую популярность приобретает комикс – графически-повествовательный жанр литературы. Комикс как явление зародился в Германии, свое развитие получил в США и активно распространяется по всему миру, включая Россию. Каждый год переводятся различные произведения в жанрах супергеройской фантастики, юмористических стрипов, графических романов-адаптаций книг. Несмотря на то, что в последнее время издательства выпускают работы, созданные отечественными художниками, в большинстве своем книги этого жанра остаются переводной литературой. Комикс является сложным жанром, обладающим множеством особенностей, которые необходимо учитывать в процессе перевода. Актуальность данного исследования заключается в том, что стратегии и тактики перевода англоязычного комикса на русский язык недостаточно изучены в отечественной

лингвистике, несмотря на широкое распространение переводных работ. В данной статье анализируются стратегии и тактики перевода комикса, описываются переводческие трудности и принятые решения.

Материалом настоящего исследования являются первые 20 глав веб-комикса «Blue Chair» под авторством Эндрю Цястона [Shen: эл. ресурс]. На подготовительном этапе нами была проведена работа по размещению комикса на изображения, осуществлена полная локализация комикса с учётом шрифтов, начертаний и стилистического оформления текста оригинала. Процессы очистки оригинала от английского текста и размещения перевода осуществлялись в программе Photoshop. Почти все диалоговые облака в первых главах нарисованы от руки и имеют неправильную форму, что наложило свои ограничения на перевод. Особую трудность представлял собой подбор шрифта, так как автор произведения в первых главах пишет текст от руки, поэтому мы выбрали шрифт, имитирующий это начертание. Однако не в каждом фрейме это удалось реализовать, поэтому, например, в 5 главе некоторые фрагменты текста нарисованы вручную.

Основная часть

Комикс представляет собой вид креолизованного текста. Это понятие впервые было введено в 1990 году Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым [Сорокин, Тарасов 1990] для обозначения текстов, сочетающих в себе элементы вербального и невербального. Специфика креолизованных текстов влияет на процесс перевода, специалисту необходимо учитывать обе его составляющие. Самые распространенные примеры креолизованных текстов: афиши, плакаты, логотипы, карты, диаграммы, фильмы, видеоролики, анимация и т. д.

О. В. Пойманова предлагает классификацию креолизованных текстов по роли изображения и объёму переданной информации.

1. Репетиционные тексты: изображение повторяет информацию, передаваемую в вербальном тексте.
2. Аддитивные тексты: изображение привносит значительно больше информации.
3. Выделительные тексты: изображение лишь выделяет некий аспект вербального текста.
4. Оппозитивные тексты: информация, переданная изображением, вступает в конфликт с информацией, передаваемой текстом, для достижения какого-либо эффекта, часто комического.
5. Интегративные тексты: основной текст дополняет изображение или наоборот в целях совместной передачи информации.
6. Изобразительно-центрические тексты: основная информация передается изображением, вербальный текст лишь дополняет её [Пойманова 1997: 72].

У. Айснер, американский художник-комиксист, исследователь этого жанра, называл его «sequential art», что можно было бы перевести как «последовательное искусство». Он отмечал неразрывную связь изображения и текста и подчеркивал, что каждый фрейм связан с предыдущим, тем самым образуя последовательное, связное повествование [Eisner 1985].

Е. Е. Анисимова вводит понятие поля паралингвистических средств текста, которое создает его «оптический образ». В него входит огромное количество параграфемных средств, большинство из которых часто используются в комиксах: графическая сегментация текста, шрифт, начертание шрифта, цвет текста, графические символы, вспомогательные знаки, средства иконического языка, необычная орфография слов и т. д. Все эти средства могут быть использованы в различных целях и иметь разную функцию в зависимости от контекста [Анисимова 2003]. Таким образом, комикс можно считать паралингвистически активным текстом, который невозможно анализировать в отрыве от невербальных средств, используемых в нем.

Следует обратить внимание на структуру комикса. Комикс представляет собой отдельную семиотическую систему, смысловой единицей которой считается фрейм, содержащий в себе зачастую и текст, и изображение. Другим важным структурным элементом считается диалоговое облако. Диалоговое облако (англ. *Speech balloon, speech bubble*) – геометрическая фигура, эллипс, в которую помещается речь или мысли персонажа. Форма облака часто задаёт тон и настроение фразы, выполняет экспрессивную функцию [Давиденко, Брындина и др. 2022]. Ограниченный размер облака будет непосредственно влиять на перевод: на реплики часто действуют ограничения касающиеся формы и размера диалогового облака. Так как масштаб страницы ограничен, а в кадре необходимо разместить самих персонажей, их реплики и элементы окружения, текст может быть сокращен и то же самое происходит с переводом.

Комикс является жанром художественной литературы и частично следует принципам её перевода. Произведения художественной литературы отличаются от остальных тем, что в них главным образом выражается художественно-эстетическая функция языка. Перевод, следовательно, должен обладать той же возможностью оказывать эстетическое воздействие на читателя, что и оригинал. Перед переводчиком стоит задача не только адекватно передать смысл художественного текста, но и учитывать атмосферу повествования, художественный образ того или иного персонажа, общее настроение сцены, главы или всего произведения [Комиссаров 1999: 60].

Реплики в комиксах приближены к устной речи, учитывая развлекательный характер жанра, соответственно используется разговорная, лексика, сленг или жаргон, окказионализмы. Можно выделить еще одну особенность англоязычного комикса – широко используемые усечения или сокращения. Данный способ словообразования актуален для имен существительных, глаголов и функциональных частей речи. Например, контракция – вид сокращений, при котором два слова объединяются и произносятся как одно слово [Bauer 1983] или элизия – «полная редукция звуков, гласных или согласных» [Соколова и др. 2010: 45]. С помощью широко используемых сокращений проявляется экономия средств в разговорной речи.

Пласт разговорной лексики в любом языке нестабилен и разнообразен, что может создать проблемы с актуальностью перевода. Такая лексика является одним из самых ярких средств для передачи эмоций и чувств героя, и ее прямой перевод может привести к искажению значения высказывания и неадекватному восприятию читателем. Повышение регистра речи или замена более нейтральным, также как и неуместный переход на крайности ведет к отклонению от стилистики оригинала.

Разговорная лексика и сленг отражают неформальную речь и иногда используются как синонимы, хотя все же имеют весомые различия. У понятия «сленг» имеется несколько определений. В словаре лингвистических терминов даются два определения: «1. Сленг – разговорный вариант профессиональной или социальной речи. 2. Элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова 2004: 419]. Э. Партридж определяет сленг как сниженный лексический пласт, выполняющий, в первую очередь, экспрессивную функцию [Partridge 1970]. Сленг не относят к нормативному, литературному языку и определяют как лексику, используемую в устной речи ввиду ее экспрессивной функции. Еще одной его особенностью является то, что это один из наиболее подвижных пластов языка, который ярко отражает перемены в жизни страны и общества, что также влияет и на его «долговечность»: многие сленговые выражения исчезают из речи, сменяясь другими.

Разговорная лексика является более широким понятием. Э. В. Чепкина выделяет три основных ее признака: непринужденность, некая неподготовленность и направленность на собеседника такого же статуса в ходе неофициального разговора [Чепкина 2000]. Однако несмотря на эти особенности принято относить разговорную лексику к литературному языку. К слову «разговорный» дается следующее определение: «свойственный повседневной устной (обычно диалогической) речи, характерный для обиходного общения» [Ахманова 2004: 376].

Можно отметить, что основная разница между этими понятиями кроется в их употребительности. Сленг – сниженный по регистру и менее распространенный пласт лексики, используемый в определенных группах людей. Разговорная лексика, пусть и имеет схожие признаки (экспрессивность, неформальность), относится к литературному языку и используется всеми носителями языка. Эти различия необходимо учитывать и при переводе, подбирая нужный эквивалент.

Лексические особенности текста комикса придают ему своеобразную стилистическую окраску, которую необходимо сохранить в тексте перевода. Для решения этой задачи используются различные приемы и тактики: культурные замены, метод калькирования и лексико-семантические замены. Главное, что должен помнить специалист, это то, к какому именно пласту лексики относится то или иное и слово, чтобы подобрать максимально подходящий эквивалент в принимающем языке, не забывая при этом о реципиенте текста.

Автор комикса часто обращается к своему читателю или общается с другими персонажами на равных, как и они с ним, поэтому в тексте широко представлена лексика, отражающая разговорный или неофициальный стиль речи. В некоторых случаях это является переводческой трудностью, в других представляется возможность адаптировать перевод с помощью эквивалентов, понятных целевой аудитории. Представим примеры на оба случая.

В 9 главе противник Шена просит его успокоиться и называет его *бро*: *H-hey, easy, bro*. Данное слово (*бро*) было транслитерировано, так как в русском языке оно используется именно в таком варианте. В 20 главе, говоря о велосипедах, Шен использует их разговорное наименование: *bikes*, и мы легко адаптировали перевод как *велики* – сокращенный вариант русского слова *велосипед*.

В 8 главе персонаж крайне возмущен (это видно по его выражению лица) предложением друга ознакомиться со списком опасных и ядовитых растений, прежде чем идти в лес, и задает риторические вопросы: *What do I look like? Some sorta nerd?* – На кого я похож, по-твоему? На какого-то **ботаника**? Интересующее нас слово выделено жирным шрифтом для акцента, что мы сохраняем в переводе.

Это разговорное слово и в Кембриджском словаре даются два определения с пометкой *informal disapproving*: «a person, especially a man, who is not attractive and is awkward or socially embarrassing» и «a person who is extremely interested in one subject, especially computers, and knows a lot of facts about it» [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. В русском языке существуют эквиваленты: гик, ботаник, ботан. Гик в современной культуре означает человека, скорее связанного с компьютерными технологиями [Словарь современной лексики, жаргона и сленга: эл. ресурс], поэтому для данного контекста оно не подходит. Мы остановились на варианте ботаник, ввиду созвучия со словом «ботаника», что сочетается с контекстом, а также является более нейтральным и распространенным вариантом. Значение в русском языке так же соответствует контексту: «человек, студент, ученик, который слишком много учится, занимается, в т. ч. самообразованием, заучка» [Там же].

В 19 главе для эмпазы герой использует слово *weirdo* в предложении:

If they knew what I was thinking, they would probably think that I'm some sort of crazy weirdo. – Если б она знала, о чём я тут размышляю, наверняка бы подумала, что я какой-то псих.

В словаре дается следующее определение слову *weirdo*: «a person who behaves strangely». *Crazy* же значит: «stupid or not reasonable» [Там же]. В переводе использован прием компенсации, объединив значение словосочетания *crazy weirdo* словом *псих*, которое пусть и имеет в словарях значение «психически неуравновешенный или больной человек» [Кузнецов: эл. ресурс], в разговорной речи обретает значение ругательства по отношению к неадекватно ведущему себя человеку.

В комиксе встречается крайне сниженные по регистру слова и их производные. Связано это с тем, что комикс публиковался на интернет-площадке, где необязательно иметь маркировку возрастного контента, а также нет строгих правил по соблюдению цензуры. В первой же главе с целью выразить свое несогласие персонаж Шена использует сокращение от *bullshit* – *bull*. В кембриджском словаре оно идет с пометкой *offensive*: «a rude word for complete nonsense or something that is not true» [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Мы рассматривали следующие нейтральные варианты перевода: *чушь*, *ерунда*, *бред*, и остановились именно на последнем как на самом подходящем. В оригинале слово сокращено до четырех букв, поэтому русский эквивалент должен примерно совпадать по длине.

Представленные примеры демонстрируют, что некоторые разговорные выражения уже могут быть адаптированы с помощью приемов транслитерации или калькирования. Трудность вызывает перевод полисемичных языковых единиц, где необходимо подобрать эквивалент, сохранив при этом экспрессивность и эмфазу оригинала.

Основной юмористический посыл 15 главы выражается с помощью сленгового слова *chill* и его производных. В кембриджском словаре дается следующее значение с пометкой *informal*: to relax by doing very little – отдыхать почти ничего не делая [Там же]. В последнее время в связи с широким распространением интернет-мемов, это слово проникло в русский язык. Его написание пока не закреплено в словарях, поэтому мы воспользовались приемами транслитерации, транскрипции и калькирования для перевода самого слова и всех его производных.

Сама глава носит название *Chillpocalypse* (что также является окказионализмом) и переведено как Чиллпокалипсис. Весь сюжет главы строится вокруг решения Шена «чиллить», что приводит к катастрофе.

Today, I'm just going to chill. – Сегодня я буду чиллить (формы инфинитива). *Hey! I see you're chilling.* – Эй! Смотрю, ты тут чиллишь.

В данном случае в оригинале используется длительная форма глагола для обозначения процесса, но, ввиду отсутствия такой же формы в русском языке, мы использовали форму настоящего времени 2 лица.

Now I'm chilling! – А теперь и я! В этом случае глагол оказался опущен, так как его значение понятно из контекста и изображения.

Следующее предложение особенно интересно с точки зрения перевода, так как для описания действия используется наречие в переносном значении, а также от глагола образуется существительное.

Somebody is chilling so hard that they are causing a wave of chillness to sweep the nation. –

Кто-то чиллит настолько жёстко, что вызванная им волна чилла скоро охватит всю страну.

На данном кадре сюжет главы достигает кульминации, мы можем заметить явную гиперболизацию и использование метафоры (*a wave of chillness to sweep the nation*). Мы сохранили метафору (*волна чилла*), а также эмфазу (*чиллит настолько жёстко*) с помощью прямого перевода, так как в русском языке данные слова используются в таком же значении. В переводе изменена грамматическая конструкция (*they are causing a wave / вызванная им волна*), гендерно-нейтральное местоимение *they* заменили на местоимение мужского рода для сохранения сочетаемости с подлежащим и добавили слово *всю* для эмфазы.

Данную фразу произносит госслужащий, ворвавшийся к условному президенту США, чтобы сообщить об этой катастрофе. Но волна чилла охватывает и их, что мы можем отметить по резкой смене регистра: *Actually, I kinda dig it*, а также одежде и настроению персонажей на фреймах.

В примере используется разговорное сокращение от *kind of* и сленговое выражение *dig it*. В кембриджском словаре оно идет с пометкой *old-fashioned slang* и означает «to like or understand something» [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Данную фразу мы перевели как *Но знаете, мне даже зашло*. Произведена замена грамматической конструкции (вводное слово стало безличным предложением) и форма *kinda* выражено в виде наречия *даже*.

Как мы можем заметить, при переводе сленговых выражений важно помнить о реципиенте комикса и подбирать эквиваленты понятные читателю. При этом некоторые из них уже проникают в русский язык, в связи с чем стратегии доместикации утрачивают свою актуальность.

Заключение

Переведенные главы комикса насыщены разговорными и сленговыми выражениями, что обусловлено его жанровой спецификой и развлекательной функцией. Большинство из них успешно адаптированы на русский язык с помощью подходящего эквивалента. Самыми распространенными приемами перевода являются калькирование, транслитерация, грамматические замены, компенсация.

Отдельно стоит отметить использование сниженной лексики, которая всегда представляет переводческую трудность. Во всех представленных примерах подобраны нейтральные варианты перевода, но при этом выполняющие свою эмоционально-экспрессивную функцию, сохраняя стилистическое своеобразие оригинала.

Можно сделать вывод о том, что комикс как креолизованный паралингвистический текст представляет собой трудность для переводчика. При выполнении перевода необходимо стремиться к адекватности, сохранении специфики речи оригинального произведения, но некоторые потери неизбежны на всех уровнях текста.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Academia, 2003. 122 с. ISBN: 5-7695-0961-9 EDN: YWOTPL
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с. ISBN: 5-354-00600-7 EDN: QQUQNX
3. Давиденко Я. О., Брындина М. Е., Никонов С. Б. Интермедиаальные аспекты повествования комиксов // Мир науки, культуры, образования. 2022. №. 1 (92). С. 332–334. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-332-334 EDN: JCNSMX
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М. : ЧеРО. 1999. 134 с.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
7. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. М., 2000–2026. URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Соколова М. А., Тихонова И. С., Тихонова Р. ., Фрейдина Е. Л. Теоретическая фонетика английского языка. Дубна : Феникс+, 2010. 192 с.
9. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. 1990. С. 180–186.
10. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург : Уральский университет, 2000. 279 с. ISBN: 5-7525-0801-0 EDN: UWZESP
11. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge University Press; 1983. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/english-wordformation/638CAE04906CC3DF5CD95D2FBEE05DEB> (дата обращения: 25.01.2026).
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/> (дата обращения: 10.05.2026).

13. Eisner W. Comics and sequential art. Tamarac, FL: PoorhousePress, 1985. URL: <https://archive.org/details/comicssequential0000eism> (дата обращения: январь 2026).
14. Partridge E. Slang Today and Yesterday. Routledge & K. Paul, New York, 1970-476 с.
15. Shen. Bluechair // WEBTOON. 2014. URL: https://www.webtoons.com/en/slice-of-life/bluechair/list?title_no=199 (дата обращения: февраль 2026).

References

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Text linguistics and intercultural communication]. Moscow, Academia, 2003, 122 p. ISBN: 5-7695-0961-9 EDN: YWOTPL (In Russ.).
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 2th ed., Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p. ISBN: 5-354-00600-7 EDN: QQUQNX (In Russ.).
3. Davidenko Ya. O., Bryndina M. E., Nikonov S. B. Intermedial'nye aspekty povestvovaniya komiksov [Intermedial aspects of comic book storytelling]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education]. 2022, no. 1 (92), pp. 332-334. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-332-334 EDN: JCNSMX (In Russ.).
4. Komissarov V. N. Obshchaya teoriya perevoda [General Theory of Translation]. Moscow, CheRO, 1999, 134 p. (In Russ.).
5. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 2000. (In Russ.). Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed: 10.01.2026).
6. Pojmanova O. V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta [Semantic space of video-verbal text]. PhD thesis. Moscow, 1997, 237 p. (In Russ.).
7. Clovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of modern vocabulary, jargon, and slang]. Moscow, 2000-2026. (In Russ.). Available at: <https://argo.academic.ru/> (accessed: 20.01.2026).
8. Sokolova M. A., Tikhonova I. S., Tikhonova R. ., Frejdina E. L. Teoreticheskaya fonetika anglijskogo yazyka [Theoretical phonetics of the English language]. Dubna, Feniks+, 2010, 192 p. (In Russ.).
9. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. . Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funkciya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya* [Optimization of speech impact]. 1990, pp. 180-186. (In Russ.).
10. Chepkina Eh. V. Russkij zhurnalistskij diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995-2000) [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)]. Ekaterinburg, Ural'skij universitet, 2000, 279 p. ISBN: 5-7525-0801-0 EDN: UWZESP (In Russ.).
11. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge University Press; 1983. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/english-wordformation/638CAE04906CC3DF5CD95D2FBEE05DEB> (accessed: 25.01.2026).
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/> (дата обращения: 10.05.2026).
13. Eisner W. Comics and sequential art. Tamarac, FL: PoorhousePress, 1985. URL: <https://archive.org/details/comicssequential0000eism> (accessed: January 2026).
14. Partridge E. Slang Today and Yesterday. Routledge & K. Paul, New York, 1970-476 с.
15. Shen. Bluechair. *WEBTOON*. 2014. URL: https://www.webtoons.com/en/slice-of-life/bluechair/list?title_no=199 (accessed: February 2026).

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

К. Д. Шишкина – студент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Foreign Philology, Perm State University;

K. D. Shishkina – Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026
принята к публикации 10.05.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for
publication 10.05.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 60–73.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 60-73.

Научная статья

УДК 070(549):004.738.5

EDN: RAYCXQ

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-60-73

<https://elibrary.ru/raycxq>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАЛАНДШАФТА ПАКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Сайф Улла Тарик Бутт

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
saifullahtariqbhatt@gmail.com, ORCID: 0009-0000-4011-2988

Аннотация. Статья посвящена трансформации медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа, рассматриваемой сквозь призму концепции цифрового разрыва Я. ван Дейка. Научная новизна исследования заключается в переносе фокуса со статистики пользователей и обобщения данных исследований, что преобладает в существующих работах, на актуальные оценки медиаэкспертов, а также в выявлении исследовательского разрыва (*research gap*) как дополнительного проявления цифрового неравенства. Цель – определить, как ведущие пакистанские специалисты в области массовой коммуникации оценивают эффект влияния социальных медиа на национальную медиасреду и какое место в этих оценках занимает проблема цифрового неравенства. Эмпирическую базу составили глубинные экспертные интервью с семью преподавателями факультетов массовой коммуникации университетов Пакистана, отобранными методом целенаправленной выборки и обработанными методом тематического анализа в программе MAXQDA, а также актуальные статистические данные о цифровой среде страны. Результаты показывают, что трансформация реальна и проявляется в платформенном сдвиге медиапотребления, эрозии редакционного контроля и распространении гражданской журналистики, а также в изменении практик потребления новостей. Вместе с тем эксперты единодушно фиксируют воспроизводство цифрового разрыва не только на уровне доступа (городское и сельское население, гендерный дисбаланс), но и на уровне производства научного знания: нехватка ресурсов, ограниченный доступ к актуальным исследованиям, языковой барьер и методологическое отставание. Делается вывод, что в условиях развивающейся страны цифровой разрыв представляет собой многоуровневый феномен, затрагивающий и само медиаисследовательское сообщество.

Ключевые слова: цифровой разрыв, медиаландшафт, социальные медиа, Пакистан, экспертное интервью, трансформация журналистики, цифровое неравенство.

Для цитирования: Сайф Улла Тарик Бутт. Трансформация медиаландшафта пакистана в условиях цифрового разрыва: экспертные оценки эффекта влияния социальных медиа // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 60–73. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-60-73>. EDN: RAYCXQ

Original article

TRANSFORMATION OF PAKISTAN'S MEDIA LANDSCAPE UNDER THE CONDITIONS OF THE DIGITAL DIVIDE: EXPERT ASSESSMENTS OF THE EFFECT OF SOCIAL MEDIA INFLUENCE

Saif Ullah Tariq Butt

Perm State University, Perm, Russia, saifullahtariqbutt@gmail.com,

ORCID: 0009-0000-4011-2988

Abstract. The article examines the transformation of Pakistan's media landscape under the influence of social media through the lens of J. van Dijk's concept of the digital divide. The scientific novelty of the study lies in shifting the focus from user statistics and literature synthesis, which have dominated existing research, to the perceptions of media experts, and in identifying a research-level digital divide as an additional manifestation of digital inequality. The aim is to determine how leading Pakistani specialists in mass communication assess the effect of social media on the national media environment and what place digital inequality occupies in these assessments. The empirical basis comprises in-depth expert interviews with seven faculty members of mass communication departments at Pakistani universities, selected through purposive sampling and analysed through thematic analysis in MAXQDA, together with current statistics on the country's digital environment. The findings show that the transformation is real and manifests itself in a platform shift in media consumption, the erosion of editorial control and the spread of citizen journalism, and changing news-consumption practices. At the same time, the experts unanimously record the reproduction of the digital divide not only at the level of access (urban–rural and gender imbalances) but also at the level of knowledge production: a lack of resources, limited access to current research, a language barrier, and methodological lag. It is concluded that in a developing country the digital divide is a multilevel phenomenon affecting the media research community itself.

Keywords: digital divide, media landscape, social media, Pakistan, expert interview, transformation of journalism, digital inequality.

For citation: Saif Ullah Tariq Butt. Transformation of Pakistan's Media Landscape under the Conditions of the Digital Divide: Expert Assessments of the Effect of Social Media Influence. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:60-73. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-60-73>. EDN: RAYCXQ

Введение

Стремительное распространение социальных медиа за последние полтора десятилетия радикально изменило конфигурацию мировой медиасистемы. Концептуальная цепочка «пресса – радио – телевидение», вокруг которой в XX в. выстраивались базовые представления о средствах массовой информации (далее – СМИ), сегодня преобразуется в более сложную структуру, объединяющую контент, каналы, платформы и пользователей, которые выступают одновременно потребителями, ретрансляторами и авторами сообщений [Вартанова 2023: 9]. Эти процессы носят универсальный характер, однако в разных

национальных медиасистемах они разворачиваются неравномерно – в зависимости от уровня технологического и экономического развития, состояния системы образования и степени распространения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Особый интерес для исследователя представляет ситуация в развивающихся странах, где трансформация медиаландшафта протекает в условиях выраженного цифрового разрыва. Пакистан – пятая по численности населения страна мира (256 млн человек на конец 2025 г.) – является показательным случаем. С одной стороны, здесь наблюдается быстрый рост аудитории социальных медиа; с другой – значительная часть населения остаётся за пределами цифрового пространства, а национальное медиаисследовательское поле, по оценкам самих пакистанских учёных, существенно отстаёт от мировых тенденций.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Если предшествующие работы о социальных медиа в Пакистане либо измеряли численность пользователей и модели потребления, либо обобщали данные и выводы научной литературы, то настоящее исследование обращается к оценкам экспертов, которые руководят этими исследованиями и осуществляют их. На этой основе выявляется исследовательский разрыв (*research gap*) как особое, ранее недостаточно изученное проявление цифрового неравенства – наряду с известными разрывами доступа и навыков. Цель исследования – реконструировать структуру этих экспертных оценок и определить, какое место в них занимает проблема цифрового неравенства.

Теоретической рамкой выступает концепция цифрового разрыва (*digital divide*) нидерландского социолога Я. ван Дейка [van Dijk 2006, 2005], получившая развитие в российских медиаисследованиях [Вартанова, Гладкова 2021; Добринская, Мартыненко 2019; Мартыненко 2018]. Привлечение этой концепции позволяет рассматривать трансформацию медиаландшафта Пакистана не как линейный технологический прогресс, а как процесс, опосредованный множественными формами социального неравенства.

Основная часть

Теоретические основания: цифровой разрыв и трансформация медиасреды

Понятие «цифровой разрыв» (используются также термины «цифровое неравенство», «цифровой раскол») находится в фокусе внимания исследователей более двадцати лет [Мартыненко 2018: 4]. В отечественной науке оно определяется как неравномерный и неравный доступ субъекта – человека или группы – к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту [Вартанова, Гладкова 2021: 5].

Ключевой вклад в разработку концепции внёс Я. ван Дейк. В отличие от индивидуалистических трактовок, объясняющих неравенство доступа индивидуальными характеристиками (доход, образование, возраст, пол), ван Дейк предлагает реляционный подход, восходящий к идее «устойчивого неравенства» Ч. Тилли [Tilly 1998]. Согласно этому подходу, значимые формы неравенства порождаются не столько свойствами индивидов, сколько категориальными различиями между группами и отношениями между ними [Wellman, Berkowitz 1988]. На макроуровне такое неравенство проявляется в разрыве между развитыми и развивающимися странами, нередко описываемом как разрыв «Север – Юг».

Технологический прогресс трансформирует и само содержание цифрового разрыва: от простого деления на имеющих и не имеющих доступ в Интернет он эволюционирует к различиям в навыках и возможностях использования цифровых технологий. Так возникает трёхуровневая модель цифрового разрыва: первый уровень связан с физическим доступом, второй – с цифровыми навыками и характером использования, третий – с социальными результатами использования технологий [Добринская, Мартыненко 2019: 110]. М. Раньедда дополняет эту модель концепцией «третьего цифрового разрыва», подчёркивая, что даже при равном доступе пользователи извлекают из технологий неравные социальные выгоды [Ragnedda 2017].

Трансформация медиаландшафта под влиянием социальных медиа затрагивает по меньшей мере три измерения, релевантных для настоящего исследования. Во-первых, изменяется структура медиапотребления: аудитория переходит от линейных вещательных СМИ к интерактивным платформам. Во-вторых, трансформируется институт профессиональной журналистики. Здесь продуктивной оказывается теория гейткипинга (от *gatekeeping* – «контроль доступа»), описывающая механизмы отбора информации, попадающей в публичное пространство [Shoemaker, Vos 2009]: распространение социальных медиа подрывает монополию редакторов и журналистов на этот отбор. В-третьих, меняется сама природа публичной сферы. Согласно Ю. Хабермасу, публичная сфера представляет собой пространство рационально-критического обсуждения общественно значимых вопросов [Habermas 1989]; социальные медиа одновременно демократизируют доступ к этому пространству и фрагментируют его, способствуя распространению дезинформации.

Цифровой контекст Пакистана

Чтобы оценить условия, в которых разворачивается трансформация медиаландшафта, обратимся к актуальным данным о цифровой среде Пакистана. По данным аналитического отчёта Digital 2026, на конец 2025 г. население Пакистана составляло 256 млн человек, из которых 117 млн пользовались Интернетом – уровень проникновения Интернета достигал 45,6 % [Kemp 2025]. Это означает, что около 139 млн человек, или 54,4 % населения, оставались вне сети. Аудитория социальных медиа насчитывала 79,9 млн пользовательских идентификаторов, что эквивалентно 31,2 % населения; за год она выросла на четверть (+25 %) [Kemp 2025].

Эти показатели наглядно иллюстрируют первый уровень цифрового разрыва – неравенство физического доступа. Разрыв усиливается территориальным фактором: на конец 2025 г. в городах проживало 38,8 % населения Пакистана, тогда как 61,2 % приходилось на сельскую местность [Kemp 2025], для которой характерны более низкие показатели проникновения и качества телекоммуникационной инфраструктуры, находящейся в ведении Управления электросвязи Пакистана (Pakistan Telecommunication Authority, PTA). Платформенная структура аудитории заметно сместилась в сторону видео: к концу 2025 г. рекламная аудитория YouTube ¹ достигала 54,3 млн, TikTok ² – 79,9 млн взрослых пользователей, Snapchat – 41,1 млн; напротив, аудитория X (бывший Twitter) сократилась до

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

2,88 млн – лишь 1,1 % населения [Kemp 2025]. Этот сдвиг ретроспективно подтверждает прогноз, высказанный экспертами ещё в 2021 г., о движении от Twitter¹ и Facebook² к видеосервисам. Недавнее исследование динамики платформ фиксирует ту же траекторию «от Facebook³ к видео» на протяжении пандемийного периода [Hamza et al. 2025], а трактовка этих изменений в медиадискурсе страны эволюционировала от оптимизма по поводу цифровой инклюзивности к обеспокоенности цифровым разрывом [Zhou 2025].

Особенно показателен гендерный аспект. Среди пользовательских идентификаторов социальных медиа Пакистана 71,2 % принадлежали мужчинам и лишь 28,8 % – женщинам [Kemp 2025], причём этот разрыв даже несколько шире, чем годом ранее. Дисбаланс служит эмпирическим подтверждением реляционного тезиса ван Дейка о категориальном характере цифрового неравенства: гендерное различие, не будучи индивидуальной характеристикой, систематически воспроизводит неравный доступ к технологиям. Таким образом, трансформация медиаландшафта Пакистана с самого начала вписана в структуру множественного – территориального и гендерного – цифрового разрыва.

Материал и методы

Эмпирическим материалом статьи послужили глубинные экспертные интервью, проведённые автором с семью преподавателями дисциплин массовой коммуникации – лекторами, ассистент-профессорами и ассоциированными профессорами университетов Пакистана, обладающими значительным опытом медиаисследований и научного руководства выпускными работами бакалаврского и магистерского уровней. Отбор экспертов осуществлялся по принципу целенаправленной выборки (англ. *purposive sampling*): в исследование были включены специалисты, преподающие дисциплины массовой коммуникации, осуществляющие научное руководство выпускными квалификационными работами и публикующиеся в области медиаисследований. На этапе седьмого интервью наблюдалось тематическое насыщение: новые интервью перестали приносить принципиально новые категории анализа, что обосновывает объём выборки для качественного дизайна исследования. Структурный профиль экспертов представлен в таблице 1.

Интервью проводились по заранее разработанному гайду из семи вопросов: (1) предметная область научного руководства респондента; (2) преобладающий метод (контент-анализ или опрос) и изучаемая совокупность; (3) демографические группы в фокусе исследований (взрослые, подростки, дети); (4) анализируемые платформы социальных медиа и причины их выбора; (5) применяемые теоретические рамки; (6) интерес к видеосервисам, таким как YouTube⁴ и Netflix⁵; (7) специфические разрывы в сравнении с зарубежными исследованиями. Полученные транскрипты были обработаны методом тематического анализа в программе качественного анализа данных MAXQDA. Кодирование осуществлялось путём применения тематической схемы кодирования к транскриптам и агрегирования полученных кодов в

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

иерархическую систему категорий более высокого порядка, относящихся к платформам социальных медиа, методологии исследований, исследовательскому разрыву, теоретической перспективе, целевой аудитории и влиянию (таблица 2). По относительному весу наиболее заметным оказался узел «WhatsApp¹» (27,5 %), за ним следуют узлы «социальные медиа» (26,25 %) и «студенты» (21,25 %); доминирующей теоретической рамкой оказалась теория использования и удовлетворения. Интервью велись на английском языке; приводимые ниже прямые цитаты даются в переводе автора настоящей статьи.

Таблица 1. Структурный профиль отобранных экспертов в области массовой коммуникации

Эксперт	Организация	Должность	Основной фокус исследований / научного руководства
К. Шуджа	Lahore Leads University, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Динамика платформ и привычки потребления (Facebook ² , Twitter ³ ; сдвиг к YouTube ⁴)
д-р Х. Рашид	COMSATS University, Лахор	ассистент-профессор (Assistant Professor)	Влияние социальных медиа на моду и покупательское поведение молодёжи; видеоплатформы (YouTube ⁵ , Netflix ⁶)
И. Салим	Lahore Leads University, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Социальные медиа как новый феномен; контент TikTok ⁷ и Facebook ⁸ ; методология полевых исследований
д-р Н. Икбал	Университет Пенджаба, Лахор	ассистент-профессор (Assistant Professor)	Использование социальных медиа и медиаграмотность; множественные теоретические рамки
Н. У. Тарик	NUML, Исламабад	преподаватель (Lecturer)	Социальные медиа в потреблении новостей; неформальные цифровые новостные пространства; WhatsApp ⁹
д-р Ш. Сарвар	Университет Пенджаба, Лахор	ассоциированный профессор (Associate Professor)	Потребление и влияние социальных медиа; контент-анализ и опросы; языковые барьеры и доступ к базам данных
А. Икбал	UMT, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Развлекательное использование; визуальные приложения; гендерная дифференциация Instagram/Snapchat – женщины; Twitter / Facebook – мужчины)

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁶ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

⁷ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁸ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁹ Социальная сеть запрещена в РФ.

Таблица 2. Иерархия тематического кодирования экспертных интервью (MAXQDA)

Тема высшего порядка	Категория	Коды (ключевые слова из транскриптов)	Относительный вес
Сдвиг потребления	Дивергенция платформ	социальные медиа, доминирование WhatsApp ¹ , миграция к видео (YouTube ²), Instagram ³	WhatsApp 27,5 %; социальные медиа 26,25 %
Сдвиг потребления	Демографический фокус	молодёжь, студенты, гендерные различия в использовании платформ	студенты 21,25 %; молодёжь 10 %
Эрозия гейткипинга	Институциональная эрозия	обход PEMRA, гражданская журналистика, отсутствие редакционных фильтров	—
Эрозия гейткипинга	Качество публичной сферы	влияние, поляризация, дезинформация	влияние 5 %
Исследовательский разрыв	Операционные и ресурсные дефициты	исследовательский разрыв, нехватка технологического развития, ограничения баз данных НЕС, дефицит литературы	—
Исследовательский разрыв	Теоретико-эпистемические ограничения	зависимость от теории использования и удовлетворения, опросы, контент-анализ, отсутствие моделирования больших данных	перспектива 10 %
Исследовательский разрыв	Социолингвистические барьеры	дефицит ресурсов на урду, «премия» английского языка, отсутствие переводов	—

Примечание. Процентные значения узлов представляют собой относительные частоты кодов – долю закодированных текстовых сегментов, отнесённых к каждому узлу, – рассчитанные в MAXQDA; знак «—» обозначает тематическую группу, качественно значимую, но не сводимую к одному взвешенному узлу.

Глобальный исследовательский контекст и пакистанская наука

Прежде чем обратиться к экспертным оценкам, целесообразно очертить фон, на котором они формируются. Зарубежные исследования социальных медиа отличаются методологическим и теоретическим разнообразием. Так, влияние социальных медиа на традиционные СМИ изучается на корпусах в миллиарды сообщений с использованием вычислительных методов [Cagé et al. 2022]; связь между потреблением социальных медиа и нормативным принятием языка вражды прослеживается с помощью двухволновых лонгитюдных панельных опросов [Soral 2020]. Этот спектр подходов контрастирует с преобладанием в Пакистане опросов и контент-анализа в рамках единственной теоретической парадигмы. Показательно, что даже

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

недавние работы о Пакистане, как правило, опираются на описательные данные и одну теоретическую рамку: например, анализ динамики платформ сочетает теории использования и удовлетворения и медиазависимости с описательной веб-статистикой [Hamza et al. 2025], тогда как более сложные дискурс-аналитические исследования пакистанских медиа чаще создаются за пределами страны [Zhou 2025]. Там же, где политические эффекты социальных медиа изучаются внутри страны, фокус нередко ограничивается поляризацией [Khan et al. 2023].

Экспертные оценки: платформенный сдвиг и трансформация медиапотребления

Первая группа оценок касается изменения структуры медиапотребления. Эксперты фиксируют отчётливый платформенный сдвиг. По наблюдению Камрана Шуджи, исследуемые его студентами платформы включают Twitter¹ и Facebook² «с тенденцией перехода к YouTube³ в будущем». Как показано выше, этот прогноз с тех пор подтвердился: к концу 2025 г. видеоплатформы практически полностью вытеснили Twitter [Kemp 2025]. Тематический анализ подтверждает доминирование мессенджера WhatsApp в фокусе пакистанских исследований: соответствующий узел оказался наиболее весомым во всей системе кодов, что согласуется с особой ролью мессенджеров в повседневной коммуникации и подтверждается внешними данными о той же траектории «от Facebook⁴ к видеоплатформам» в пандемийный период [Hamza et al. 2025].

Эксперты отмечают и гендерную дифференциацию платформенных предпочтений. По словам Азхара Икбала, исследование его студента охватывает «платформы социальных медиа, такие как Instagram⁵ и Snapchat⁶, с фокусом на женскую аудиторию, и Twitter⁷ и Facebook⁸ – на мужскую». Эта дифференциация согласуется с приведёнными выше статистическими данными о гендерном дисбалансе аудитории и показывает, что цифровой разрыв воспроизводится не только в объёме доступа, но и в самих практиках использования платформ.

Отдельного внимания заслуживает отношение к видеоплатформам. Здесь оценки расходятся. Д-р Халид Рашид указывает, что видеосервисы, такие как Netflix⁹ и YouTube¹⁰, представляют для его студентов особый интерес «в связи с их интеграцией в социальную жизнь студентов». Напротив, Наим Уллах Тарик констатирует, что «другие платформы, такие как видеохостинги Netflix¹¹ и YouTube¹², не изучаются», а Имран Салим отмечает, что Netflix¹³ «ещё не стал предметом исследования». Подобные расхождения свидетельствуют о фрагментарности и неустойчивости исследовательского внимания к новым форматам – что само по себе является симптомом отставания.

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁶ Социальная сеть заблокирована в РФ.

⁷ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁸ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁹ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

¹⁰ Социальная сеть запрещена в РФ.

¹¹ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

¹² Социальная сеть запрещена в РФ.

¹³ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

Экспертные оценки: трансформация профессиональной журналистики

Вторая группа оценок относится к воздействию социальных медиа на институт журналистики. Наиболее показательна позиция Наима Уллаха Тарика (NUML), научное руководство которого сосредоточено на «использовании социальных медиа в потреблении новостей и на том, как люди получают новости или информацию через социальные медиа». Этот фокус отражает ключевую тенденцию: социальные медиа становятся первичным каналом доступа к новостям, тесня традиционные вещательные СМИ.

В пакистанском контексте эта тенденция приобретает институциональное измерение. Электронные вещательные СМИ страны регулируются Управлением по регулированию электронных средств массовой информации Пакистана (Pakistan Electronic Media Regulatory Authority, PEMRA), тогда как контент социальных медиа не подпадает под аналогичный редакционно-этический контроль. В терминах теории гейткипинга это означает эрозию традиционных «фильтров» отбора информации: функция контроля доступа, прежде монополизированная редакциями, перераспределяется в пользу платформ и самих пользователей. Децентрализация гейткипинга наиболее выражена в закрытых мессенджерах, таких как WhatsApp¹ – самом весомом узле наших данных, – чья приватная архитектура выводит значительную часть повседневного информационного потока полностью за пределы редакционного контроля PEMRA. Следствием становится, с одной стороны, демократизация публичного высказывания и развитие гражданской журналистики, а с другой – рост рисков распространения недостоверной информации. То, что влияние социальных медиа распространяется теперь и на повестку традиционных СМИ, эмпирически показано в масштабных исследованиях [Cagé et al. 2022]; одновременно та же открытость способствует нормализации враждебных высказываний, что напрямую угрожает качеству хабермасовской публичной сферы [Soral 2020]. Более того, недавнее распространение инструментов генеративного искусственного интеллекта и алгоритмически курируемых лент порождает формы автоматизированного и персонализированного влияния, которые доминирующая теория использования и удовлетворения, созданная для эпохи выбора аудитории между дискретными медиа, не способна адекватно охватить, – что придаёт дополнительный вес обеспокоенности экспертов методологическим отставанием.

Экспертные оценки: теоретические рамки и исследовательский разрыв

Третья – и центральная для нашего анализа – группа оценок касается состояния самого медиаисследовательского поля. Тематический анализ показал, что доминирующей теоретической рамкой пакистанских исследований социальных медиа является теория использования и удовлетворения (англ. *Uses and Gratifications Theory*). На неё прямо указывают Камран Шуджа, Наим Уллах Тарик и д-р Шабир Сарвар. Лишь д-р Навид Икбал перечисляет более широкий набор подходов – установление повестки дня, медиаграмотность, цифровой разрыв и спираль молчания, – что является скорее

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

исключением. Преобладание одной парадигмы при ограниченном обращении к иным подходам эксперты единодушно связывают с отставанием национальной науки.

Это отставание описывается экспертами в характерных выражениях. Камран Шуджа прямо заявляет, что «существует исследовательский разрыв из-за нехватки технологического развития, что отбрасывает нас примерно на 20 лет назад по сравнению с современным миром». Сходную оценку даёт Наим Уллах Тарик: по его словам, «исследования в Пакистане отстают примерно на 10 лет по сравнению с развитыми странами». Причины этого отставания эксперты видят в дефиците ресурсов. Наим Уллах Тарик указывает на «нехватку ресурсов и доступа к современным книгам, учебным материалам и научным статьям», а также на «недостаток надлежащих государственных документов и данных и неадекватность условий для проведения исследований».

Особый акцент делается на языковом барьере. Д-р Шабир Сарвар отмечает, что исследования ограничены «нехваткой ресурсов, включая доступ к современным научным статьям и книгам, и языковым барьером, поскольку многие ресурсы недоступны на урду». Тем самым цифровой разрыв проявляется и как разрыв лингвистический: доступ к мировому научному знанию опосредован владением английским языком, что само по себе является формой структурного неравенства. Это ограничение усугубляется недостаточными возможностями национальной исследовательской инфраструктуры, включая ресурсы Комиссии по высшему образованию (Higher Education Commission, HEC) – органа, который управляет университетской наукой и доступом к научным базам данных в Пакистане.

Наконец, ряд экспертов указывает на институциональные и культурные ограничения исследовательского процесса. Имран Салим критически замечает, что «многие студенты выбирают темы для исследования лишь для того, чтобы получить степень, и не относятся серьёзно к значению своей работы». Это наблюдение следует рассматривать не как суждение об отдельных студентах, а как симптом академической культуры, ориентированной на формальное соответствие требованиям, а не на научный результат, – культуры, обусловленной сжатыми сроками выпускных исследований, на которые указывает и д-р Навид Икбал: студентам «предлагают начинать дипломную работу на последнем курсе», когда в условиях нехватки преподавательских кадров времени на полноценное исследование уже недостаточно. Наиболее оптимистичную позицию занимает Азхар Икбал, полагающий, что «нет различия в исследованиях между Пакистаном и другими частями мира, за исключением различия в условиях [их проведения], которое может либо повысить, либо снизить качество исследования».

Сопоставление трёх групп оценок позволяет сделать обобщающее наблюдение. Трансформация медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа – реальный и многоплановый процесс: он проявляется в платформенном сдвиге медиапотребления, в эрозии редакционного гейткипинга, в становлении новых практик потребления новостей и гражданской журналистики. Однако этот процесс протекает в условиях цифрового разрыва, который, как показывает анализ, является не одноуровневым, а многоуровневым феноменом.

На первом уровне – уровне доступа – разрыв подтверждается статистически: менее половины населения пользуется Интернетом, лишь треть охвачена социальными медиа,

сохраняется глубокий территориальный и гендерный дисбаланс. На втором уровне – уровне навыков и использования – эксперты фиксируют ограниченность и однородность исследовательских и пользовательских практик (доминирование WhatsApp¹, преобладание развлекательного потребления). Но наиболее важный вывод касается особого, обычно не выделяемого в стандартной модели измерения – разрыва на уровне производства научного знания о медиа.

Именно этот «исследовательский разрыв» оказывается сквозной темой экспертных оценок. В рамках концепции «третьего цифрового разрыва» Раньедды [Ragnedda 2017] исследовательский разрыв может быть осмыслен как его институциональное проявление: даже там, где локальные учёные достигают физического подключения (первый уровень) и цифровой исследовательской грамотности (второй уровень), структурные ресурсные дефициты – ограниченное финансирование, исключённость из платных научных баз данных, «премия» английского языка – ограничивают их способность конвертировать цифровой доступ в конкурентоспособный глобальный научный капитал. Отставание на «10–20 лет», дефицит актуальной литературы, нехватка кадров и слабость инфраструктуры данных означают, что цифровое неравенство воспроизводится не только в обществе, но и внутри академического сообщества, изучающего это общество.

Полученные результаты позволяют предположить, что в странах с сохраняющимся цифровым неравенством формируется особый тип зависимости между развитием медиасреды и развитием научного знания о ней. Социальные медиа распространяются значительно быстрее, чем исследовательские инструменты, необходимые для их системного анализа. В результате возникает асимметрия: медиапрактики населения трансформируются под влиянием глобальных платформ практически в режиме реального времени, тогда как национальное академическое сообщество сохраняет ограниченные возможности для их изучения. Это приводит к ситуации, при которой цифровой разрыв воспроизводится не только между различными социальными группами, но и между объектом исследования и способностью науки адекватно его осмысливать. В теоретическом отношении данный вывод расширяет применение концепции цифрового разрыва, позволяя рассматривать его как фактор, влияющий не только на коммуникационные практики, но и на производство научного знания о цифровом обществе.

В этом смысле трансформация медиаландшафта и отставание его научного осмысления оказываются двумя сторонами одного процесса, что согласуется с представлением о «пересборке» медиа как комплексном, неравномерно протекающем явлении [Вартанова 2023].

Ограничения исследования

Следует учитывать ряд ограничений исследования. Во-первых, выборка экспертов носила целенаправленный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Во-вторых, большинство участников представляли университеты крупных городов Пакистана (Лахора и Исламабада), что может ограничивать отражение регионального опыта.

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

В-третьих, результаты основаны на экспертных оценках и требуют дальнейшей проверки с использованием количественных методов и расширенных выборок.

Заключение

Проведённое исследование показало, что трансформация медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа является реальным процессом, который, однако, разворачивается в условиях многоуровневого цифрового разрыва. Оценки семи пакистанских специалистов в области массовой коммуникации позволяют выделить три взаимосвязанных измерения этой трансформации: платформенный сдвиг медиапотребления, эрозию профессионального гейткипинга и изменение практик потребления новостей.

Главный вывод состоит в том, что цифровой разрыв в Пакистане не ограничивается уровнями доступа и навыков, зафиксированными в классической трёхуровневой модели, но распространяется на уровень производства научного знания о медиа. Отставание национальной науки, описываемое экспертами через метафоры «10–20 лет позади», дефицит ресурсов и языковой барьер, свидетельствует о воспроизводстве цифрового неравенства внутри самого исследовательского сообщества. Тем самым подтверждается продуктивность реляционного подхода ван Дейка для анализа медиасистем развивающихся стран.

Полученные результаты могут служить основанием для дальнейшей разработки диссертационного исследования автора, посвящённого трансформации медиаландшафта Пакистана. Перспективным направлением представляется сопоставление экспертных оценок с количественными показателями цифровой среды, а также изучение мер, способных сократить «исследовательский разрыв», – от расширения доступа к научным базам данных до развития академических обменов.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3. С. 8–16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816 EDN: OPIVWJ
2. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включённость: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 EDN: VUHAGN
4. Мартыненко Т. С. Концепция «цифрового разрыва» Я. ван Дейка // Информационное общество. 2018. № 6. С. 4–10. EDN: ZCZMAH
5. Cagé J., Hervé N., Mazoyer B. Social Media Influence Mainstream Media: Evidence from Two Billion Tweets. CEPR Discussion Paper No. 17358. London: CEPR Press, 2022.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 301 p.

7. Hamza A., Yonghong D., Ullah I. Dynamic Shifts in Social Media Usage in Pakistan: A Comparative Analysis Across Pre-, During-, and Post-COVID-19 Periods // *Journalism and Media*. 2025. Vol. 6, no. 2. Art. 59. DOI: 10.3390/journalmedia6020059 EDN: JTWPIX
8. Kemp S. Digital 2026: Pakistan // *DataReportal*. 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-pakistan> (дата обращения: 25.06.2026).
9. Khan A., Rafique I., Nasim A. Social Media and Political Polarization in Pakistan // *Global Digital & Print Media Review*. 2023. Vol. 6, no. 1. DOI: 10.31703/gdpmr.2023(vi-i).19 EDN: QPXTBG
10. Mumtaz T., Karamat K., Iqbal A. A Comparative Study of Traditional and Social Media Consumption Patterns among Youth // *Journal of Media Studies*. 2019. Vol. 30, no. 2.
11. Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. London; New York : Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315606002 EDN: YGYDFZ
12. Shoemaker P. J., Vos T. P. *Gatekeeping Theory*. New York; London : Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9780203931653 EDN: YBQWZX
13. Soral W., Liu J., Bilewicz M. Media of Contempt: Social Media Consumption Predicts Normative Acceptance of Anti-Muslim Hate Speech and Islamoprejudice // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. Vol. 14. P. 1-13.
14. Tilly C. *Durable Inequality*. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.
15. Van Dijk J.A.G.M. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings // *Poetics*. 2006. Vol. 34, no. 4-5. P. 221-235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
16. Van Dijk J.A.G.M. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks : SAGE, 2005. 240 p.
17. Wellman B., Berkowitz S. D. *Social Structures: A Network Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
18. Zhou Li. Navigating Digital Transformation in Pakistan: A Discourse Analysis of the Media Representation of the Digital Pakistan Initiative // *Asian Studies Review*. 2025. Vol. 49, no. 4. P. 798-817. DOI: 10.1080/10357823.2025.2466434

References

1. Vartanova E. L. «Peresborka» media: aktual'nye processy transformacii v usloviyah cifrovizacii [Rebuilding Media: Current Transformation Processes in the Context of Digitalization]. *Medi@l'manah*. 2023, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816 EDN: OPIVWJ (In Russ.).
2. Vartanova E. L., Gladkova A. A. Cifrovoe neravenstvo, cifrovoj kapital, cifrovaya vklyuchyonnost': dinamika teoreticheskikh podhodov i politicheskikh reshenij [Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: The Dynamics of Theoretical Approaches and Policy Decisions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2021, no. 1, pp. 3-29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML (In Russ.).
3. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 108-120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 EDN: VUHAGN (In Russ.).
4. Martynenko T. S. Konceptiya «cifrovogo razryva» Ya. van Dejka [The concept of the "digital divide" by J. van Dijk]. *Informacionnoe obshchestvo* [Information society]. 2018, no. 6, pp. 4-10. EDN: ZCZMAH (In Russ.).

5. Cagé J., Hervé N., Mazoyer B. Social Media Influence Mainstream Media: Evidence from Two Billion Tweets. CEPR Discussion Paper No. 17358. London, CEPR Press, 2022.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989, 301 p.
7. Hamza A., Yonghong D., Ullah I. Dynamic Shifts in Social Media Usage in Pakistan: A Comparative Analysis Across Pre-, During-, and Post-COVID-19 Periods. *Journalism and Media*. 2025, vol. 6, no. 2, art. 59. DOI: 10.3390/journalmedia6020059 EDN: JTWPIX
8. Kemp S. Digital 2026: Pakistan. *DataReportal*. 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-pakistan> (accessed: 25.06.2026).
9. Khan A., Rafique I., Nasim A. Social Media and Political Polarization in Pakistan. *Global Digital & Print Media Review*. 2023, vol. 6, no. 1. DOI: 10.31703/gdpmr.2023(vi-i).19 EDN: QPXTBG
10. Mumtaz T., Karamat K., Iqbal A. A Comparative Study of Traditional and Social Media Consumption Patterns among Youth. *Journal of Media Studies*. 2019, vol. 30, no. 2.
11. Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. London; New York, Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315606002 EDN: YGYDFZ
12. Shoemaker P. J., Vos T. P. Gatekeeping Theory. New York; London, Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9780203931653 EDN: YBQWZX
13. Soral W., Liu J., Bilewicz M. Media of Contempt: Social Media Consumption Predicts Normative Acceptance of Anti-Muslim Hate Speech and Islamoprejudice. *International Journal of Conflict and Violence*. 2020, vol. 14, p. 1-13.
14. Tilly C. Durable Inequality. Berkeley: University of California Press, 1998, 299 p.
15. Van Dijk J.A.G.M. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings. *Poetics*. 2006, vol. 34, no. 4-5, p. 221-235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
16. Van Dijk J.A.G.M. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. Thousand Oaks: SAGE, 2005. 240 p.
17. Wellman B., Berkowitz S. D. Social Structures: A Network Approach. Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
18. Zhou Li. Navigating Digital Transformation in Pakistan: A Discourse Analysis of the Media Representation of the Digital Pakistan Initiative. *Asian Studies Review*. 2025, vol. 49, no. 4, p. 798-817. DOI: 10.1080/10357823.2025.2466434

Информация об авторе

Сайф Улла Тарик Бутт – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Information about the author

Saif Ullah Tariq Butt – Postgraduate Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 22.06.2026 принята к публикации 10.07.2026.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 22.06.2026; accepted for publication 10.07.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 74–86.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 74-86.

Научная статья

УДК 821.161.1(091)

EDN: TAUXRH

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-74-86

<https://elibrary.ru/tauxrh>

«ТВОРЕЦ ЛЮДЕЙ, ГЛАШАТАЙ КНИГ И ВКУСОВ...»: К ВОПРОСУ О РОЛИ А. И. УРУСОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1890-Х ГГ.

Владимир Васильевич Абашев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

vv_abashev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию места и роли известного адвоката и общественного деятеля князя А. И. Урусова в литературном процессе России 1890-х гг. Опираясь на методологические подходы социологии культуры П. Бурдьё, автор анализирует феномен «литературного миссионерства». Урусов рассматривается как ключевой агент и легитиматор, формировавший эстетическую ценность новых художественных имен, текстов и вкусов. В статье в опоре на воспоминания современников анализируется сложная констелляция личностных свойств и диспозиций (габитус) Урусова, определивших его культурное влияние. Автор выделяет его сословный аристократизм, обеспечивавший независимость суждений, глубокий европеизм и свободное владение иностранными языками. Важнейшими инструментами миссионерской деятельности в поле литературы называются его исключительное персуазивное красноречие, отточенное профессиональной адвокатской практикой, и органическая потребность делиться эстетическими открытиями. Особое внимание уделено содержательной стороне эстетизма А. И. Урусова. Демонстрируется его типологическая близость к европейской философии «нового эпикурейства» У. Пейтера, а также его чуткость к урбанистическому «духу современности» Ш. Бодлера. В статье показано существенное влияние князя на рецепцию в России французского символизма, популяризацию творчества Ш. Бодлера и Г. Флобера, а также на становление поэтического дара К. Д. Бальмонта. На основе широкого круга эго-документов и воспоминаний современников автор доказывает, что А. И. Урусов выступил значимым инициатором идей, предопределивших развитие русской модернистской эстетики рубежа веков.

Ключевые слова: А. И. Урусов, поле литературы, габитус, эстетизм, модернизм.

Для цитирования: Абашев В. В. «Творец людей, глашатай книг и вкусов...»: к вопросу о роли А. И. Урусова в литературной жизни России 1890-х гг. // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 74–86. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-74-86>. EDN: TAUXRH

Original article

“A CREATOR OF PEOPLE, A HERALD OF BOOKS AND TASTES...”: ON THE QUESTION OF THE ROLE OF A. I. URUSOV IN THE LITERARY LIFE OF RUSSIA IN THE 1890S

Vladimir V. Abashev

Perm State University, Perm, Russia, vv_abashev@mail.ru

Abstract. The article explores the place and role of Prince A. I. Urusov, a prominent lawyer and public figure, in the Russian literary process of the 1890s. Drawing on the methodological approaches of Pierre Bourdieu’s sociology of culture, the author analyzes the phenomenon of “literary missionary work”. Urusov is viewed as a key agent and legitimator who shaped the aesthetic value of new artistic names, texts, and tastes. Based on the memoirs of his contemporaries, the paper analyzes the complex constellation of Urusov’s personal traits and dispositions (*habitus*) that determined his cultural influence. The author highlights his class-based aristocratism, which ensured independent judgment, as well as his deep Europeanism and fluency in foreign languages. His exceptional persuasive eloquence, refined by his professional legal practice, and an organic need to share aesthetic discoveries are identified as the most crucial instruments of his missionary activity in the literary field. Special attention is paid to the substantive side of A. I. Urusov’s aestheticism. The author demonstrates his typological affinity with Walter Pater’s European philosophy of “New Epicureanism”, as well as his responsiveness to Charles Baudelaire’s urbanistic “spirit of modernity”. The article demonstrates the Prince’s significant influence on the reception of French Symbolism in Russia, the popularization of the works of Ch. Baudelaire and G. Flaubert, and the development of K. D. Balmont’s poetic talent. Drawing upon a wide range of ego-documents and contemporaries’ memoirs, the author proves that A. I. Urusov acted as a significant initiator of ideas that predetermined the development of Russian modernist aesthetics at the turn of the century.

Keywords: A. I. Urusov, literary field, *habitus*, aestheticism, modernism.

For citation: Abashev V. V. “A creator of people, a herald of books and tastes...”: on the Question of the Role of A. I. Urusov in the Literary Life of Russia in the 1890s. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:74-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-74-86>. EDN: TAUXRH

Введение

Оценивая результаты жизни князя Александра Ивановича Урусова в сравнении с теми ожиданиями, которые внушала его всесторонняя одаренность и редкая по интенсивности общественная активность, современники, кто с сожалением, а кто и с оттенком превосходства, считали его едва ли не неудачником. «Обладая блестящими способностями, получив превосходное образование и выработав в себе редкую энергию и трудолюбие, он

всю жизнь сидел на двух стульях: литературе и адвокатуре, и сделал гораздо менее, чем обещал талант ему данный. Он не оставил после себя ни крупного состояния – [а это] все, до чего могут прийти наши талантливые адвокаты, ни серьезного большого труда, а только *начала* в том и другом деле» [Кирпичников 1907: 126]. Таким резюме жизнь А. И. Урусова подытожил его тезка профессор А. И. Кирпичников, однокашник по гимназии, товарищ в студенчестве, близкий знакомец по московской жизни. Есть в его словах оттенок высокомерной снисходительности человека, который в собственной ученой карьере добился всех возможных степеней успеха, завершив ее деканом историко-филологического факультета Московского университета (1899–1902). Свою эпитафию князю А. И. Кирпичников завершил весьма своеобразным выражением сочувствия: «Даже в наше общество любителей словесности, где он был бы чрезвычайно полезен, <...> он попал почти накануне смерти» [Кирпичников 1907: 127]. Как выразительно, заметим, звучит здесь частица «даже», словно участие в «обществе любителей словесности» было бы некой желанной вершиной жизненной участи.

Впрочем, и очень близкие А. И. Урусову люди, такие как Александра Алексеевна Андреева, также сетовали, что его вклад в литературу «особенно в сравнении со страстной его любовью к ней, невелик» [Андреева 1907: 406]. Он так и не собрал задуманные тома заметок о Флобере, не написал серию статей о русских писателях в совершенно новом духе, а именно «без всяких политических, – как делился он замыслом с Т. Л. Щепкиной-Куперник – социальных и педагогических экивоков» [Урусов 1907: 178]. Да, написал он мало. «Получаю отвращение к собственной мысли, как только я ее написал» [там же: 320], – признавался А. И. Урусов К. Д. Бальмонту в чувстве непреодолимой преграды перед листом бумаги, когда пробовал писать о любимом и заветном.

Но является ли единственной мерой вклада в развитие родной словесности выпуск литературного или литературно-критического произведения? Если нет, то вклад Александра Ивановича Урусова в развитие русской литературы, надо признать весьма значимым. Вот тому один из примеров: «Урусов первый подчеркнул мне самому <...> то, что жило во мне, но чего я еще не понимал ясно: любовь к поэзии созвучий, преклонение пред звуковой музыкальностью, которая влекла меня, и которой я в то же время боялся отдаться, под давлением <...> литературных предрассудков, казавшихся мне тогда, как они кажутся еще теперь тысячам, непреложной истиной. Урусов помог моей душе освободиться, помог мне найти самого себя» [Бальмонт 1904: 105, 106]. Одного лишь этого признания К. Д. Бальмонта достаточно, чтобы почтить след А. И. Урусова в истории русской литературы. Разумеется, А. И. Урусова не забыли историки русской юриспруденции. Его вклад в развитие русской адвокатуры и судебного красноречия признается выдающимся, ему посвящают диссертационные исследования [Степанова 2005; Матвеева 2004]. Начиная с 2000-х гг., об А. И. Урусове стали писать историки русской культуры. Высоко оценен его вклад в изучение Бодлера. Тем не менее роль А. И. Урусова в литературном процессе остается и недооцененной по значению, и не определенной по ее существу: кто он в литературе? В солидном двухтомнике ИМЛИ «Русская литература рубежа веков» имя А. И. Урусова

упомянуто лишь однажды и по какой-то иронии судьбы как автора негативной реплики о книге К. Д. Бальмонта «Горящие здания» (1900): мол, «кровожадные гримасы», а не поэзия [Русская литература рубежа веков 2000: 641].

Между тем сам А. И. Урусов свою литературную миссию осознавал глубоко и формулировал ее точно, предвосхищая невольно современные подходы к пониманию истории литературы. В 1896 году, отвечая А. А. Андреевой на упрек, что, мол, мало публикуется, Урусов заметил, что хотя многие журналы и газеты его «усиленно приглашают», он не собирается погружаться в журналистику, дабы не «нарушать принцип разделения труда» (отметим здесь экономический термин!). Его предназначение иное. «Есть люди, – продолжал А. И. Урусов, – истинное призвание которых – мыслить, выдумывать и болтать, развеивая эти мысли на воздух, служа миссионерами художественных и других идей. <...> Сотрудничество таких людей не проходит бесследно. Они являются невидимыми инициаторами многих идей, которыми живут эпохи. <...> Я <...> принадлежу к числу этих бесполезных, но необходимых болтунов и книгонош. Сколько я распространил флюберовских и бодэлеровских томов. Ведь это мне зачтется, в стране, где зачитываются Сенкевичем и Надсоном» [Урусов 1907: 374]. Ироничное, но и горделивое самоопределение. Проницательный М. Волошин, более других из современников оценивший значение А. И. Урусова для русской литературы, в этих его словах услышал «скромное *Exegi monumentum*» [Волошин 1988: 504].

Итак, быть «миссионером художественных идей». На редкость ясное и по существу современное определение собственной роли в литературном процессе. Миссионер распространяет идеи, миссионер проповедует, миссионер обращает современников в новую эстетическую веру. Хотя миссионер обречен быть «невидимым», как не без нотки горечи заметил А. И. Урусов, но он сеет в общественном сознании «идеи, которыми живут эпохи».

Впрочем, люди описанного А. И. Урусовым типа невидимы, если историю литературы понимать только как растущую сумму произведений и смену стилевых парадигм. Однако роль «миссионеров» отчетливо проявится, если расширить горизонт аналитического взгляда и увидеть литературную историю как поле взаимодействий и конкуренции множества институтов и функционально различных агентов. Так, по П. Бурдье, понимаемая история литературы начинает замечать не только «непосредственных изготовителей произведения в его материальности (читай: писателей – А.В.) <...> но также и целый ансамбль агентов и институтов, участвующих в производстве ценности произведения посредством производства веры в ценность искусства вообще и веры в отличительную ценность того или иного шедевра» [Бурдье 2007: 401].

В том и состояла литературная миссия А. И. Урусова, чтобы производить веру в ценность произведений и имен. Поэтому М. Волошин не преувеличил, назвав А. И. Урусова «творцом людей, глашатаем книг и вкусов» [Волошин 1995: 178]. Посредничество между французской и русской культурой, флюберизм, распространение стихов и имени Бодлера и подготовка тем самым его более позднего культа, открытие К. Д. Бальмонта и апологетика его поэзии, отстаивание радикальной независимости литературы и искусства от

общественно-критических, педагогических и других утилитарных целей, проповедь эстетизма и принципов эстетической критики, культ слова как такового, – вот его вклад в литературный процесс. Его можно подытожить выводом, что А. И. Урусов оказал существенное влияние на становление эстетики модернизма в русской литературе 1890-х гг.

Основная часть

Основные направления миссионерской деятельности князя Урусова в той или иной степени известны и, начиная с 2000-х гг., изучаются [Куприяновский 2001; Сапожков 2008; Зусман, Сапожков 2017]. Поэтому мы остановимся не на содержании и результатах проповеднической деятельности А. И. Урусова, а на типе личности литературного миссионера и на самом основании его литературно-эстетического влияния. Наш вопрос: что позволяло А. И. Урусову производить веру в ценность имен и произведений? На основании опубликованных писем и воспоминаний об А. И. Урусове попробуем представить ту констелляцию природных и воспитанных профессией свойств (габитус), которые определили его предрасположенность (диспозицию) к роли успешного миссионера художественных идей.

Анализируя основания успеха «миссионерской» деятельности А. И. Урусова в поле литературы, начинать нужно почти по-марксистски с его социальных корней. Принадлежность к высшему сословию изначально наделила А. И. Урусова тем, что П. Бурдье назвал «квинтэссенцией раннего развития» – системой «преимуществ, которые дает раннее освоение легитимной культуры в получении культурных навыков, будь то манеры за столом или искусство беседы, музыкальная культура или чувство такта» [Bourdieu 1984: 70].

О том, что А. И. Урусов указанную систему преимуществ получил сполна свидетельствуют воспоминания его однокашников по 1-й Московской гимназии А. И. Кирпичникова и Е. А. Пушкина. Первое появление А. И. Урусова в здании на Волхонке им запомнилось навсегда – он резко выделился из общего фона. Даже нарядом. Юный Урусов, пока ему не пошили общую гимназическую форму, являлся в классы в шитом золотом мундире пажа. Но «блистал и ослеплял» [Пушкин 1907: 91] однокашников новичок не только золотыми галунами мундира: «с первого же раза появление Александра Ивановича обратило на себя всеобщее внимание, и начальства, и товарищей; он держал себя необыкновенно свободно и много говорил во время рекреационных сборов, так что вокруг него всегда была толпа слушателей» [Пушкин 1987: 89]. Е. А. Пушкину вторит будущий декан историко-филологического факультета А. И. Кирпичников: А. И. Урусов «настолько был развитее и начитаннее нас и так держал себя с нами, что все мы говорили ему Вы» [Кирпичников 1907: 118].

«Толпа слушателей» – чем не наглядное подтверждение эффекта ранней взрослости, о котором как о производном от аристократического статуса писал Бурдье. В случае А. И. Урусова «воплощенный (embodied) культурный капитал предшествующих поколений функционировал как своего рода аванс <...> который, с самого начала давая пример

культуры, воплощенной в привычных моделях, позволяет новоприбывшему начать усваивать основы легитимной культуры с самых истоков, то есть бессознательным и неощутимым образом», что избавляло его от труда доучиваться, добирать по крохам полученное изначально, по рождению [Bourdieu 1984: 71]. Этим наследственным культурным капиталом можно распорядится, конечно, по-разному. Что касается А. И. Урусова, то аванс, полученный им как отпрыском аристократического рода, он сполна и многократно оправдал дальнейшим образованием и деятельностью.

Какие именно исходные диспозиции сыграли в дальнейшем роль, способствующую успеху в литературном поле? Аристократизм обеспечивал А. И. Урусову позицию символического равенства с любыми авторитетами литературного поля, избавляя от необходимости бороться за признание, столь свойственной разночинной интеллигенции того времени. Этот габитус проявлялся в специфической светскости поведения, ее отмечали все, и в культуре *causerie* – искусстве легкой, непринужденной беседы, где глубокие эстетические идеи транслировались не дидактически, а через интеллектуальное гурманство. Преимущества первоначального домашнего образования и свободное владение французским и немецким языками сформировали транснациональный культурный капитал А. И. Урусова, сделав европейский мир его органической средой обитания. Как выразился его многолетний помощник по адвокатуре О. Б. Гольдовский, А. И. Урусову был свойственен «непоколебимый в плоть и кровь воспринятый европеизм» [Гольдовский 1907: 245].

Его отношение к культуре, корнящееся в исходном габитусе, можно охарактеризовать метафорой, подсказанной воспоминаниями К. Д. Бальмонта о самой первой встрече и знакомстве: А. И. Урусов «вошел в комнату, как входят в свой собственный дом или к старому другу», сразу вызвав «доверие и какую-то особенную спокойную радость» [Бальмонт 1904: 105]. Быть в культуре как дома – такой тип самоощущения был ему свойственен органически. Таким образом, литературное миссионерство не было «работой» в узком смысле, оно было естественным проявлением его сословной диспозиции, позволявшей ему выступать независимым арбитром и легитимировать новые художественные явления самим фактом своего внимания к ним.

Этот род мягкой власти, которую приобрел А. И. Урусов в литературном поле поддерживался его успехом на поприще адвокатской деятельности. Уже в начале карьеры он приобрел всероссийскую известность и славу, получив то, что П. Бурдьё называл «капиталом известности». Слава адвоката эпохи судебных реформ в условиях России фундировала приобретенную А. И. Урусовым «власть освящать как предметы <...>. так и личности <...>, а, следовательно, – придавать им ценность» [Бурдьё 2007: 179]. Ведь миссионер художественных идей открывает новое «тем успешнее, чем больше он сам признан» [Бурдьё 2007: 181].

В конstellации предрасположенностей, обеспечившей успешность А. И. Урусова и ставшей главным инструментом его влияния была речь. Все, кому довелось знать А. И. Урусова, были единодушны в признании его поражавшего собеседников и слушателей умения и очаровывать, и убеждать. Красноречие было природным дарованием, отточенным домашним воспитанием, образованием, а впоследствии профессиональной деятельностью адвоката.

Е. А. Пушкин, близкий Урусову по судебным делам, называл его красноречие «непобедимым» [Пушкин 1907: 98]. «Художественным произведением изящной словесности считала беседы А. И. Урусова» одна из самых близких ему конфидентов А. А. Андреева. «Художник живого слова, – писала она, – [Урусов] обладал и теми дарованиями, которые красноречию дают особенную силу: острый ум, память, находчивость, воображение, широта и разносторонность образования, подвижность и отзывчивость природы, живой и пылкий темперамент при внешних средствах: богатстве, гибкости голоса и привлекательности наружности – все придавало его слову и внешний блеск, и силу внутреннего содержания» [Андреева 1907: 406, 407].

Как можно судить, обобщая воспоминания современников, в речи Урусова персуазивность рациональной логики и аргументации поддерживалась суггестивностью, искусством внушать. Писателю и коллеге А. И. Урусова по адвокатуре К. К. Арсеньеву как-то пришлось послушать выступление князя о чеховской «Чайке». Заметим, кстати, что А. И. Урусов одним из первых оценил драматургический талант А. П. Чехова и стал апологетом его творчества. «Мне стало казаться, – вспоминал К. Арсеньев, слушавший А. И. Урусова – что я сам видел «Чайку» и пережил возбуждаемые ею впечатления. Это был настоящий триумф живого слова, покоряющего своим одушевлением и силой» [Арсеньев 1907: 239].

С даром «природного и культивированного профессией красноречия» [Андреева 1907: 413] соединялась редкая общительность А. И. Урусова – его миссионерская потребность делиться знаниями, впечатлениями, открытиями, наблюдениями: «он всегда чем-нибудь увлекался, с кем-нибудь носился» [Щепкина-Куперник 1907: 164]. «Голова Урусова, – не без иронии замечал один из его знакомцев, – со свещем: в ней не может ничего остаться из того, что он когда-нибудь прочел, в тот же вечер он должен это передать кому-бы то ни было» [Пушкин 1907: 98]. Эти два качества формировали эффективную коммуникабельность А. И. Урусова, что и составляло, скажем так, техническую основу его миссионерской роли в культуре.

Специфически содержательную ее сторону составлял эстетизм и определенные им культурные приоритеты. «Он был человек, – как заключила Т. Л. Щепкина-Куперник, – необычайно умевший интересоваться жизнью во всех ее проявлениях <...> Но все у него проходило сквозь призму эстетического мировоззрения» [Щепкина-Куперник 2005: 52]. Сестра Урусова Е. И. фон Капгер еще усиливает этот акцент, говоря, что брату было свойственно «сладоострастное наслаждение красотой» во всех проявлениях жизни [Капгер 1907: 130], – чувственное, гутирующее отношение к жизни, и к слову. Слово он буквально смаковал. Особенно характерный пример гутирующего отношения А. И. Урусова к слову привел С. А. Андреевский. Речь шла о стихотворении мемуариста «Май». «Урусов, – вспоминал автор, – находил необыкновенную прелесть в строке «Плодотворение, истома, поцелуй...». Он видел в этих словах особенную музыку, какую-то пленительную для него волну звуков, образуемую одним только сочетанием этих трех слов подряд, сообразно их длине и распределению гласных. Он многим повторял этот стих с расстановкою: «Плодотворение... истома... поцелуй...» [Андреевский 2005: 236]. Примеров подобного переживания слова много в его письмах к К. Д. Бальмонту.

Говоря об эстетизме А. И. Урусова, мы имеем в виду не только свойственное ему личное гедонистическое восприятие искусства и жизни, но и культурно-историческое определение типа его личности и миссии. В литературном поле России 1890-х гг. А. И. Урусов стал воплощением и носителем эстетизма как художественно-философского общеевропейского движения, в том варианте, в котором его проповедовал У. Пейтер. Речь идет, конечно, не о прямом влиянии, а о естественной типологической близости. Писательница и хозяйка известного московского литературного салона Рашель Мироновна Хин, хорошо знавшая А. И. Урусова, назвала его эпикурейцем. Конечно, она не думала при этом об У. Пейтере, но невольно отослала к его философии жизни, требовавшей *«жадного, сосредоточенного, страстного проживания опыта»* [Pater 1910: 148]. А. И. Урусова всей своей жизнью осуществил тип нового эпикурейца, о котором писал британский писатель и искусствовед. Как писала Маргарита Волошинова-Сабашникова, «он умел придать стиль своей жизни, которой <...> наслаждался во всех отношениях» [Волошинова-Сабашникова 1993: 60]. А. И. Урусову было в высшей степени свойственно то интеллектуально эстетическое и чувственное, но этически нормированное, гутирование мгновений жизни, переживание их полноты, тот культ искусства, о котором писал Уолтер Пейтер, утверждая, что «конечная цель не есть плод опыта, но самый опыт», что единственная мера «успеха в жизни» – «всегда сохранять в себе трепет экстаза» [Патер 2006: 276]. Организующим центром этого стиля жизни было искусство – «наш единственный шанс, – как проповедовал Пейтер, – расширить отпущенный нам промежуток времени, пережить в нем как можно больше биений пульса», «ибо искусство приходит к нам с <...> намерением наполнить совершенством мгновения нашей жизни и просто ради самих этих мгновений» [Патер 2006: 278]. Можно ли или нельзя говорить о влиянии Уолтера Патера, но типологически А. И. Урусов принадлежал к движению эстетизма в формировании, которого своим романом «Мариус эпикуреец» У. Патер сыграл весомую роль – жить в каждом моменте максимально полно.

Развивая понимание культурно-исторического типа, явленного в князе А. И. Урусове, необходимо акцентировать еще один его аспект – связь с современностью. 1843 года рождения поколенчески А. И. Урусов был человеком 1860-х гг. На годы отмены крепостного права и великих реформ пришлась его юность, профессиональное становление как адвоката и пик всероссийской славы. А. И. Урусов был двадцатилетием старше «старших» символистов. Но парадокс отношений этого человека со временем состоял в том, что он не застрял в своем поколении. «Он слишком живо, – писала А. А. Андреева, – чувствовал настоящее, чтобы отдаваться прошлому, слишком ценил все новое, живое, что получал извне, чтобы надолго уходить в себя и в свои воспоминания» [Андреева 1907: 410]. В этой связи характерна реакция Урусова на «гнусную» – именно так! – статью В. С. Соловьева «Судьба Пушкина» (1897), где философ подверг жесткой критике интерпретацию личности и творчества Пушкина в книге Д. С. Мережковского «Вечные спутники» (1896). «Вот пункт, – негодовал Урусов, – на котором обнаруживается весь радикальный, непримиримейший разрыв между людьми 60-х годов и 90-х». Всей душой Урусов с модернистами, людьми

1890-х: «Я написал негодующее письмо Мережковскому, которому сочувствую» [Урусов 1907: 379]. С тем же воодушевлением А. И. Урусов поддержал поход А. Волынского против традиционной литературной критики на страницах «Северного вестника»: «Я читал Волынского не без удовольствия, потому что разделяю (или вернее сказать сам давно говорил), что русская критика с Белинским во главе – есть слабейшая отрасль русской литературы, что престиж ее основан на мистификации одних невежд другими таковыми же. Вообще поклонение Белинскому, Добролюбову есть характерный признак убожества нашего литературного образования и педагогического шарлатанства. Волынский дерзнул прикоснуться к кумирам. Это его слава» [Урусов 1907: 363]. Иными словами, эстетически и идейно А. И. Урусов свою современность нашел в 1890-х. С. В. Сапожков определил его культурно-исторический тип как человека предмодернизма, то есть человека 1890-х гг.

Расширяя это определение, попробуем увидеть А. И. Урусова сквозь призму понятия современности в той ее трактовке, которую предложил Шарль Бодлер в известном эссе. А. И. Урусов был человеком урбанистического склада. Как «я люблю большие города, – писал он Т. Л. Щепкиной-Куперник из Лондона, – в них кипит жизнь, как в котле. Люблю я толпу, вереницы кэбов, резкое сияние электрических фонарей; шум и говор ресторанов, взрывы смеха в накаленной температуре театра. Ото всех этих жизней, охваченных лихорадочною борьбою за существование, идут какие-то нервные токи <...> Вся атмосфера, с легким запахом газа и асфальта, каменного угля и мокрой листвы, вся проникнутая звоном, грохотом и шумом – все это жизнь города <...> сложная и захватывающая» [Урусов 1907: 171]. Такое переживание большого города почти буквально отсылает нас к бодлеровскому эссе, к «Человеку толпы» Эдгара По, другого кумира А. И. Урусова, и по спектру ощущений и образности предвосхищает урбанистическую поэзию символистов.

Как бодлеровский «художник современности» Урусов, жадно впитывая поток впечатлений, преследовал, используя слова Бодлера, цель «более значительную, чем быстротечное удовольствие минутного впечатления». В текущем он видел то, что французский поэт назвал «духом современности», то есть «стремился выделить в изменчивом лике повседневности скрытую в нем поэзию, старался извлечь из преходящего элементы вечного» [Бодлер 1986: 291,292].

Но восприимчивость А. И. Урусова к духу современности все же имела пределы. Свою границу она нашла в эволюции его любимого русского поэта. К. Д. Бальмонта А. И. Урусов считал не только лучшим поэтом современности, но видел в нем того из «рыцарей духа, трудом которых создается высшая культура страны». Но поэт менялся непредсказуемо. Всецело принимая «серебристо-туманный колорит» [Урусов 1907: 57] стихов К. Д. Бальмонта первых трех книг с их импрессионистической поэтикой, А. И. Урусов не принял радикальный поворот поэта к новой эстетике в конце 1890-х гг. Книга «Горящие здания» Урусова неприятно шокировала. «*Mania grandiosa*, кровожадные гримасы <...> Его «*faculte-maitresse*» искусство оттенков заменило какое-то гоготание» [Урусов 1907: 384].

Заключение

Эти строки из письма А. А. Андреевой были написаны в июне 1900 года. В июле А. И. Урусов умер. Но его уход – о чем единодушно вспоминали близкие ему люди – был ознаменован торжеством его эпикурейской философии жизни. «Победа над телесной немощью, – писала Р. М. Хин, – удел редких избранных. Таким оказался эпикуреец Урусов. Он жил как человек, которому ничто человеческое не было чуждо, и умирал как мудрец. В этой последней мучительной борьбе он обратился за помощью к верной, испытанной подруге всей своей жизни – к книге. Прикованный к постели, глухой, лишенный живого обмена мыслей, этот неизменно изящный *lettre* находил забвение жестокого недуга в волнениях невидимых, но бессмертных созданий, радости и слезы которых в утешение и поучение миру запечатлели поэты. Любовь к искусству помогла Урусову сохранить до конца интерес к «зрелищу жизни»» [Хин 1907: 273].

Список литературы

1. Андреева А. А. Князь А. И. Урусов (к характеристике литератора и человека) // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 405–487.
2. Андреевский С. А. Книга о смерти. М. : Наука, 2005. 670 с. ISBN: 5-02-010217-2 EDN: QOZVKX
3. Арсеньев К. Воспоминания о князе Александре Ивановиче Урусове // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 236–239.
4. Бальмонт К. Д. А. И. Урусов (Страница любви и памяти) // Горные вершины. М. : Книгоиздательство «Гриф», 1904. С. 102–107.
5. Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Бодлер Шарль. Об искусстве. М. : Искусство, 1986. С. 283–315.
6. Бурдые П. Поле литературы // Бурдые П. Социальное пространство. Поля и практики. СПб. : Алетей, 2007. С. 365–472.
7. Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб. : Наука, 1995. 739 с. ISBN: 5-265-02809-9 EDN: YSLTYV
8. Волошин М. Князь А. И. Урусов // Лики творчества. Л. : Наука, 1988. С. 504–508.
9. Волошинова-Сабашникова М. В. Зеленая змея. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 342 с.
10. Гольдовский О. Князь А. И. Урусов как патрон // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 243–261.
11. Зусман В., Сапожков С. Князь А. И. Урусов о Бодлере: по материалам французской символистской периодики 1890-х гг. // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения. М. : НЛЮ, 2017. С. 346–362.
12. Капгер Е. И. Мой брат // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 128–130.

13. Кирпичников А. И. Князь А. И. Урусов // Урусов А.И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И.Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С.117–127.
14. Куприяновский П. В. Константин Бальмонт и князь А. И. Урусов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. № 1. Т. 60. С. 57–61.
15. Матвеева Т. В. Становление и развитие русского судебного красноречия (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис.... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 22 с.
16. Патер У. Ренессанс. Очерки искусства и поэзии. М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 352 с.
17. Пушкин Е. А. Воспоминания о князе А. И. Урусове // Урусов А.И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И.Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С.89–116.
18. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Кн.1.960 с.
19. Сапожков, С. В. Князь Александр Иванович Урусов – человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008 № 5. С. 268–314. EDN: JULEUZ
20. Степанова А. В. А. И. Урусов – юрист и судебный оратор : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 23 с. EDN: NIESCJ
21. Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3.
22. Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М. : Захаров, 2005. 528 с.
23. Хин Р. М. Памяти князя А. И. Урусова // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 262–275.
24. Pater, W. Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas. Vol. I. London : Macmillan and Co., 1910. 243 p.
25. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University Press; Cambridge, Massachusetts. 1984. 682 p.

References

1. Andreeva A. A. Knyaz' A. I. Urusov (k harakteristike literatora i cheloveka) [Prince A. I. Urusov (on the characterization of the writer and the person)]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K, 1907, vol. 2,3, pp. 405-487. (In Russ.).
2. Andreevskij S. A. Kniga o smerti [A Book About Death]. Moscow, Nauka, 2005, 670 p. ISBN: 5-02-010217-2 EDN: QOZVKX (In Russ.).
3. Arsen'ev K. Vospominaniya o knyaze Aleksandre Ivanoviche Urusove [Memories of Prince Alexander Ivanovich Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K, 1907, vol. 2,3, pp. 236-239. (In Russ.).

4. Bal'mont K. D. A. I. Urusov (Stranica lyubvi i pamyati) [A. I. Urusov (Page of Love and Memory)]. *Gornye vershiny* [Mountain peaks]. Moscow, Knigoizdatel'stvo «Grif», 1904, pp.102-107. (In Russ.).
5. Bodler Sh. Poeht sovremennoj zhizni [Poet of modern life]. *Bodler Sharl'. Ob iskusstve* [Charles Baudelaire. On Art]. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 283-315. (In Russ.).
6. Burd'e P. Pole literatury [Field of Literature]. *Social'noe prostranstvo. Polya i praktiki* [Social Space. Fields and Practices]. Saint Petersburg, Aletejya, 2007, pp. 365-472. (In Russ.).
7. Voloshin M. Stihotvoreniya i poehmy [Poems and poems]. Saint Petersburg, Nauka, 1995, 739 p. ISBN: 5-265-02809-9 EDN: YSLTYV (In Russ.).
8. Voloshin M. Knyaz' A. I. Urusov [Prince A. I. Urusov]. *Liki tvorchestva* [Faces of Creativity]. Leningrad, Nauka, 1988, pp.504-508. (In Russ.).
9. Voloshinova-Sabashnikova M. V. Zelenaya zmeya [Green snake]. Saint Petersburg, Andreev i synov'ya, 1993, 342 c. (In Russ.).
10. Gol'dovskij O. Knyaz' A. I. Urusov kak patron [Prince A. I. Urusov as a patron]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp.243-261. (In Russ.).
11. Zusman V., Sapozhkov S. Knyaz' A. I. Urusov o Bodlere: po materialam francuzskoj simvolistskoj periodiki 1890-h gg. [Prince A. I. Urusov on Baudelaire: based on materials from the French symbolist periodicals of the 1890s.]. *Blesk i nishcheta nacional'nogo geniya* [The Splendor and Misery of National Genius]. Moscow, NLO, 2017, pp. 346-362. (In Russ.).
12. Kapger E. I. Moj brat [My brother]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp. 128-130. (In Russ.).
13. Kirpichnikov A. I. Knyaz' A. I. Urusov [Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I.N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp.117-127. (In Russ.).
14. Kupriyanovskij P. V. Konstantin Bal'mont i knyaz' A. I. Urusov [Konstantin Balmont and Prince A. I. Urusov]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Izvestia RAS. Literature and Language Series]. 2001, no. 1, vol. 60, pp. 57-61. (In Russ.).
15. Matveeva T. V. Stanovlenie i razvitie russkogo sudebnogo krasnorechiya (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Formation and development of Russian judicial eloquence (second half of the 19th - early 20th centuries)]. PhD dissertation abstract. Ivanovo, 2004, 22 p. (In Russ.).
16. Pater U. Renessans. Ocherki iskusstva i poehzii [Renaissance: Essays on Art and Poetry]. Moscow, Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2006, 352 p. (In Russ.).
17. Pushkin E. A. Vospominaniya o knyaze A. I. Urusove [Memories of Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I.N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2,3, pp. 89-116. (In Russ.).

18. Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e - nachalo 1920-h godov) [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s)]. Moscow, IMLI RAN, «Nasledie», 2000, part1, 960 p. (In Russ.).
19. Sapozhkov, S. V. Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov - chelovek ehpoi predmodernizma [Prince Alexander Ivanovich Urusov - a man of the pre-modern era]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2008, no. 5, pp. 268-314. EDN: JULEUZ (In Russ.).
20. Stepanova A. V. A. I. Urusov - yurist i sudebnyj orator [Urusov is a lawyer and court orator.]. PhD dissertation abstract. Saratov, 2005, 23 p. EDN: NIESCJ (In Russ.).
21. Urusov A. I. Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K., 1907, vol. 2, 3. (In Russ.).
22. Shchepkina-Kupernik T. L. Dni moej zhizni [Days of My Life]. Moscow, Zaharov, 2005, 528 p. (In Russ.).
23. Hin R. M. Pamyati knyazya A. I. Urusova [In memory of Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K., 1907, vol. 2, 3, pp. 262-275. (In Russ.).
24. Pater, W. Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas. Vol. I. London, Macmillan and Co., 1910, 243 p.
25. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University Press; Cambridge, Massachusetts, 1984, 682 p.

Информация об авторе

В. В. Абашев – доктор филологических наук, профессор,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

V. V. Abashev – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Journalism and Media
Communications, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026 принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 87–96.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 87-96.

Научная статья

УДК 821.111-31(73)

EDN: TJLBII

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-87-96

<https://elibrary.ru/tjlbii>

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ «THE CROW» ДЖ. О'БАРРА

Анастасия Петровна Чагина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, liolio@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается серия комиксов «Ворон» американского художника-комиксиста Дж. О'Барра, которая позднее была объединена в графический роман. Цель исследования заключалась в том, чтобы рассмотреть главного героя романа через призму романтизма и характерных для этого направления черт героя, среди которых: исключительность, бунт, одиночество, оторванность от социума, противопоставление обыденного и фантастического, борьба добра и зла и др.; и таким образом определить, как переосмысляется романтический герой в современной литературе, в частности в графическом романе. Сделан вывод, что главный герой графического романа «Ворон», воплощает в себе многие свойственные для романтического героя черты, которые сочетаются с чертами романтического злодея. Показана центральная роль ночи, как символа смерти и двери в фантастическое, что также продолжает идеи романтизма; музыки и живописи как средств, способных выразить то, что не доступно языку; значение образа ворона как проводника между жизнью и смертью. Обозначенные факторы и ряд параллелей с творчеством именитых романтиков позволили заключить, что в романе «Ворон» развивается и переосмыляется романтическая традиция, а главный герой может рассматриваться как романтический антигерой, поскольку в полной мере не является ни романтическим героем, ни романтическим злодеем.

Ключевые слова: романтизм, романтический герой, комикс, графический роман, антигерой.

Для цитирования: Чагина А. П. Переосмысление романтического героя в графическом романе «The crow» Дж. О'Барра // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 87–96. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-87-96>. EDN: TJLBII

Original article

REINTERPRITATION OF THE ROMANIC HERO IN THE GRAPHIC NOVEL “THE CROW” BY JAMES O'BARR

Anastasia P. Chagina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, liolio@list.ru

Abstract. The article examines the comic book series “The Crow” by the American comics artist J. O’Barr, which was later compiled into a graphic novel. The aim of the study was to analyze the protagonist of the novel through the lens of Romanticism and the characteristic features of the Romantic hero, including exceptionality, rebellion, loneliness, alienation from society, the opposition of the mundane and the fantastic, the struggle between good and evil, among others, and thus to determine how the Romantic hero is reinterpreted in contemporary literature, particularly in the graphic novel. It is concluded that the protagonist of the graphic novel “The Crow” embodies many traits of the Romantic hero, which are combined with those of the Romantic villain. The central role of night as a symbol of death and a gateway to the fantastic, which also continues the ideas of Romanticism, is demonstrated, along with the role of music and painting as means capable of expressing what is inaccessible to language, and the significance of the image of the crow as a mediator between life and death. The factors identified, together with a number of parallels with the works of canonical Romantic authors, lead to the conclusion that “The Crow” develops and reinterprets the Romantic tradition, and that its protagonist can be regarded as a Romantic antihero, since he is neither fully a Romantic hero nor entirely a Romantic villain.

Key words: romanticism, romantic hero, comic book, graphic novel, antihero.

For citation: Chagina A. P. Reinterpretation of the Romanic Hero in the Graphic Novel “The Crow” by James O’Barr. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:87-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-87-96>. EDN: TJLBII

Введение

Романтизм является одним из значимых, переломных этапов развития западной философской мысли и культуры, в частности – литературы. Переосмысление традиции, поиск индивидуального и универсального, признание самоценности человеческой личности приводят к появлению не только нового «индивидуально-творческого типа» художественного сознания [Аверинцев и др. 1994: 4], актуального по сей день, но и нового героя – не «образа-характера, а образа-личности» [Тамарченко 2004: 237], в том числе – личности самого автора, который сближается с героем, воплощается в нём. Романтизм таким образом вырывается за рамки литературного и культурного направления, становится определённым способом «мировосприятия и бытия человека», благодаря чему его влияние сохраняется до наших дней [Васинева 2013: 43], чем обусловлена актуальность настоящего исследования, цель которого – рассмотреть, как романтический герой осмысливается в современной литературе, органично вплетаясь даже в такой новый, неконвенциональный жанр, как графический роман.

Несмотря на комплексность и неоднородность романтизма как литературного направления, что затрудняет его определение (см. об этом [Сердечная 2020]), и борьбу романтиков за индивидуальность [Рэнд 2011: 106], можно обозначить ряд черт, которые, при всём разнообразии их сочетаний, позволяют говорить об определённом типе романтического героя. К ним можно отнести исключительность героя и обстоятельств, в которых он

оказался; двоемирие; столкновение обыденного с фантастическим; разлад с действительностью и отчуждение героя от общества, что приводит его к одиночеству; индивидуализм и бунт; поиск и осмысление вечных идеалов; противопоставление Добра и Зла; силы природы, олицетворяющие изменчивость мироздания и пр. Именно на эти характеристики мы будем опираться при анализе материала настоящего исследования – серии комиксов Дж. О’Барра «Ворон» (*The Crow*), которая была впервые опубликована в 1989 г. и объединена затем в единый графический роман.

Основная часть

Графический роман «Ворон» стал уникальным явлением массовой культуры, разительно отличаясь от других супергеройских комиксов, и получил всемирную известность, в том числе благодаря одноимённой экранизации 1994 г., которая навсегда связала образ главного героя с Бренденом Ли, трагически погибшим на съёмочной площадке. Мрачная атмосфера греховного города, подкреплённая чёрно-белой палитрой, отражала настроения безысходности, витавшие в обществе, что также обеспечило комиксу популярность среди молодёжи.

Принято считать, что «Ворон» – это история мести. Однако в действительности это история любви, преодолевающей смерть. Подобно тому, как герои романтиков воплощали стремления и искания самих поэтов (вспомним, например, бунтующих героев Дж. Г. Байрона), за образом Эрика Дрейвена также скрывался сам автор. Для Дж. О’Барра создание «Ворона» было попыткой преодолеть горе и пережить потерю возлюбленной, которая погибла в автокатастрофе: “James wrote a love letter called *The Crow*. The most beautiful love letter I have ever read... <...> And a real place to recover something that was lost” [Bergin 1993]. Центральная идея вневременной любви, вырывающейся за рамки жизни и смерти, подчёркивается и в самом романе. Так, Дж. О’Барр цитирует сонет 43 авторства Э. Барретт Браунинг “*How Do I Love Thee?*” (1850), последняя строка которого – *I shall but love thee better after death* – отражает глубину чувств Эрика, вскрывает мотивацию его поступков и объясняет его возвращение из загробного мира в мир живых. Иначе говоря, «Ворон» представляет собой признание в любви, написанное кровью; это тернистый путь героя, а вместе с ним и автора, к обретению погибшей возлюбленной – мотив, характерный для эпохи романтизма. Так, уже сам сюжет, к которому обращается Дж. О’Барр, по сути своей романтичен, хотя и перенесён в современные автору реалии. Рассмотрим подробнее, как и какие черты романтического героя переосмысляются в комиксе.

Исключительность и бунт

Подобно большинству романтических героев, Эрик Дрейвен является исключительным героем в исключительных обстоятельствах: погибнув после нападения преступников, он возвращается год спустя, чтобы отомстить за убийство любимой. Горе Эрика и сила его любви не позволяют ему обрести покой, пока не свершится месть. Несправедливость, с которой столкнулся Эрик, приводит его к восстанию не только против мучителей и убийц

Шелли, но и против миропорядка, против самого Бога. При этом он не утратил веру в Бога, но разочаровался в нём: «God, you bastard, how could you do that to her? How could you make something so soft and innocent and beautiful and then destroy it?» [O'Barr 1994: эл. ресурс]. Непонимание и отрицание божественного замысла заставляет Эрика отказаться от концепции всепрощения и милосердия: «May God grant you the mercy that I cannot» [O'Barr 1994].

Эрик, как и романтические герои Дж. Г. Байрона и П. Б. Шелли, является активным деятелем, вторгается в мир, преобразуя его. Бунт Эрика выражается в том числе и в его манере общения: дерзкой, язвительной, часто ироничной. Бесстрашность и безразличие к собственной судьбе в сочетании с чёрным юмором показывают душевный слом героя, глубокую боль, с которой он вынужден существовать.

Необходимо заметить, что образ Эрика перекликается не только с романтиками, но и с героями других литературных течений и направлений. Так, Эрик во многом близок по духу героям А. Рембо, что, вероятно, объясняется интересами и вкусами самого Дж. О'Барра, поскольку он цитирует в романе два стихотворения этого французского поэта: «Вульгарный ноктюрн» и «Being Beauteous» из сборника «Озарения» (Illuminations, 1872). Как и лирические герои А. Рембо, Эрик «активный деятель, вмешивающийся в действительность, вторгающийся, вклинивающийся в неё, дифференцирующий в ней положительное и отрицательное, добро и зло» [Обломиевский 1973: 196]. Истоки такого типа героя лежат именно в романтизме, поскольку убеждённость в способности человека к волевому акту является одной из основ романтического мировоззрения [Рэнд 2011: 100].

Обратим внимание, что с темой бунта неразрывно связан и образ романтического злодея, который не только и не столько противопоставлен герою, но во многом отражает тёмные стороны его личности, иначе говоря, романтический герой постепенно раздваивается на «идеального и демонического» [Бондарев 2016: 179]. Эрик, безусловно, наделён чертами романтического злодея: он восстаёт против Бога, вершит самосуд, обладает сверхъестественной силой, является жертвой обстоятельств и судьбы. Вместе с тем Эрик харизматичен, он привлекает к себе внимание читателя, вызывает интерес. Двойственность героя подчёркивается в его описании в самом начале романа: «Tonight, hell sends an angel» [O'Barr 1994]. Пускай его цели благородны, но средства их достижения – нет. Вместе с тем, сам Эрик также осознаёт своё пограничное состояние: «I've allies in heaven, Jack, I've comrades in hell...» [O'Barr 1994]. Таким образом, Эрик сочетает черты и романтического героя, и романтического злодея, становится своего рода романтическим антигероем – популярный архетип не только в комиксах, но и в литературе и кинематографе последних десятилетий.

Двоемирие

Романтическое раздвоение мира часто связывают с «драматическим противостоянием реального и идеального», которое выливается в выбор «между волей к жизни и волей к смерти» [Бондарев 2016: 178]. В «Вороне» мир раздваивается на посюсторонний – мрачный,

преступный и грязный, – в котором Эрик вершит свою месть, и потусторонний – мир, из которого он был вырван и где его ожидает Шелли. Цель Эрика состоит не только и не столько в том, чтобы отомстить за ужасную, полную страданий смерть любимой и восстановить справедливость, но освободиться от этого груза, чтобы обрести покой и встретиться с Шелли. Это обуславливает, с одной стороны, волю героя к жизни (его возвращение из загробного мира), с другой – стремление к смерти, то есть к возвращению в мир загробный. Здесь же происходит соприкосновение реального с фантастическим, при этом сам Эрик, не способный умереть и не боящийся смерти, как и сопровождающий его ворон, является частью фантастического, противопоставляется миру обыденного.

Кроме того, раздвоение мира происходит также в исторической, диахронической перспективе: счастливая жизнь с Шелли до её гибели и существование после. Первый мир – идеальный, принимающий главного героя – показан в многочисленных воспоминаниях Эрика о совместном счастье, которые вплетаются в ткань повествования через флешбеки. Второй мир – мрачное, безысходное настоящее, в котором Эрик бесконечно одинок. При этом важно, что Эрик противопоставлен не только преступникам, которых он разыскивает, чтобы свершить свою месть, но и самому социуму: бессилие властей и полиции перед лицом беззакония, сломанные нищетой и наркотиками судьбы, трагедия детей, брошенных на произвол ночных улиц и пр. Такое отчуждение героя от мира перекликается с оппозицией «человек – социум», также свойственной романтизму [Семенова 2013: 108]. Эрик, однако, не полностью оторван от социума. Так, он проявляет заботу о девочке по имени Шерри, которую случайно встречает, дарит ей обручальное кольцо Шелли вместе с надеждой на будущее, но самое главное – заставляет мать девочки встать на путь исправления. Кроме того, он связывается с детективом, который расследовал его дело, оставляет ему кошку, о которой заботился, когда его месть подходит к концу.

Ночь

Время и место играют значимую роль в построении атмосферы графического романа: мрачный, грязный город становится одним из действующих лиц. Угрожающий и опасный, это город греха и порока, забытый, оставленный Богом. Это город преступности и беззакония, город постоянной ночи. Заметим, что ночь в романе персонифицируется и демонизируется: «In the city, where angels fear to hover and devils come to croon, the sex of the night lets down her black narcotic hair under a yellow opium moon»; «So night slips over the city, like a whore to her knees» [O'Barr 1994]. Она предстаёт как нечто грязное, отталкивающее, как вместилище порока, но в то же время она позволяет Эрику вершить свою месть, ведь именно ночь открывает возможность «изменять мир путем деконструкции (смерти, хаоса, разрушения)» [Левочкин 2016: 92].

В эпоху романтизма образ ночи также являлся ключевым. С одной стороны, ночь воспринималась романтиками как неизбежное окончание жизненного пути, с другой – она эстетизировалась, воспевалась, поскольку приносила утешение (вспомним «Гимны к ночи» Новалиса), осмыслялась как царство вечных грёз. Так, ночь в романтизме становится одновременно символом «хаотичной, иррациональной стороны реальности», проводником к

потустороннему, и символом особого состояния души, «ночного» сознания, которое связано с опытом посмертных состояний, а загробный мир воспринимается как пространство ужаса и пространство мечты [Левочский 2016: 89–99]. Главный герой «Ворона», вернувшись в мир живых из мира мёртвых, сам становится таким порождением ночи, потусторонним, мистическим явлением в мире реальном, обыденном. Им движет не разум, но эмоции, чувственное восприятие. Эрик не беспокоится о наличии свидетелей, не пытается вести себя осторожно, не продумывает тщательный план: он действует по зову сердца и из жажды мести.

Ворон

Ключевым образом в романе является сам ворон, который становится для Эрика проводником из мира загробного в мир реальный. В мифологии разных культур ворон часто воспринимался как медиатор между жизнью и смертью, между верхом и низом, между небом и землей [Мелетинский 1980: 202]. Таким медиатором он становится и для Эрика. При этом ворон не только проводник, открывший дверь между мирами: он сопровождает Эрика на всём его пути, остаётся с ним до самого конца, наблюдая, но не вмешиваясь.

Стоит отметить и очевидный диалог со знаменитой романтической поэмой Э. А. По «Ворон» (*The Raven*, 1845). Их сближает не только присутствие мрачной птицы-проводника, но и главное, сюжетообразующее событие – смерть возлюбленной. Как писал сам Э. А. По, «смерть прекрасной женщины – самый поэтичный предмет, связанный с прекрасным, и лучше всего об этом поведают уста ее возлюбленного» (цит. по [Панченко 2010]), предмет, к которому неоднократно обращались в своём творчестве романтики. Важно отметить, что Эрик и лирический герой Э. А. По переживают утрату возлюбленной по-разному: первый поглощён жаждой мести, второй ищет утешение в забвении и надежде на новую встречу, которой не суждено сбыться. Вместе с тем по-разному представлен и образ птицы. Если ворон Э. А. По категорично отвечает, что вернуть возлюбленную не удастся никогда, повторяя лишь одно слово – *Nevermore*, то ворон в романе Дж. О’Барра пытается оградить Эрика от мести, уговаривая его не смотреть (*Don’t look*) на мучения возлюбленной, её смерть, а потом – на воспоминания об утраченном счастье. В отличие от героя поэмы, Эрик не прислушивается к ворону, но идёт к своей цели до самого конца.

Музыка

В представлении романтиков именно музыка была душой всякого искусства, поскольку она способна «гармонично сплавить в себе и глубину содержания, и чувственную силу, и изумительную значимость» [Гудимова 2017: 103]. Как отмечал Э. Т. А. Гофман, «музыка – самое романтическое из всех искусств, пожалуй, можно даже сказать, единственно подлинно романтическое, потому что имеет своим предметом только бесконечное» [Гофман 1962: 27].

В графическом романе музыка также играет значимую роль (это было удачно отражено в экранизации). Сам автор неоднократно признавал в интервью, что во многом черпал вдохновение в творчестве различных музыкальных коллективов [Bergin 1993], среди которых были The Cure и Joy Division, чьи песни цитируются на страницах романа.

Представляется, что творчество обозначенных исполнителей, для которых характерен нигилистический, часто пессимистический взгляд на мир и меланхоличное восприятие жизни, коррелирует с эмоциональным состоянием героя, его переживаниями, что позволяет читателю не только лучше понять Эрика, но и «прочувствовать» атмосферу произведения.

Кроме того, части романа называются музыкальными терминами: *Lament*, *Elegy*, *Crescendo*. Каждое из них отсылает к определённой стадии проживания утраты главным героем, оканчивающихся кульминацией – смертью и долгожданным воссоединением. Музыка в графическом романе, пускай и присутствующая во многом через поэтическую, песенную составляющую, выражает «невыразимое», наделяет текст новыми смыслами, уникальными для каждого читателя, поскольку напрямую обращается к индивидуальному, культурному опыту.

Живопись

Наконец, Дж. О'Барр обращается и к романтической живописи. В конце романа, когда месть свершилась, Эрик достигает своей цели: он приходит к могиле возлюбленной, где может воссоединиться с ней и обрести покой. В качестве иллюстрации пустого, заснеженного кладбища Дж. О'Барр использует репродукцию картины известного немецкого пейзажиста К. Д. Фридриха «Монастырское кладбище в снегу» (1817–1819). Мрачный, но в то же время возвышенный пейзаж, исполненный глубочайшей духовности, характерной для творчества художника [Бычков 2023: 204], создаёт уникальную мистическую атмосферу, пронизанную светлой грустью. Это позволяет передать эмоции Эрика, отобразить его внутреннее состояние, без слов показать катарсис, который переживает главный герой. Представляется, что выбор Дж. О'Барр неслучайно пал на картину романтика-пейзажиста: автор, осознанно или интуитивно, уловил глубинную связь поисков Эрика с поисками романтического героя.

Заключение

Дж. О'Барр, преднамеренно или скорее неосознанно, обращается к идеям и идеалам романтизма, воссоздаёт на страницах романа героя во многом романтического с поправкой на контекст конца 1980-х гг. Тесная связь с романтизмом прослеживается в бунте героя против мира, его отчуждённости от социума. Раздвоенность мира, представленная в разных плоскостях, также сближает графический роман с творческими поисками романтиков. Символ ночи и значительная, даже определяющая роль потустороннего в романе, безусловно, имеет романтическое начало. В образе Эрика угадываются и бунтующие герои Дж. Г. Байрона, и воспевающие ночь лирические герои Новалиса, и оплакивающие возлюбленную герои Э. А. По. Вместе с тем, герой «Ворона» представляет собой самостоятельное явление. Он бросает вызов законам мироздания, жизни и смерти, законам социума и законам божьим, верша суд собственными руками. Сочетая идеальное и демоническое начала, Эрик становится антигероем, но при этом антигероем глубоко романтическим.

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П. А. Гринцер. М. : Наследие, 1994. С. 3–38. EDN: ZVCJUH
2. Бондарев А. П. Диалектика романтического абсолюта // Вестник МГЛУ. 2016. Выпуск 2 (741). С. 176–199. EDN: YNHKHO
3. Бычков В. В. Художники-романтики об искусстве // Культура и искусство. 2023. № 12. С. 195–210. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.12.39476 EDN: PIYQOK
4. Васинева П. А. Аксиологические аспекты антропологии немецкого романтизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 42–48. EDN: QNTSKN
5. Гофман Э. Т. А. Собр. соч. / В 3 т. М. : худ. лит. Т.3. 1962. 519 с.
6. Гудимова С. А. Музыкальная эстетика романтиков // Вестник культурологии. 2017. № 2 (81). С. 94–111. EDN: ZEJAQP
7. Левочский С. С. Символ ночи в немецком романтизме // Вестн. моск. ун-та. сер. 7. Философия. 2016. № 2. С. 86–101. EDN: WBWIPB
8. Мелетинский Е. М. Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М. : 2008. С. 202–204.
9. Обломиевский Д. Артюре Рембо // Французский символизм. М. : Наука, 1973. С. 183–228.
10. Панченко И. По лестнице смыслов (Поэма Эдгара По «Ворон» и ее литературные отражения) // Слово Word. 2010. № 66. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/66/po-lestnicze-smyslov.html> (дата обращения: 19.08.2025).
11. Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы / Пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2011. 199 с.
12. Семенова Г. С. Художественная антропология в литературе западноевропейского романтизма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 103–111. EDN: RCLQMV
13. Сердечная В. В. Литературный романтизм как теоретическая проблема // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2020. № 9. С. 19–27. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-19-27 EDN: FEXTXH
14. Тмарченко Н. Д. Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 2: Историческая поэтика. М. : Академия, 2004. 368 с.
15. Bergin J. Introduction. In a lonely place. Kansas city, 1993. URL: <https://thecrowcomics.wordpress.com/category/0b-james-obarrs-original-comic-the-crow/> (дата обращения: 15.08.2025).
16. O'Barr J. The Crow. 1994. URL: <https://thecrowcomics.wordpress.com/category/0b-james-obarrs-original-comic-the-crow/> (дата обращения: 15.08.2025).

References

1. Averincev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grincer P. A., Mihajlov A. V. Kategorii poehtiki v smene literaturnyh ehpor [Categories of poetics in the changing literary eras]. *Istoricheskaya poehtika. Literaturnye ehpori i tipy hudozhestvennogo soznaniya* [Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness]. Moscow, Nasledie, 1994, pp. 3-38. EDN: ZVCJUH (In Russ.).

2. Bondarev A. P. Dialektika romanticheskogo absolyuta [The Dialectic of the Romantic Absolute]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2016, iss. 2 (741), pp. 176-199. EDN: YNHKHO (In Russ.).
3. Bychkov V. V. Hudozhniki-romantiki ob iskusstve [Romantic artists on art]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. 2023, no. 12, pp. 195-210. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.12.39476 EDN: PIYQOK (In Russ.).
4. Vasineva P. A. Aksiologicheskie aspekty antropologii nemeckogo romantizma [Axiological aspects of the anthropology of German romanticism]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia]. 2013, no. 161, pp. 42-48. EDN: QNTSKN (In Russ.).
5. Gofman Eh. T. A. Sobranie sochinenij [Collected Works]. Moscow, vol. 3, 1962, 519 p. (In Russ.).
6. Gudimova S. A. Muzykal'naya ehstetika romantikov [Musical aesthetics of the Romantics]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies]. 2017, no. 2 (81), pp. 94-111 EDN: ZEJAQP (In Russ.).
7. Levochskij S. S. Simvol noch i v nemeckom romantizme [The symbol of night in German Romanticism]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2016, no. 2, pp. 86-101. EDN: WBWIPB (In Russ.).
8. Meletinskij E. M. Voron [Crow]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow, 2008, pp. 202-204. (In Russ.).
9. Oblomievskij D. Artyur Rembo [Arthur Rimbaud]. *Francuzskij simvolizm* [French Symbolism]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 183-228. (In Russ.).
10. Panchenko I. Po lestnice smyslov [On the ladder of meanings]. *Slovo Word* [Word Word]. 2010, no. 66. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/66/po-lestnicze-smyslov.html> (accessed: 19.08.2025).
11. Rehnd A. Romanticheskij manifest: Filosofiya literatury [The Romantic Manifesto: Philosophy of Literature]. Moscow, Al'pina Publisher, 2011, 199 p. (In Russ.).
12. Semenova G. S. Hudozhestvennaya antropologiya v literature zapadnoevropejskogo romantizma [Artistic anthropology in the literature of Western European romanticism]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanitarian i social'nye nauki]. 2013, no. 4, pp. 103-111. EDN: RCLQMV (In Russ.).
13. Serdechnaya V. V. Literaturnyj romantizm kak teoreticheskaya problema [Literary Romanticism as a Theoretical Problem]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. Moscow, 2020, no. 9, pp. 19-27. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-19-27 EDN: FEXTXH (In Russ.).
14. Tamarchenko N. D. Teoriya literatury [Literary theory]. Vol. 2, Moscow, Akademiya, 2004, 368 p. (In Russ.).
15. Bergin J. Introduction. In a lonely place. Kansas city, 1993. URL: <https://thecrowcomics.wordpress.com/category/0b-james-obarrs-original-comic-the-crow/> (accessed: 15.08.2025).
16. O'Barr J. The Crow, 1994. URL: <https://thecrowcomics.wordpress.com/category/0b-james-obarrs-original-comic-the-crow/> (accessed: 15.08.2025).

Информация об авторе

А. П. Чагина – кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа лингвистики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Information about the author

A. P. Chagina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Higher School of Linguistics, I. Kant Baltic Federal University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026 принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 97–106.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 97-106.

Научная статья

УДК 821.111(092)

EDN: WHPXMV

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-97-106

<https://elibrary.ru/whpxmv>

АВТОБИОГРАФИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ

Наталья Вадимовна Романова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,

Romanova.n.00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу автобиографического компонента в творчестве современной британской писательницы Хилари Мантел и его связи с темой травматического опыта. Материалом исследования выступают психологические романы автора и сборники рассказов, опубликованные в период с 1994 по 2014 гг. Автобиографический материал в прозе Х. Мантел используется в разной степени, однако, зная ее биографию, можно выделить основные факты, которые нашли свое отражение в творчестве – это факты из детства автора, ее опыт проживания в других странах, а также аспекты ее физического здоровья. Сюжеты романов и рассказов писательницы зачастую связаны со следующими повторяющимися темами и проблемами и перекликаются с ее собственной биографией: ситуация существования «неправильной семьи» (мать-отец-любовник матери / отчим), «инаковость» главных героев по социальному и религиозному признаку, сюжет потери ребенка или невозможности иметь детей («женская» травма). Помимо наличия травматического сюжета или травматического фона в произведениях Мантел, постоянный авторский фокус на ранее упомянутых темах, как мы считаем, говорит об их травматичности для самой писательницы. Постоянное обращение к различным фактам своего прошлого становится для Мантел своеобразным «отыгрыванием», способом рефлексии и создания собственного языка травмы – через телесность, то есть описание физиологических деталей. Однако важно отметить, что основной особенностью функционирования биографического компонента в творчестве Х. Мантел является постепенная «фикционизация» собственного опыта. Автор отходит от повествования от первого лица, а также от простых ретроспекций, предпочитая более сложные способы и формы построения повествования. Таким образом факты биографии, использованные в произведениях, со временем подвергаются все более тщательной художественной обработке, а сюжет травмы приобретает более широкую трактовку.

Ключевые слова: современная литература, Хилари Мантел, автобиографизм, индивидуальная травма, психологическая проза.

Для цитирования: Романова Н. В. Автобиографизм в творчестве Хилари Мантел // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 97–106. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-97-106>. EDN: WHPXMV

Original article

AUTOBIOGRAPHICAL COMPONENT IN THE WORKS OF HILARY MANTEL

Nataliya V. Romanova

Kazan Federal University, Kazan, Russia, Romanova.n.00@mail.ru

Abstract. The article examines the autobiographical component in the works of the contemporary British writer Hilary Mantel and its connection to the theme of traumatic experience. The study is based on Mantel's psychological novels and short story collections published between 1994 and 2014. Although autobiographical material is employed to varying degrees throughout her prose, knowledge of the author's biography allows to identify several key experiences reflected in her fiction, including events from her childhood, her experience of living abroad, and aspects of her physical health. The plots of Mantel's novels and short stories frequently engage with recurring themes and issues that resonate with her own life experience. These include the existence of a "non-traditional" family structure (mother–father–mother's lover/stepfather), the social and religious otherness of the protagonists, and narratives centered on the loss of a child or the inability to have children (as a form of specifically female trauma). In addition to the presence of traumatic plots or traumatic context in Mantel's works, the author's persistent focus on these themes suggests, in our view, their traumatic significance for Mantel herself. Mantel's continual return to various episodes from her past functions as a form of acting out, enabling reflection and the construction of her own language of trauma through corporeality, that is, through detailed descriptions of physiological experience. At the same time, it is important to emphasize that the defining feature of the usage of autobiographical elements in Mantel's creativity is the gradual fictionalization of personal experience. The author increasingly moves away from first-person narration and straightforward retrospection, favoring more complex narrative strategies and forms. As a result, biographical facts incorporated into her works undergo artistic transformation, and the trauma narrative acquires a broader and more universal interpretation.

Keywords: modern literature, Hilary Mantel, autobiographical component, trauma, psychological literature.

For citation: Romanova N. V. Autobiographical Component in the Works of Hilary Mantel. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:97-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-97-106>. EDN: WHPXMV

Введение

Британская писательница Хилари Мантел (Hilary Mary Mantel, 1952–2022) приобрела широкую известность и мировую славу после выхода романов о Томасе Кромвеле. Роман Х. Мантел о одном из основателей англиканства «Волчий зал» ("Wolf Hall", 2009) и его продолжение «Внесите тела» ("Bring Up the Bodies", 2010) были удостоены Букеровские премии в 2009 г. и 2012 г., а третий роман из «кромвелевской серии» «Зеркало и свет» ("The Mirror & the Light", 2020) выиграл премию Вальтер Скотта в 2021 г. «Я стала писательницей исключительно потому, что упустила шанс стать историком» [Мантел 2022: 9], – так сама

Мантел написала в предисловии к своему первому историческому роману о французской революции «Сердце бури» (“A Place of Greater Safety”, 1992). Можно сказать, что собственная любовь писательницы к истории перенеслась на ее творчество, оказало на него немалое влияние. Вместе с тем отпечаток личности самой Хилари Мантел на ее произведения можно наблюдать в гораздо большей степени в ее психологических романах и рассказах.

Мы считаем, что важным аспектом творчества Х. Мантел является автобиографичность, а именно обращение, как в романах, так и в рассказах, к определенным фактам и реалиям ее жизни. В своей докторской диссертации и одноименно монографии «Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке» Л. Б. Караева отмечает, что «в формальном плане эволюцию жанра автобиографии на новом этапе в целом можно определить как движение от фактографичности к психологизму, к сознательному использованию литературной формы и к воссозданию своей личности в процессе самого творческого акта» [Караева 2009: 12]. Исследователь подчеркивает, что автобиография XX века «объединяет и трансформирует разнообразные автобиографические формы, использует поэтологические приемы всех литературных направлений, вбирает в себя романские функции, превращаясь к концу XX века в метажанр» [Караева 2009: 56]. Стоит отметить, что на рубеже веков особое внимание в художественной литературе отводится индивидуальной психологической травме, о чем свидетельствуют исследования зарубежных и отечественных ученых [Onega, Ganteau 2011; Рогачевская 2018; Хабибуллина 2025].

Фокус внимания писателей смещается с изображения крупных исторических событий и их влияния на судьбу человека, на передний план выходит «малая история». Индивидуальный жизненный опыт человека, не связанный с переживаниями целого поколения, становится материалом для создания художественного текста, текст же в свою очередь становится способом авторской рефлексии о произошедшем в прошлом, о том травматическом опыте, который он мог пережить. Здесь мы также апеллируем к понятию «отыгрывание» (acting out), введенному американским историком Домиником ЛаКапрой в его исследованиях травматического опыта жертв Холокоста [LaCapra 1994, 1998]. ЛаКапра утверждал, что постоянное возвращение к ситуации из прошлого, повторение ее в различных формах, говорит о ее травматичности для повествователя (свидетеля события).

Основная часть

В своем исследовании мы обращаемся к психологическим романам Х. Мантел «Перемена климата» (“A Change of Climate”, 1994), «Любовный эксперимент» (“An Experiment in Love”, 1995) и «Чернее черного» (“Beyond Black”, 2005), а также сборникам рассказов «Учиться говорить правильно» (“Learning to Talk”, 2003) и «Убийство Маргарет Тэтчер» (“The Assassination of Margaret Thatcher”, 2014). В данных произведениях степень использования автобиографического материала различна, однако, ознакомившись с биографией исследуемого автора, можно выделить следующие факты, которые так или иначе нашли свое отражение в ее прозе.

Х. Мантел родилась и выросла в небольшом рабочем городе на севере Англии, в графстве Дербишир, где экономическая ситуация в регионе, а также и финансовое состояние ее собственной семьи оставляли желать лучшего, по ее собственному мнению. Родители Мантел оба были католиками ирландского происхождения, родившимися в Англии. Сама Мантел была также воспитана в католической традиции и в детстве посещала религиозную школу, а затем и колледж. Когда Мантел было семь лет, к ним в дом переехал любовник ее матери, Джек Мантел. Он делил спальню с ее матерью, в то время как ее отец остался в доме, но съехал в другую комнату. Только спустя 4 года новая семья переехала в другой город, чтобы избежать сплетен, Мантел сменила фамилию и со своим родным отцом после этого не общалась. В возрасте двадцати семи лет Мантел прошла безуспешное лечение от агрессивной формы эндометриоза, в следствии чего потеряла возможность иметь детей. В 1977 г. Мантел переехала с мужем-геологом в Ботсвану, Южная Африка, где они прожили следующие пять лет, затем еще четыре года супруги проживали в Саудовской Аравии.

Вышеперечисленные факты биографии Мантел не только послужили основой для сюжета некоторых рассказов, а также романов, но также являются повторяющимися для нескольких произведений автора. Мы считаем, что такое систематическое обращение к одним и тем же сюжетам и проблемам в своем творчестве говорит об их травматичности для автора. Сама писательница подтверждает это в предисловии к сборнику «Учиться говорить правильно», в который вошли рассказы Мантел, написанные в период с 1987 по 2001 года. Она пишет, что «все мои рассказы проистекают из вопросов, которые я задавала себе о ранних годах своей жизни» [Мантел 2024: 7].

Мантел рассуждает о том, что события ее детства не являются типичной физической или жестокой психологической травмой, однако они волнуют ее на протяжении всей жизни, и это находит отражение во всем ее творчестве: «читатели давно готовы услышать от тебя любые откровения, стать свидетелями сцен жестокости и сексуального насилия. Ну да, все это обычные элементы «хоррора». Вот только у меня-то «ужасы» куда более расплывчаты, диффузны, хотя их удушающая десница держит меня за горло всю жизнь, и я сама до сих пор не знаю, как им это удастся и что они такое» [там же: 188].

Особенностью функционирования автобиографического компонента в творчестве Х. Мантел является то, что степень фикциональности и художественной обработанности ее личного опыта увеличивается в ее произведениях с течением времени, однако это не приводит к уменьшению травматического нарратива в ее текстах. Так, в ранних рассказах Мантел, вошедших в сборник «Учиться говорить правильно», главными героями являются уроженцы небольшого промышленного города на севере Англии, воспитанные в католической семье, что делает их «чужими» в обществе. Повествование в рассказах ретроспективно и ведется от первого лица, главные герои вспоминают о своем детстве и о том, с какими трудностями им пришлось столкнуться. Например, в рассказах «Король Билли – джентльмен», «Сгинувший», «Путь красоты извилист» в сюжетах присутствует линия, когда любовник матери переезжает в дом семьи повествователя, то есть у главного героя появляется второй отец, в других рассказах также присутствует фигура отчима

(Жильца), который стал третьим в семье, и рассказчик не может однозначно принять эту ситуацию, понять взаимоотношения взрослых. В сборнике «Учиться говорить правильно» степень автобиографизма достаточно высока, а финальный рассказ «Как отказаться от призрака прошлого» является фрагментом мемуаров Х. Мантел 2003 г. «Инаковость», социальная и религиозная, становится травмирующим фактором для рассказчиков сборника, а схожесть данных ситуаций с биографией автора и неоднократное повторение сюжета «неправильной» католической семьи в рассказах позволяет говорить о его важности для самой Х. Мантел.

В романе Х. Мантел «Любвный эксперимент» также находят отражение социальные аспекты жизни писательницы. Главная героиня произведения Кармел МакБейн является уроженкой маленького промышленного городка на севере Англии, ее родители принадлежат к достаточно бедному рабочему классу, а из фамилии следует, что у нее ирландские корни. Повествование романа не линейно, а состоит из воспоминаний героини о ее детстве, обучении в католической школе, религиозном колледже и учебе в Лондонском Университете права. Бедность Кармел и её классовое происхождение играют важную роль в определении её личности – буквально повсюду, куда бы она не уехала из родного дома, она чувствует давление общества, она стесняется своего положения, того, что она отличается от более богатых и успешных сокурсниц.

Не менее важной в произведении является «женская» проблема, связанная с сексуальной революцией 70-х гг. XX в., отношениями полов и беременностью. В романе «Любвный эксперимент» тема беременности напрямую связана с травматическим опытом, поскольку раскрывается через сюжет нежелательной беременности одной из студенток-сокурсниц Кармел, а также беременность давней знакомой главной героини – Карины, которая совершает поджог здания общежития в финале произведения. Мы считаем, что личная травма автора, связанная с репродуктивными проблемами, таким образом находит свое выражение в ее творчестве, а именно в сюжетах, связанных с невозможностью иметь детей, замалчиванием потери ребенка и других вариациях этой темы.

В романе «Перемена климата» Х. Мантел также обращается к «женской» травме. В произведении переплетаются несколько сюжетных линий и конфликтов, однако центральный связан с фигуры Анны и Ральфа Элдредов – супруги переживают кризис взаимоотношений и при этом тяготеют какой-то страшной тайной. Так, в самом начале совместной жизни Элдреды отправились в Южную Африку с христианской миссией и провели там несколько лет. Только ближе к финалу романа читатель узнает о том, что в Африке Анна незапланированно забеременела и родила двойню. Приняв решение остаться в миссии в условиях конфликта с местным населением, а не вернуться на родину, Элдреды подвергли своих детей смертельной опасности. Однажды ночью к ним в дом проникли местные жители и похитили близнецов, одного из детей, девочку Кит, удалось найти живым, а второй ребенок, мальчик, пропал без вести, скорее всего он был убит в ритуальных целях либо же погиб. Таким образом, «женская» травма выражается в данном романе в ситуации утраты ребенка.

Однако стоит отметить, что в данном романе автор практически отказывается от повествования от первого лица, чаще всего оно ведется от третьего лица и передается взгляд на ситуацию от лица Анны, Ральфа, их детей и других персонажей. Используя в романе несобственно-прямую речь, Х. Мантел вводит в произведение элемент полифонии [Романова 2024]. Также несмотря на то, что Мантел описывает в романе реалии Южной Африки, в том числе, исходя из своего собственного опыта пребывания на этом континенте, степень фикциональности и «обработанности» биографического материала увеличивается по сравнению с более ранними произведениями, где можно более явно проследить авторское «Я».

Отдельные примеры использования автобиографического материала можно найти и в более поздних рассказах Х. Мантел, вошедших в сборник «Убийство Маргарет Тэтчер». Так, например, в рассказе «Простите за беспокойство» писательница обращается к своему опыту проживания в Джидде (Саудовская Аравия) в 1980-х гг. Мантел описывает взаимодействие рассказчицы-британской писательницы с пакистанским бизнесменом Иджазом в условиях культурной разницы между Западом и Востоком. По мере того как мужчина превращается из благодарного застенчивого незнакомца в навязчивого поклонника, докучающего главной героине, которая не хочет зря обидеть представителя чужой культуры, развивается внутреннее напряжение рассказчицы. Она чувствует себя не на своем месте, что подчеркивается сравнением ее квартиры с похоронным бюро, а также рассказами о реалиях арабского мира (никаких социальных взаимодействий между иностранцами и местными, только частные визиты; изоляция женщин в обществе).

В своем дневнике рассказчица пишет – «пала жертвой “неприятных и навязчивых мыслей”» [Мантел 2015: 20], а далее картину усугубляет ее страх, что мебель в комнате начала перемещаться сама собой. Все эти детали создают своеобразный травматический фон произведения, личные переживания и страхи рассказчицы обостряются в условиях ее «невписанности» в патриархальный арабский мир. Еще одним фактором, указывающим на травматичность происходящего в рассказе, становится упоминание темы женского здоровья, в том числе репродуктивного, присущей творчеству Мантел – окружение подозревает, что главная героиня не может забеременеть, так как принимает таблетки («Я серьезно болела, сидела на лекарствах»; «Жены других сотрудников компании решили, что я принимаю препараты, способствующие зачатию» [Мантел 2015: 18–19]).

В рассказе «Зимние каникулы» из этого же сборника «женская» травма выражается в сюжете, когда бездетная пара средних лет прилетает в отпуск и во время поездки на такси попадает в дорожное происшествие. Повествование ведется от третьего лица, однако автор дает читателю возможность погрузиться в мысли главной героини и почувствовать ее тоску от того, что муж сначала не захотел заводить детей, а затем для нее стало слишком поздно по объективным биологическим причинам. Трагической кульминацией рассказа становится смерть ребенка, которого сбивает на темной дороге таксист. Супруги, которые в моменте поняли, что произошло что-то страшное, но предпочли думать, что сбит был горный козел, замалчивают эту ситуацию, а затем становятся ее соучастниками, когда не дают швейцару забрать сумки из багажника, где «она увидела – одновременно отказываясь видеть – не

раздвоенное копыто, а грязную тонкую руку ребенка» [Мантел 2015: 82]. Х. Мантел создает в данном рассказе двойную ситуацию травмы, связанную с потерей ребенка. Первичная «внутренняя» травма главной героини связана с индивидуальным психологическим переживанием невозможности иметь детей, данное состояние усугубляется через ситуацию «внешней» травмы – смерть ребенка на дороге.

Стоит отметить, что телесность или описание внутреннего переживания героя через его физическое состояние (например, изображение физических особенностей, метаморфоз, взаимодействий героя с собственным телом) становится в современной литературе важным способом репрезентации индивидуальной травмы [Хабибуллина 2025]. Эта тенденция повлияла на способ изображения травмированного сознания и в творчестве Хилари Мантел, где внимание к телесному становится одним из основных способов передачи травматического опыта.

Общая литературная тенденция в произведениях писательницы подкрепляется ее личным опытом, связанным с лечением эндометриоза и другими проблемами со здоровьем. Одним из примеров использования телесности как способа репрезентации травмы в произведении может служить анорексия главной героини в романе «Любимый эксперимент» – сначала Кармел голодает, чтобы сэкономить, она хочет быть «вписанной» в общество, не смотря на свое материальное положение, затем она переживает тяжелый период в отношениях с парнем. Так, в романе плохое физическое состояние героини становится отражением ее истощения психологического.

На описании прогрессирования анорексии у девочки Морны выстроен рассказ «Сердце не выдержало» из сборника «Убийство Маргарет Тэтчер». В рассказе мы встречаем такие описания: «круглый год Морна носила шерсть, чтобы защитить свои плечи, локти, бедра от столкновений с мебелью, а еще – чтобы создать видимость веса», «сквозь кожу просвечивали косточки» [Мантел 2015: 160]. Болезнь Морны влияет на состояние всех членов семьи, мотив «разложения» тела в рассказе связан и с проблемой распада семьи и морали (отец семейства увлекается порнографическими изображениями). Открытие тайны отца и смерть Морны становятся травмирующими для ее младшей сестры – Лолы, и эта травма также описывается через физиологический аспект («Она случайно прикоснулась к ее плечу, и оно было острым, как нож. Лезвие, казалось, глубоко вонзилось в плоть, и она ощущала порез несколько часов подряд» [Мантел 2015: 175]).

Наибольшей степени взаимопроникновения языка тела и сюжета травмы Мантел достигает в романе «Чернее черного». Внешний сюжет произведения выстроен вокруг взаимодействия двух героинь – медиума Эллисон и ее помощницы Коллет, а внутренний связан с попыткой главной героини вспомнить свое прошлое и избавиться от духа-проводника Моррисона. Главная героиня произведения, медиум Эллисон, страдает от неумеренности в пище, ожирения, головных болей и других недугов. Ее воспоминания о собственном прошлом, которое является крайне травматичным в связи с пережитым психологическим, физическим и сексуальным насилием, тесно переплетены с мотивами расчлененного тела («Лет с восьми, девяти, десяти, сказала Эл, она привыкла видеть вокруг разбросанные части людских тел» [Мантел 2010: 70]).

Воспоминания главной героини о каких-либо увечьях (своих собственных, чужих, тех, которые она сама нанесла кому-то) становятся способом репрезентации травматического прошлого Эллисон, подробно об этом пишет Л. Ф. Хабибуллина в своей статье «Ситуация травмы в романе Х. Мантел «Чернее черного» (Beyond black, 2005)» [Хабибуллина 2018]. В данном романе нет связи сюжета с фактами биографии Х. Мантел, однако произведение является примером авторского метода повествования о травме через телесность, что в определенной степени является следствием ее жизненного опыта.

Заключение

Автобиографичность является важной составляющей творчества Хилари Мантел, так как обращение к определенным фактам своей биографии в различных произведениях является не только источником вдохновения и сюжета для писательницы, но также возможностью саморефлексии и выработке собственного языка травмы. Мы считаем, что постоянное возвращение к одним и тем же темам и проблемам в рассказах и романах («неправильная» семья, преодоление социального разрыва, «женская» проблема) может являться примером своеобразного «отыгрывания» на авторском уровне, которое обычно свидетельствует о травмированности сознания и может служить маркером важности определенных событий для героя, а в данном случае для автора.

Однако стоит отметить, что одни и те же факты биографии Мантел, встречающиеся в произведениях, со временем становятся более обработанными, писательница все чаще отказывается от повествования от первого лица и использования «Я», от прямой ретроспекции переходит к более сложным формам выстраивания нарратива – усиливает нелинейность повествования, использует несобственно-прямую речь для чередования повествования от лица разных героев. Тем самым мы можем говорить, что в творчестве Хилари Мантел происходит переход от открытого обращения к собственному, во многом травматическому, опыту в ранних рассказах и романах, к художественно обработанному сюжету травмы в более поздних работах.

Если в первых рассказах сборника «Учиться говорить правильно» автобиографический компонент достаточно четко прослеживается, в личности рассказчиков можно найти черты самого автора, то в своем последнем психологическом романе «Чернее черного» Х. Мантел достигает максимальной степени фикциональности, в нем нет открытой апелляции к ее собственному опыту, только проблема травматического опыта, выраженная, в том числе, через телесность.

Список литературы

1. Караева Л. Б. Английская литературная автобиография: Трансформация жанра в XX веке. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2009. 276 с.
2. Мантел Х. Перемена климата / Пер. с англ. В. Желнинова. М. : АСТ, 2019. 384 с.
3. Мантел Х. Сердце бури / Пер. с англ. М. Клеветенко. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. 864 с.

4. Мантел Х. Чернее черного / Пер. с англ. А. С. Киланова. М. : Эксмо, 2010. 496 с.
5. Мантел Х. Учиться говорить правильно / Пер. с англ. И. Тогоевой. М. : Эксмо, 2024. 192 с.
6. Мантел Х. Убийство Маргарет Тэтчер / Пер. с англ. К. М. Королева. М. : АСТ, 2015. 224 с.
7. Рогачевская М. С. Новые формы психологизма в британском романе XX века : автор. дис. ... д-ра. филол. наук. Минск, 2018. EDN: JCEFDH
8. Романова Н. В. Национальная специфика переживания травматического опыта в романе Хилари Мантел «Перемена климата» // Филология и культура. 2024. № 2(76). С. 181–187. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-181-187 EDN: GZMUIH
9. Хабибуллина Л. Ф. Английская литература о травме рубежа XX-XXI вв. : монография. М. : ДиректМедиа, 2025. 172 с. ISBN: 978-5-4499-5193-9 EDN: KJWLZW
10. Хабибуллина, Л. Ф. Ситуация травмы в романе Х. Мантел «Чернее черного» (Beyond black (2005) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 246–250. EDN: UTKUMC
11. Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction/ ed. by Susana Onega, Jean-Michel Ganteau. Amsterdam: Rodopi. 2011. 330 p.
12. Goldberg A. An Interview with Professor Dominick LaCapra. Cornell University. June 9, 1998 // Shoah Resource Center // yad-vashem.org.il URI: https://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203648.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
13. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Cornell University Press, 1994. 248 p.
14. Mantel H. An Experiment in Love. London : Fourth Estate, 2010. 250 p.

References

1. Karaeva L. B. Anglijskaya literaturnaya avtobiografiya: Transformaciya zhanra v XX veke [English Literary Autobiography: The Transformation of a Genre in the Twentieth Century]. Nal'chik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2009, 276 p. (In Russ.).
2. Mantel H. Peremena klimata [Climate change]. Moscow, AST, 2019, 384 p. (In Russ.).
3. Mantel H. Serdce buri [Heart of the Storm]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2022, 864 p. (In Russ.).
4. Mantel H. Chernee chernogo [Blacker than black]. Moscow, Ehksmo, 2010, 496 p. (In Russ.).
5. Mantel H. Uchit'sya govorit' pravil'no [Learn to speak correctly]. Moscow, Ehksmo, 2024, 192 p. (In Russ.).
6. Mantel H. Ubijstvo Margaret Tehtcher [The assassination of Margaret Thatcher]. Moscow, AST, 2015, 224 p. (In Russ.).
7. Rogachevskaya M. S. Novye formy psihologizma v britanskom romane XX veka [New forms of psychologism in the British novel of the 20th century]. Doctoral dissertation abstract. Minsk, 2018 EDN: JCEFDH (In Russ.).
8. Romanova N. V. Nacional'naya specifika perezhivaniya travmaticheskogo opyta v romane Hilari Mantel «Peremena klimata» [National Specificity of Experiencing Traumatic Experience in Hilary Mantel's Novel Climate Change]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2024, no. 2(76), pp. 181-187. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-181-187 EDN: GZMUIH (In Russ.).

9. Habibullina L. F. Anglijskaya literatura o travme rubezha HH-HHI vv. [English literature on trauma at the turn of the 20th and 21st centuries.]. Moscow, DirektMedia, 2025, 172 p. ISBN: 978-5-4499-5193-9 EDN: KJWLZW (In Russ.).
10. Habibullina, L. F. Situaciya travmy v romane H. Mantel «Chernee chernogo» [The trauma situation in H. Mantel's novel]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2018, no. 3, pp. 246-250. EDN: UTKUMC (In Russ.).
11. Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction/ ed. by Susana Onega, Jean-Michel Ganteau. Amsterdam: Rodopi. 2011, 330 p.
12. Goldberg A. An Interview with Professor Dominick LaCapra. Cornell University. June 9, 1998 // Shoah Resource Center. yad-vashem.org.il URI: https://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203648.pdf (accessed: 01.02.2026).
13. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Cornell University Press, 1994, 248 p.
14. Mantel H. An Experiment in Love. London, Fourth Estate, 2010, 250 p.

Информация об авторе

Н. В. Романова – ассистент, кафедра зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Information about the author

N. V. Romanova – Assistant Professor, Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026 принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2026. № 3

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 29.08.2026. Дата выхода в свет 31.08.2026.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12,55. Тираж 500 экз. Заказ № 1511 .

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».

Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.